

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'282. 2 (470.44)

ХРИСТИАНСКОЕ И ЯЗЫЧЕСКОЕ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале текстового корпуса говора с. Белогорное Саратовской области)

О.Ю. Крючкова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: vpk@rambler.ru

В статье рассматриваются актуальные для сельских жителей элементы христианских и языческих знаний, образующих тесное единство в русской народной культурной традиции.

Ключевые слова: христианство, язычество, народная культура, говоры, мифология, традиции.

Christian and Pagan Elements in Russian Traditional Folk Culture (based on the data of the local dialect of Belogorskoye village, Saratov region)

O.Yu. Kryuchkova

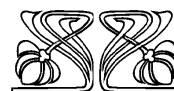
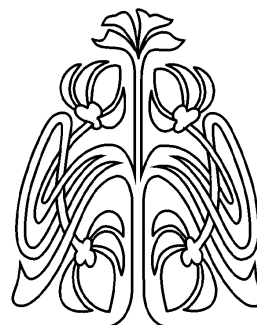
The article considers the elements of Christian and pagan pictures of the world in a local dialect, the elements important for the villagers and intermixed in the traditional folk culture.

Key words: Christianity, paganism, folk culture, dialects, mythology, tradition

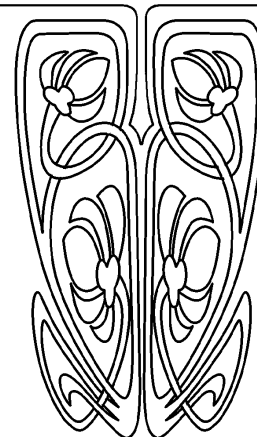
Синтез христианских и языческих представлений и верований, возникший на Руси в X в. во время ее христианизации, продолжает сохранять свою актуальность в современной народной традиционной культуре. Анализ значительного по объему корпуса текстов (120 тыс. словоупотреблений), записанных в 1990–2000-х гг. от пожилых жителей с. Белогорное Вольского района Саратовской области (в селе представлены две религиозные общины – последователей официальной церкви, или «церковных», и старообрядцев), свидетельствует о том, что религиозные представления сосуществуют в сознании старших жителей села с представлениями мифологическими, образуя характерное для русской народной культурной традиции единство.

Элементами православной культуры являются у жителей села вера в Бога, христианских святых, соблюдение православных праздников и знаменательных дат церковного календаря, отправление церковных служб и обрядов, знание религиозных текстов и библейских сюжетов. Часть православной культурной традиции составляет христианская мифология. Языческие культурные традиции находят выражение в вере в приметы, в колдунов, бесов, гадания. Представления, имеющие отношение к обоим культурным пластам, охотно воспроизводятся, обсуждаются, активно пропагандируются носителями народной традиции.

Вера в Бога, его милость, щедрость и вместе с этим в его карающую силу – непреложные духовные заповеди для сельчан пожилого возраста. Ср.: *самое главное/ девчонки/ креститесь// и то будет спасение// да ещё спасенье какое/ до седьмого колена// дeтjа 'м господь счастье даст/ и внукам/ и правнукам; ну/ везде молиться надо// господь/ господь простит/ если будет кто бога просить и молиться/ всё равно/ господь простит// он многомилостив// он всем прощает/ кто его просит. Но: ну/ пойдем Юра в церковь// он говорит/ а я в бога не верю//*

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

а у него/ раз вот/ и сынок-то утонул// вот тебе и бога не верю; кто ругнется в бога/ или в Духа святого/ того/ говорит/ не прощу никогда!; он [бог] сказал/ буду мучить до конца/ а подойдет время без конца!// вот// – Ну неужели он такой жестокий? – Очень// очень// потому что мы такие жестоки стали// к нему// к нему// молодёжь/ заставь вот сейчас начало положить/ три поклона положить? ни один не положит.

Важное место в культуре традиционного социума занимают индивидуальные молитвы, рассматриваемые как каждодневная необходимость, самый надежный способ быть услышанным Богом и святыми, получить от них помощь, оградиться от всего плохого и вредоносного. Ср.: *вот господня молитва/ это вот дело; господь здоровье даст тому <...> который молится; если господь-бога просишь/ господь-то пошлет// если богу будешь молиться/ да-а// услышал молитвумое и ...послал тебе женишка/ любой из вас; в первую очередь что надо заучить/ «Живые помощи»/ «Богородицу»/ «Отче наш»/ «Верую»; прежде чем встать с постели/ ну/ ногу с кровати/ нужно прочитать «Живые помощи» <...> «Псалом 50»/ «Верую» <...> «Отче наш»/ это ходовые молитвы/ «Богородица»/ «Святая Троица»/ вот это вот все в ходу/ во всех молениях <...> когда «Живые помощи» прочитаешь/ он от врагов/ или от змей там// ну/ там всё сказано/ всё// они помогают «Живые помощи»; богородишна молитва <...> она тоже помогает везде <...> она женская это... молитва.*

Значительную роль в жизни и сознании носителей традиционной народной культуры играет соблюдение религиозных обрядов и ритуалов. По мнению староверов, формальное, неусердное отношение к религиозной обрядовости оскорбительно для Бога: *я им [молодежи] говорю/ вы уж не креститесь/ это ведь если там не истово крестишься/ то только насмешку богу даёшь <...> надо креститься истово; вот он [бог] нас и наказывает/ что мы не исполняем/ истово-то дело.* Приверженцы церковной веры также подчеркивают, что соблюдение религиозных обрядов, ритуалов – важное условие сохранения нравственных норм в жизни, залог спасения (*а невенчанные/ это/ считай/ как с неверным мужем живешь; ангел все время у нас на плече// кто крещеный/ у него ангел/ а кто некрещеный/ у того не-ет; если/ говорит/ человек сел кушать да не перекрестился/ это считай/ как скотина у стойла// да// может человек подавиться...; крестик надевайте <...> крест/ честная сила), хотя и не настаивают на «истовом» исполнении религиозной обрядовости.*

Значимой частью религиозной картины мира у носителей народной культуры является знание библейских сюжетов, пусть и не вполне точное. Ср.: *усекновение главы// вон он/ отсек ему голову/ и вон она/ на тарелочке понесла/ матери// – А кто отсек? – А там/ палач// да// он же в тюрьме был/ Иоанн Предтеча/ и царь ему сказал/ отсеки голову*

и итнеси этот... а она плясала/ больно уж красиво/ и понравилась/ царю-ту// – А как ее звали? – Да я уж и не знаю как её/ это ведь всё надо читать/ забыл/ вот/ а она это/ и говорит/ я исполню/ что ты прикажешь/ я всё исполню/ ну вот он/ отсеките главы Иоанна Предтечи/ и принесите мне... матери// ну/ так и исполнила...;

Содом и Гомора что сгорели?// за беззаконье <...> На Содом и Гомору господь серу пустил/ сгорели <...> а он говорит/ если не найдется пять праведных людей/ сожгу!// ну/ и не нашлось// Лот-то нашел/ и жену взял/ и детей// а Сара-то взяла и оглянулась/ и сделалась соляным столбом// вот так// а Лот ушел с двумя дочерьми/ и они ушли в... это... другое место// как/ говорит/ размножаться будем?// одна сестра другой и говорит/ давай/ говорит/ напоим отца пьяного// ну/ нету/ оплодотворяться-то нечем// и они напоили// и одна это... переспала одну ночь/ другая в другую/ с отцом// вишь как// и у них началось размножение// вот так вот;

когда Богородица-то... Иосиф-то/ значит/ взял её/ он только подумал/ что у богородицы живот растёт// а он только надумал/ говорит/ господи/ мне её надо выпроводить/ я же с ней ничего не имел/ а живот-то растёт// а ему-то господь и говорит/ Иосиф/ не переживай!// Мария осенена святым духом// у вас народится сын// назовете его Иисусом// и он стал исполнять все божьи веления;

Авель и Кавель/ это два брата// один брат другого убил// потому что господь сразу определил/ который добрый/ а который...

Религиозные сюжеты и легенды органично вплетены в культуру повседневности, служат практическим ориентиром индивидуального и социального поведения. Обращение к ним связывается обычно с событиями реальной жизни, содержание религиозных сюжетов верифицируется с опорой на личный опыт, подвергается эмоциональной субъективной оценке, переносится в план реального времени. Ср.: *... когда же/ ей [Марии]/ когда/ этот... Иоанн Богослов-то сказал/ что... у тебя сын воскрес/ так она... или вот тебе скажи/ или тебе вот/ вы как поведёте себя/ обрадуетесь?;*

...мы купали в купели или в реке/ или в озере/ или где-то/ в пруду/ вон в речке/ как Иисуса Христа/ Иоанн Креститель крестил;

Богородица-то ушла/ и... зимой в умеете ночевала// никто не пустил ночевать// это вот... у нас и цыгане ночевали/ десять человек// десять метров товара свистнули/ да бог с ними// но милость надо делать <...> а сейчас вот/ видишь// сюда она постучала/ Богородица/ не пустили// что?// беззаконие творят// туды/ тоже/ вас много бродяг/ идите/ дальше проходите// ох девчонки;

а то как в Евангелии написано// пять-то дев запасли себе все/ и лампу/ и все// а другие-то не спросят... вот/ видишь// вот!// надо вовремя все запастись// беги/ говорит/ на базаре купи// пока ходишь/ тут все/ Иисус Христос ушел;

ой/ не знаю/ что за жизнь пошла// в писанин// все сходится// вот/ Содом и Гомора/ как и раньше// там описывают/ мужчины изливали свою сперму/ как скоты// и господь поэтому серу испустил// они горели/ Содом и Гомора/ два города// потому что безобразный образ жизни/ всё и мужчины/ и женщины/ всё/ как сейчас в некоторых местах.

Важную роль в религиозном сознании представителей обеих конфессиональных групп играет почитание святых, особое место среди которых занимают Богородица и Николай Чудотворец.

Богородица почитается как самая святая из всех живших на Земле: *святейшая всех святых// всех святее херувимов и серафимов// всех святее она// потому что господь вселил святого духа// вот! на земле не было святых людей// духа-то не в кого вселить/ а она/ вот видишь....* В народном сознании Богородица – это и наделенная величайшей силой царица небесная (*вот она богородица <...> все равно сына своего умолит// <...> и поможет тому/ кто ей молится// потому что он сын ей <...> и всех святых там// и она умолит// царица небесная*), и всегда приходящая на помощь матушка-заступница (*а матушку-владычицу каждую секунду зовите// она всегда всех слышит!// всегда!; вот она всегда тоже на помощь приходит*), и вызывающая сострадание женщина-мать (*...богородица-то// уснула под деревом/ и снится/ сыночка ведут/ на распятье/ а на голове-ти терновый веночек/ а она пла-ачет// она мать/ ей жалко/ а когда вели Иисуса Христа-то/ а у него белье как/ везде кровь// живого места нигде не было// вся шкура полопалась// и вот где встанет/ след-то/ а богородицу тащат под руки/ ноги-те по земле волочатся// она каждый здесь след Иисуса Христа/ и каждый следочек оплакала/ целовала-то мать// то-то матери жалко*).

Наравне с Иисусом Христом и Богородицей как эталон святости, непрекаемый авторитет и образец в религиозной жизни почитается Николай Чудотворец. Николаю Чудотворцу, как и Богородице, приписывается огромная чудотворная сила (*Николай Чудотворец/ он угодник божий по всей земле; Миколай Чудотворец/ это вообще/ во всю землю!// о-о-о/ во всю землю!*), обладая которой святой остается близким, «своим» для каждого ведущего праведную жизнь и нуждающегося в помощи. Включение святого в личную сферу носителей традиционной культуры подчеркивается использованием народного варианта имени – *Микола*.

Глубоко почитаются сельчанами также и другие святые мученики: Серафим Саровский (к нему обращаются с молитвой о помощи, следуют предписанным им правилам духовной религиозной жизни, рассказывают о сотворенных им чудесах), Трифон (*ему молятся/ чтобы в огороде ни жука/ ни всякий... букашки чтоб не водились*), два брата-мученика Фрол и Лавр (*они ... колодцы*

рыли всем... плотничили/ ходили и платы никакой не брали// и их живыми засыпали в колодце// язычники// живыми; у них просят прощение об скотине), братья-страстотерпы Борис и Глеб (о-о-о! сколько они мучений приняли!), преподобный Макарий Великий (за весь мир молился).

Важнейшим элементом религиозного сознания носителей традиционной народной культуры с. Белогорное является соблюдение православных праздников и значимых дат церковного календаря. Главными христианскими праздниками, глубоко почитаемыми всеми жителями села, считается Пасха (диалектный вариант наименования – *Паска*) и Рождество (диалектный вариант – *Рожество*). Кроме них, представители разных конфессиональных групп села отмечают такие христианские праздники и даты, как Крещение Господне, Троица, Успение Богородицы, Родительская суббота, Преображение (или Яблочный Спас). Верующие с. Белогорное придерживаются православного понимания древнеславянского праздника Масленица, включенного русской православной церковью в свой праздничный календарь. Масленица соблюдается в соответствии с церковным календарем как мясопустная неделя перед Великим постом, в течение которой верующим запрещается употреблять в пищу мясо.

Обязательным атрибутом православных праздников является торжественный молебен в церкви (у церковных верующих) или в моленной (у староверов): *Паски канун молились; – А как вы отмечаете праздники – Троицу, Рождество? – Мы как?... пойдём/ помолимся; на Троицу вот всегда ходите в храмы*. В народной традиции христианские праздники связываются прежде всего с духовным возвышением, очищением, широкие же гуляния, застолья не входят в обычай их празднования. Ср.: *мы в любой праздник не радуемся/ мы читаем с умилением <...> торжественно/ мы... мы не радуемся// и в честь праздника мы не выпиваем/ ничего/ мы такие торжества не делаем// это погрешно; ...пойдём/ помолимся/ он [пон] скажет/ ну/ ныне/ сегодня можно заедину// ну/ вот там щи мясные сварить/ щи мясные/ можно рюмочку выпить/ вот// ну вот Рождество*.

Религиозное сознание носителей традиционной народной культуры с. Белогорное отличает актуальность элементов христианской мифологии и демонологии. Для традиционного сознания характерна вера в небесные знамения, видения, чудеса, совершаемые божьей силой: *да/ беды... беды пошли/ а то ещё/ будут вот/ небесны знамения/ показываться// – Какие? – Всяки/ то крест появится/ то/ чё-нибудь ещё// ну вот эти вот/ нелзо-то/ оне уже есть; и вот я один раз вот здесь... вот...на облаке три образа увидела// ой девчонки!// три образа <...> и вот Иверская божья мать/ вот вверху/ это меня мама благословила/ когда я замуж выходила; [о чуде в соловецкой тюрьме] ...надо!// крыша разо-*

двинулась/ на Пасху! <...> крыша раздвинулась и горели негасимые свечи <...> вот/ девчонки/ какая божья сила!// а мы/ мы не верим ничего// нам надо пощупать// правда это/ или нет?// да/ правда/ девчонки!

В рассуждениях староверов мифолого-демонологические представления обнаруживают большую актуальность, конкретные, наблюдаемые явления получают у старообрядцев философски обобщенную интерпретацию. Значительную популярность у представителей старообрядческой общины села имеют эсхатологические мотивы (эсхатологическая окрашенность мировоззрения – характерный признак старообрядческой культуры¹): рассуждения о приходе Антихриста (в шестнадцатом году/ заступит Антихрист), о появлении его «печатей» (сейчас пока его печати вышли// его печати все вышли), имеющих многообразное воплощение, например, в виде засилья бумаг с печатями (вера бумаге <...> и везде печати/ вера только что/ печатям/ печати есть/ значит/ правильно бумага написана/ нет печати/ всё это не правда), в виде распространения пагубных привычек и вкусов (внушил нечистый дух// дьявол говорит залезет/ в душу-ту// вот он и залазает; народятся говорит девицы бесстыжие лица <...> они сейчас и пострижены/ и в этих/ ходят в штанах/ вот/ разве это женищина? <...> это сам сатана! только/ больше никто), в виде охвативших мир бедствий (в подпоследнее время/ а оно уже последнее/ всё/ нам/ ждате больше нечего/ в подпоследнее время/ будут/ бедами/ напастями/ боями/ ворами/ переведётся народ).

В речи церковных верующих демонические образы используются менее активно и обычно при описании конкретных греховных проявлений, ср.: не курите/ девчонки// не курите/ большой позор и грех большой// ой! в роту все время сатана будет сидеть// не курите// не курите// бросьте! если кто курит/ бросьте// сатана будет в роту сидеть// всю жизнь/ да ещё в седьмом колене/ и у детей/ и у правнуков/ и у внуков// вот так вот// не можете!// это самое скверное дело// сатанину во рту держать// ну/ сейчас мода.

Религиозная мифология соединяется в сознании носителей традиционной культуры с народной мифологией – верой в приметы, обычно предвещающие несчастья. Ср.: мы молились у одной... у одной старушки години пять лет справляли <...> я слышу пол трещит треск/ треск/ треск/ мы стоим спокойно/ а пол трещит <...> я говорю/ покойник будет// и сразу два покойника <...> мы справляли/ в субботу/ а в воскресенье это случилось// в воскресенье случилось/ вечером// вот/ свечки секутся/ тоже... <...> вот это примета сразу/ всё/ покойник будет;

Волосы стричь нам [женищинам] нельзя// а если остригли/ то кладите отдельно куда-нибудь// не выбрасывайте!// а то птица уносит на гнездо/ и болят головы; волосы стричь/ не стригите// нам не положено... женищинам// Нам

<...> у нас в Тольятти там была/ вот как я/ Валя Буконина// волосы/ прям до пят/ коса вот такая была// и она остриглась в сорок два что ль года// и что ты думаешь?// и пошла жизнь кувырком/ с мужем разошлась/ развелась/ сделала операцию на печень и ушла// вот так;

когда беременные ходите/ никогда не пойте/ вприсядку не пляшите// и когда воду несёте/ никогда не пойте <...> а я вот... родник у нас там за тетей Катей... и это/ ну/ в девчонках/ и скорей бегу/ и всё пою/ пою/ и пою// а это я вот сама на себе тоже убедилась// вот старшего я когда Сашку рожала// и у меня воды вышли преждевременно/ и я на сухую без памяти родила.

Феномены славянской мифологии – вера в колдунов, бесов, гадания – оказываются более значимыми для сознания женской части традиционного социума. По их представлениям, колдуны наводят порчу, навлекают болезни, бесы пугают людей. Ср.: вон Варёха/ это/ пустила [напустила болезнь]/ старуха//... да/ они/ вот эти колдуны//...на горе там/ Поперёшина гора// и вот она там// колдовала; а сибирка/ она бывает и часовая/ бывает и суточная/ а бывает и минутная// синее человек/ и все/ до сердца доходит// готовый/ вот так вот// их вот пускают эти/ колдуны на большие праздники// понятно? и вот теперь тоже/ когда идёте/ вот вы чуеете перекресток/ на мостах/ вот две дороги перехлестываются/ вот здесь ловят все/ здесь всегда надо крест держать и перекреститься// на перекрестках <...> это точно// это я уже на себе испытала;

вот говорят всё бесов нет// когда у меня Валера родился... там на острове когда я жила <...> и вот я разгорюсь/ к маме-то охота// расплачусь// и один раз днём... <...> я вот сижу на койке там/ а тут Валеру качаю// днём// плачу <...> гляжу/ а мама-то стоит на котухе// господи! <...> что это? а она меня и кричит/ Катке!// и идёт как по земле вроде/ по воздуху наравне с этим котухом <...> я это/ не знаю какую молитву-то творила// потом написала ей письмо <...> она/ дочка/ да я жила// это тебя бесы пугают <...> правда девчонки это было со мной; посуду оставлять тоже нельзя открытую/ бесы везде лазают// вот почему накрывают! <...> бесы знаете где водятся?// в цветках/ в середине// у вас цветы дома есть?// вот туды чертополох маленький// вот они где спасаются.

Сила бесов и колдунов не идет, однако, по убеждению православных сельчан, ни в какое сравнение с силой божьей: крест/ честная сила <...> и всеми силами обладает/ всеми силами на земле// никто/ никакие колдуны ни старосельцы/ никто не поможет// один крест господень.

Носители традиционной культуры охотно передают знание о способах отпугивания бесов и отведения порчи, среди которых главным, но в то же время не единственным средством считается молитва. Ср.: бесы падают от креста// они боятся; три подружки/ ну вот как вы/ пошли на

улицу// а им нужно было переходить поезд... это железную дорогу// и едут/ значит/ два поезда друг на друга// бес и говорит// толкай одну-то// под поезд// бесы/ они-то по-одному не ходят/ они по-два/ по-три... вот бес другому говорит/ я не могу к ней приблизиться// на ней говорит крестик висит// **они бесы креста боятся**// ну/ говорит/ другую толкай!// а другую/ говорит/ я тоже не могу приблизиться/ когда она/ говорит/ пошла и 'з дому/ она/ говорит/ перекрестилась// понимаешь?// на ней уже крест весь день будет висеть/ хотя и нет на теле/ но она уже знамение крестное нанесла// ну/ говорит/ третью толкай!// а третью тоже/ говорит/ не могу/ когда она/ говорит/ пошла на улицу/ ее мать/ говорит/ знаменовала// понятно?// и они спаслись; а то бесы-то тоже хватают [души людей]// а то одна-то молилась **женщина Василию Блаженному**// а когда умерла бесы хватают душу// вот ступеньки-те/ мытарства проходят// и она/ на одной ступеньке/ её задержана/ бесы душу хватают// **а Василий Блаженный подошёл и говорит/ вот мешочек/ её здесь слезы/ её молитвы// и сатана-то ушёл/ а она пошла выше;**

перед свадьбой-то <...> вот ещё велят это/ **женеху три иголки в воротник/ а девчонке/ ну/ невесте/ тоже три иголки в подол** <...> – А зачем это? – Ну/ вот говорят/ что всё пускают чего-то во время свадьбы-те// <...> а вот она/ говорят/ стрела/ она-то и убивает это/ раздробляет об и 'глу-то <...> и вот у меня/ я помню вот мама покойна/ когда я замуж выходила/ в валенки насыпала просо/ в валенки// потому что **просо очень... действует хорошо тоже/ вот семя-те;** я без ладана не могу// я еще его маненько/ иконы/ все эти пройду/ ладаном его// надо!// **все говорят бесы ладана боятся.**

Если к колдунам и бесам пожилые жители села относятся всерьез, их опасаются и высказывают в их адрес проклятья (я говорю/ зараза [о Варёхе-колдунье]/ тебя чёрт разорвало/ на этом месте-то), то в гадания, хотя и верят, приводя примеры сбывшихся предсказаний, но относятся к ним все же с некоторой долей иронии, рассказывают о сопровождающих гадания комических ситуациях. В отношении к гаданиям обнаруживается, скорее, любопытство, чем серьезное доверие. Ср.: на Новый год/ мы пошли/ это/ гадать <...> мой-то ухажёр в больнице лежал/ у него ноги отняли//

коечка/ одеялка серая/ и он лежит/ только лицо у него это покрыто// мне вышло// и вот он когда пришёл из армии/ я стала спрашивать/ лежал ты вот в этом месяце?/ лежал// видишь/ всё вышло// **интересно ведь!** а у одной-то/ глянула/ она хромяя <...> лес и могилки/ могилки/ прям кресты/ а лес голый/ нет листков-то/ ей вышло// она ж замуж-то не вышла// куда она/ хромяя; ну вот запираем мы... замок/ косы-то заперли// и вот он придёт будить и всё распустит <...> и узнаешь своего-то ухажёра-то <...> – И сбывалось? Приходил? – **Да нет ничего/ да какой/ уснёшь как мёртвая!** а вон один раз пошли <...> к подружке-то/ ну и гадать <...> сноха-то/ ступайте овец ловить// ну если белая/ то за бедного/ а если чёрная/ то за богатого// ну/ **я как обезьянка пошла туды// хватя руку/ а там поросёнок/ свинья-то вышла/ меня за руку-то/ я и заорала/ никакой овцы не поймала// всё это было// сапоги кидали через забор кому-то// кидали-кидали/ а ребятишки собрали сапоги-то <...> ну и орали/ беги куды/ в одним сапоге; знаете/ девчонки/ может быть/ оно и это совпало <...> вот всё это гадают это... Старый год-то// ну и вот/ всё говорят/ вот на Старый год подметёшь пол и вынеси// и вот какой мужик пойдёт/ как его звать... и вот у меня... дядя Вася Утехин шёл в аккурат// нашей улицей/ да/ больше никого не было// и вот дедушка Василий попался// **да/ мож/ и ... вот так.****

Анализ текстов, записанных в течение последнего десятилетия на территории села Белогорное, свидетельствует о том, что и религиозная, и мифологическая тематика занимают значительное место в дискурсе жителей старшего поколения. Религиозная и мифологическая картины мира органично сосуществуют в сознании диалектоносителей, образуя характерный для русской народной культурной традиции синтез христианских и языческих представлений.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 06-06-80428-а.

Примечания

- ¹ См.: Никитина С.Е. Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста // История и география русских старообрядческих говоров. М., 1995.

УДК 811.161.1' 373.612.2

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

С.Б. Козинец

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: nauka@spi.overta.ru

В статье раскрывается сущность понятия «словообразовательная метафора», исследуется семантический потенциал производных с метафорической мотивацией, выявляются причины деривационной активности или неактивности словообразовательных метафор.

Ключевые слова: словообразование, метафора, семантика, деривационная активность, производное, производящее, русский язык.

Derivation Potential of Word-Producing Metaphor

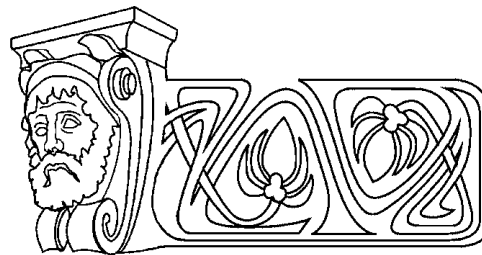
S.B. Kozinets

The article defines the notion «word-producing metaphor», analyzes the semantic potential of derivatives with metaphoric motivation, and reveals the reasons for derivational activity or non-activity of word-producing metaphors.

Key words: word production, metaphor, semantics, derivation activity, derivative, Russian language

Одной из центральных проблем теории словообразования является проблема структурно-семантического соотношения производного и производящего. Исследуя семантику производного слова, ученые обнаружили, что оно может соотноситься со своим производящим не только прямыми, но и образными, в частности, метафорическими значениями: *змея* – *змеиться*, *вуаль* – *вуалировать*, *нога* – *подножие*, *зверь* – *звероватый*, *бросать* – *броский* и под. Это явление получило наименование *метафорическая мотивация*¹, или *словообразовательная метафора*².

Словообразовательная метафора (далее – СМ) обладает всеми системными и функциональными (хотя проявляющимися и по-иному) свойствами метафоры лексической, поэтому ее можно выделить как особую подсистему в метафорической системе языка³). От лексической СМ отличается прежде всего способом формирования переносного значения: сохранение той же формы у лексической метафоры (*змея* ‘пресмыкающееся с длинным извивающимся телом без ног’ – *змея* ‘коварный, хитрый, злой человек’) и изменение морфологической структуры при образовании метафоры словообразовательной (*змея* ‘пресмыкающееся...’ – *змеиться* ‘тянуться извилистой линией; извиваться <подобно змее>’). Кроме того, подсказкой метафорического значения у СМ служит аффиксальное окружение корня, в отличие от метафоры лексической, вне словесного окружения

не существующей. Например, существительные *крыса*, *собака*, *ишак*, *еж* и под. в сочетании с глагольными аффиксами реализуют только метафорическое значение: *окрыситься* ‘озлобиться’, *собачиться* ‘ругаться’, *ишачить* ‘много и тяжело работать’, *ежиться* ‘пожиматься всем телом’. Приведем примеры: – *А я вам доложу, что ваши Новиков – марионетка, – окрысился грубо жеппе premier* (А. Куприн); *Правозащитники ползали по сухой земле, собирая репу, и продолжали о чем-то собачиться* (Д. Быков); *Двадцать пять лет ишачу в трех баритоновых регистрах* (Л. Гурский); *Посредники отчасти ежились и благо-разумно удалялись из зала собрания* (М. Салтыков-Щедрин).

Будучи выделенной как особый тип мотивации, словообразовательная метафора рассматривалась только в связи с проблемами степеней производности⁴ и семантической доли производящего в семантике производного⁵. Системные и функциональные особенности СМ не были предметом специального исследования, за исключением нескольких работ⁶, однако необходимость такого исследования вполне очевидна, поскольку СМ представляет собой особый тип семантико-словообразовательных отношений между производным и производящим.

В настоящей статье рассматриваются деривационные возможности словообразовательных метафор, а именно их семантический потенциал – способность дальнейшего смыслового расширения метафорического значения.

Понятие семантического потенциала слова «включает два аспекта: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту»⁷.

При исследовании семантического потенциала словообразовательных метафор мы опирались не только на данные различных словарей, но и на текстовые источники, поскольку «взаимоотношения лексического значения слова в языке и речевые условия его реализации» имеют весьма подвижную, зыбкую границу, и не всегда возможно установить, служит ли данное употребление только «модификацией словесной семантики в пределах одного значения»⁸ или же это изменение отражается в парадигматике, т.е. на уровне всего

слова. Кроме того, текстовый материал позволяет проиллюстрировать значения (или оттенки значений), не зафиксированные в словарях.

Основная задача проведенного исследования – выявление общих и частных причин развития вторичных значений у словообразовательных метафор, а также причин, ослабляющих семантический потенциал производных. Указанный анализ проводился в связи с учетом двух типов связи значений словообразовательных метафор – *последовательная* мотивация – образование вторичного значения от исходного значения) и *параллельная* мотивация – развитие нескольких значений производного слова, связанных либо с различными значениями производящего, либо образовавшихся в результате реализации различных значений аффикса. Такие значения находятся между собой в отношениях семантической смежности, они «являются результатом неоднократного действия словообразовательной модели»⁹).

Производные с последовательной мотивацией

Имена существительные

Существительные с метафорической мотивацией довольно редко развивают вторичные значения (из 156 слов – 28), поскольку большинство из них обозначает либо весьма конкретную характеристику человека по его поведению, характеру, интеллектуально-психическим качествам (*белоручка, спиногрыз, рифмоплет, тугодум, подкаблучник*), либо конкретный предмет специального назначения (*волнолом, душегрейка, заглушка, глазунья*).

Вторичные значения могут быть результатом сужения исходного значения, когда в основу переноса кладется какая-либо сема (дифференциальная, периферийная или потенциальная) первичного ЛСВ и становится базовой в производном значении. Конкретные существительные в первичном ЛСВ обозначают ряд предметов, имеющих общие свойства, общую функцию, производное значение служит для наименования специального предмета. Рассмотрим несколько примеров:

сердечник. Тех. 1. Стержень, вставляемый, вводимый куда-либо: *Там, где неподвижные детали сердечника не делают из вольфрамовой стали, о надежности говорить нечего* (Л. Гурский). 2. Внутренняя часть электромагнита с обмоткой из проволоки. Второй ЛСВ базируется на периферийной семе ‘внутри’, извлеченной из семантической структуры глагола *вводить*;

подножие. 1. Место у самого низа, основания чего-либо возвышающегося: *Через пять минут уже стояли у подножья. Заросший мелкой порослью пригорок был по-русски неухожен* (Г. Щербакова). 2. То же, что пьедестал: *К постаменту была*

прислонена деревянная лесенка. Места наверху хватало только на одного, поэтому остальные активисты и агитаторы сгрудились у подножия (М. Веллер). В основу вторичного значения кладется сема ‘основание’.

Если актуализируется сема общего характера, то в одном слове могут возникнуть как значения, выражающие узкоспециальные понятия, так и значения,двигающиеся по оси конкретное – абстрактное. Так, производные значения существительного **преддверие**: 1. Местность, являющаяся подходом к чему-л., началом чего-л.: *Ибо долины были ... преддверием долгожданной земли* (Б. Окуджава). 2. Анат. Начало входной части отверстия, канала. 3. Время, непосредственно предшествующее какому-л. событию: *А еще в преддверьи денежной реформы, когда купюры станут просто разноцветными бумажками* (Л. Гурский) – развиваются на базе семы ‘начало’, но в одном случае сохраняется пространственная семантика (ЛСВ 2), а в другом – происходит перенос по продуктивной модели *пространство* → *время* (ЛСВ 3).

Существительные, характеризующие человека, его поведение, образ жизни, в исходных значениях как бы ссылаются на свойства (реальные или приписываемые) того предмета, название которого служит словообразовательной базой, вторичные значения конкретизируют эти свойства, обозначая ситуативное их проявление (поступок) или квалифицируя как черту характера: **мальчишество**. Поведение, свойственное мальчишке: *Какой позор, какое мальчишество, сказал себе вице-консул, но не образумился* (Б. Акунин) // Несерьезность, легкомыслие, неосмотрительность: *Но мальчишество его продолжалось обычно недолго* (А. Чехов). Оттеночное значение – результат актуализации потенциальной семы ‘легкомыслие’;

скотство. Скотский образ жизни, скотоподобное состояние: *Россия задыхается в скотстве, а Вы пляшете на балах* (Б. Окуджава) // Разг. Грубость, бескультурье // Презр. Непорядочность, низкий поступок, подлость: *Человека обидеть – это есть природное скотство* (Л. Леонов). Цепочка оттеночных значений выстраивается, базируясь каждый раз на новой семе: значение ‘грубость, бескультурье’ – на семе ‘культура’ с отрицательным эквивалентом, а значение ‘подлость’ – на потенциальной семе ‘непорядочный’, так как непорядочность – свойство именно некультурного человека;

свинство. Разг. 1. О крайне грязной, неприятной обстановке: *В комнате был не просто беспорядок, в ней царил такое беспредельное свинство, что даже без особого опыта можно было смело утверждать: пьянствовали здесь не меньше месяца* (С. Борисов). 2. О низменных привычках или невежестве; бескультурье: *Но на этой женщине лежал отпечаток того беспорядочного свинства, по которому мы безошибочно издалика определяем этот сорт людей* (Д. Рубина). 3. Непорядочное поведение, низкий поступок: *Это*

действительно свинство, которому нет названия (М. Булгаков).

Вторичные значения могут развиваться и в сторону расширения семантики исходной единицы:

сердцевина. 1. Внутренняя, центральная, более мягкая часть стебля (ствола) или корня растения. 2. Внутренняя, прикрытая оболочкой или внешним слоем часть плода, семени. 3. Самая середина чего-л.: *Буду смотреть в пламя свечи и ничего в нем не увижу, кроме сияющего лепестка с белой сердцевинкой* (Т. Толстая);

подноготная. Разг. Скрываемые обстоятельства, подробности жизни, существования кого-, чего-либо: *На его худощавом лице с мягкой покорно-женственной линией рта было такое выражение, какое бывает у пожилой умной домработницы, лет тридцать живущей в семье и всю непривлекательную подноготную этой семьи знающей* (Д. Рубина) // Истинная сущность чего-либо: *Говорят, он тоже всю подноготную ведает.*

Неясным остается вопрос о деривационном соотношении значений в слове **головорез.** Разг. 1. Отчаянный человек. *Он был человеком сумасшедших авантюр, – она сказала по-русски: – «головорез»* 2. Бандит, убийца (Д. Рубина): *Спасибо микадо, разоружил своих головорезов* (Б. Акунин). Если следовать указанию МАС и ТСС, то перед нами типичный случай сужения семантики исходного значения, однако в ТСУ ЛСВ '*отчаянный человек*' является производным от значения '*бандит*', а в СО ЛСВ '*бандит*' вообще не представлено. Поскольку ни одним словарем значение '*бандит*' не квалифицируется как устаревшее, то, на наш взгляд, оно должно стоять на первом месте. Следовательно, мы имеем дело с расширением семантики. В речевом употреблении это значение развивает оттенок «человек, внешним видом напоминающий бандита» (т.е. происходит метонимический перенос): *Толкнув первую же дверь, очутился в просторной комнате, где висел большой конный портрет какого-то головореза в кожаной тужурке* (Ю. Поляков).

Глаголы

Словообразовательные метафоры-глаголы также редко развивают вторичные значения – в основном это бесприставочные глаголы; чаще всего развитие семантики идет по оси от конкретного к абстрактному:

каменеть. 1. Становиться твёрдым, как камень. 2. *Перен.* Становиться неподвижным, безжизненным (о лице, частях тела). 3. *Перен.* Становиться бесчувственным, равнодушным; ожесточаться. Второе ЛСВ развивается на базе потенциальной семы 'неподвижность'. Третье ЛСВ – результат экспликации потенциальной семы 'холодный' и развивается за счет актуализации оценочного коннотативного компонента:

Сначала он слушал улыбаясь, но потом лицо его начало мрачнеть и каменеть (Д. Рубина);

стекленеть. Становиться похожим на стекло // *Перен.* Становиться безжизненно-неподвижным, невыразительным (о глазах): *Когда его спрашивали про Марину, глаза его стекленели, потом он мрачнел и замолкал* (Ю. Мамлеев). Переносный оттенок развивается на базе потенциальной семы 'бесцветный'. В речи развивается – за счет актуализации семы 'неподвижный' – и другое значение: 'становиться неподвижным': *Все трое стекленеют от такого поворота беседы* (Д. Рубина);

гвоздить. Прост. 1. Упорно, с силой бить, колотить: *Он и жену свою гвоздил тогда собственноручно* (Л. Гурский). 2. *Перен.* Настойчиво твердить одно и то же или делать одно и то же. Второе ЛСВ производного развивается на базе семы 'упорно'. В речи развивается также оценочное значение 'стрелять': *Он отметил совершенное нежелание гвоздить по целям Генштаба в Москве* (М. Веллер).

Еще одна особенность вторичных значений словообразовательных глагольных метафор – развитие или усиление оценочного компонента, чаще негативного:

закоренеть. Застареть, прочно утвердиться, укрепиться // *Устар.* Стать неисправимым, упорным: *Она не закоренела в своём грехе* (Б. Окуджава);

окрыситься. Прост. 1. Угрожающе, злобно заворчать, ошгетиниться, готовясь защищаться или напасть (о животных). 2. *Перен.* В раздражении, в злобе наброситься, напустить на кого-л.; раздражённо, злобно ответить кому-л. Метафорический перенос развивается на основе семантических признаков 'злобный', 'неприятный': *Он, видите ли, разберётся! – окрысилась трубка* (Л. Гурский).

Имена прилагательные

СМ-прилагательные, в отличие от существительных и глаголов, больше склонны к развитию вторичных значений (две трети производных из общего количества адъективов). Причин может быть несколько, одна из них в том, что все адъективные словообразовательные метафоры относятся к лексико-грамматическому разряду качественных прилагательных, т.е. являются односемными, семантически элементарными словами. В связи с этим возникает больше возможностей для семантического варьирования.

Большинство вторичных значений – результат метонимического переноса, свойственного прежде всего тем прилагательным, которые обозначают лицо по характерному для него действию, признаку. Метонимический перенос осуществляется по нескольким моделям, например:

«характеристика лица (деятеля) – причина совершаемого действия»: **злополучный.** Попадающий в беду, испытывающий несчастья, неприятно-

сти; неудачливый: *Двенадцатифунтовый глухарь упал почти на меня и чуть не сломил злополучному охотнику шею* (И. Соколов-Микитов) // Послуживший причиной неприятности, недоразумения: *Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном* (А. Куприн);

«характеристика лица (деятеля) – внешние и внутренние характеристики лица»: **пытливый**. Стремящийся все понять, узнать; любознательный: *Как пытливый человек, Костик не мог пройти мимо этого случая* (С. Борисов) // Выражающий любознательность: *Илья почувствовал на своем лице пытливый, догадывающийся взгляд дяди* (М. Горький) // Исполненный любознательности, стремления все узнать, понять; рвения: *На его лице установилось выражение застоявшейся невосребованности, которое часто путают с признаком пытливости ума* (Ю. Поляков).

Наиболее продуктивной оказывается модель «характеристика лица (деятеля) – характеристика (результат) действия (поступка) лица»: **легкомысленный**. Поступающий, действующий без достаточного размышления; несерьезный: *Как все легкомысленные мужчины, я был не очень злым человеком* (С. Довлатов) // Совершаемый без достаточного размышления, необдуманный // Поверхностный, неглубокий: *[Гутман] много спорил и шумел, и тоже все несерьезно, легкомысленно* (М. Миронова, А. Менакер); **простодушный**. Бесхитростный, доверчивый: *Простодушный Олег с легкостью поверил во все его завиральные истории* (С. Борисов) // Свойственный такому человеку, выражающий простодушие // Исполненный простодушия: *Сразу же после взаимных представлений спросил с такой простодушной миной* (Б. Акунин); **дальновидный**. Способный предвидеть последствия чего-л.; предусмотрительный: *Дальновидный руководитель понимал, что фигурный вальс – для жизни неплохо* (Ю. Поляков) // Отличающийся предусмотрительностью: *Кстати, это был единственный трезвый и дальновидный финансовый шаг* (С. Довлатов); **вкрадчивый**. Умеющий лестью или тонко рассчитанным поведением расположить к себе, вызвать доверие и симпатию: *Всегда манерный и вкрадчивый, Петр Семенович в редкие минуты жизни («по естественной надобности», как шутил Игорь) проявлял неожиданную жесткость* (А. Николаев) // Рассчитанный на то, чтобы расположить к себе: *Серджио, скажи, – наконец вкрадчиво спрашивает он, – когда все-все сольются, кто наверху будет?* (Ф. Искандер); **голословный**. Утверждающий что-л. без приведения доказательств, фактов: *И тогда, чтобы не быть голословным, Юра тоже нам историю рассказал* (И. Губерман) // Не подтвержденный доказательствами, фактами; бездоказательный: *Ведь обвинение их бабушкой Федератовной голословно* (А. Платонов) и др.

Производные значения остальных прилагательных – результат метафорического перео-

смысления исходного ЛСВ. Направление метафоризации чаще всего лежит на оси движения к абстрактному, например: **беспредметный**. 1. Не имеющий определенной цели, содержания: *Он понимал, что спор беспредметен. Высокие стороны плохо прислушивались одна к другой* (Л. Зорин). 2. Отвлеченный, неконкретный: *Человеческая деятельность вне сферы народа беспредметна и бессмысленна* (М. Салтыков-Щедрин); **членораздельный**. Отчетливый, внятный (о речи, звуках и т.п.): *Говорил Андрей Ильич всегда громко, но членораздельно, лишь незначительная часть произносимого, вроде союзов и односложных слов, была понятна* (А. Николаев). // Понятный, ясный, определенный: *Получить от директора какого-либо членораздельного ответа по поводу развития предприятия мы, за нашу более чем полуторачасовую беседу, так и не смогли* (Репортер, 2004, № 12) и под.

Большинство проанализированных примеров представляют собой случаи семантического варьирования в пределах одного ЛСВ – так называемые оттеночные значения.

Производные с параллельной мотивацией

Имена существительные

Параллельная мотивация наблюдается всего у четырех существительных-СМ. Значения производного могут развиваться за счет актуализации разных смысловых компонентов производящего:

змеевик. 1. Трубка, обычно изогнутая спирально, употребляемая при перегонке жидкостей в различных тепловых установках. 2. Плотная горная порода зеленого цвета, с пятнами. 3. Травянистое растение семейства гречишных, с толстым, змеевидно изогнутым корневищем: *Змеевик имеет мощную корнеотпрысковую систему* (Репортер). В первом и третьем ЛСВ значение производного базируется на семантическом элементе ‘напоминающий по форме змею’, второе ЛСВ – результат актуализации периферийной семы ‘окраска’.

Значения существительного **голь**. *Устар.* 1. Собр. Беднота: *Имя его пользовалось почетом в мире сельских властей и через посредство их проводило давление на голь мирскую* (М. Салтыков-Щедрин). 2. Местность, лишенная растительности: *Зелень, то есть деревья, за исключением мелких кустов, только и видна вблизи ферм, а то всюду голь, все обнажено и иссушено солнцем* (И. Гончаров) базируются на одной семе – ‘лишенный’, разными являются объекты: в первом случае – лишенный хорошей одежды, во втором – растительности. Первое значение осложнено метонимическим переносом, поскольку отсутствие хорошей одежды служит знаком принадлежности к низшим слоям общества.

В сложных словах вторичные значения могут возникать вследствие различного соотношения семантики производящих слов: **горлодер**. *Прост.* 1. Крикун. *На трибуне какой-то отчаянный горлодер зазывал народ на митинг* (С. Борисов). 2. То, что раздражает горло: *Хотелось курить, но просить табаку у него не стал – настоящий горлодер, кашлять будешь часа три* (А. Николаев). Первое ЛСВ образовалось за счет метафорического переосмысления глагола *драть* в идиоме *драть горло* ‘громко говорить, кричать’ и метонимического употребления существительного *горло*: ‘орган речи’ – ‘звучащая речь’; во втором ЛСВ композит сохраняет прямое значение слова *горло*, но метафорически преобразует глагол *драть* – ‘раздражать’;

губошлеп. *Прост.* 1. Человек с большими отвислыми губами, вследствие этого непонятно, неразборчиво говорящий: *Мознаим велел бритоголовому губошлепу с повязкой вахтенного доложить о себе капитану* (М. Веллер). 2. *Бран.* Разиня, растяпа: – *Ай да дурень!* – воскликнул *Перстень*. – *Ах, губошлеп, губошлеп ты этакой!* (А.К. Толстой). Первое значение – результат метафорического преобразования словосочетания *шлепать губами* – ‘говорить’. Второе значение образовалось, по-видимому, по той же семантической модели, что и существительное *ротозей*.

Глаголы

Как и у производных существительных, параллельная мотивация глаголов – результат актуализации различных сем, при этом различные ЛСВ метафорически мотивированных производных относятся в большинстве случаев к разным лексико-семантическим группам:

колесить. 1. *Разг.* Ездить или идти непрямым путём. 2. Много ездить, разъезжать в разных направлениях. Производное извлекает из производящего сему ‘передвигаться’, которая обрастает дополнительными значениями. Первое ЛСВ базируется на семе ‘по окружности’ (т.е. не прямо); второе ЛСВ – результат экспликации потенциальной семы ‘в разных направлениях’, заложенной во всех глаголах движения (бегать, летать, ходить, плавать и под.): *Какой-нибудь новый маркиз Труайя вынудил бы вас колесить по этим местам* (Б. Окуджава).

маячить. 1. *Разг.* Виднеться в отдалении. 2. *Разг.* Надоедливо возникать перед глазами или попадаться на глаза (при движении, перемещении). Первое ЛСВ базируется на семе «видеть» и имплицитной семе ‘далеко’. Второе ЛСВ – результат актуализации потенциальной семы ‘время от времени’ (маяк сигналил с перерывами). Это значение, в отличие от первого, содержит негативную оценочность: *Кстати, и у книжных лотков мне день-два лучше не маячить* (Л. Гурский). Однако в речевом употреблении негативная оценка может

нейтрализоваться: *Сейчас, в неподное время, около причала маячили люди* (Б. Акунин). В данном примере глагол *маячить* имеет значение ‘ходить туда-сюда’;

взыграть. 1. Прийти в резвое, игривое состояние, разыграться. 2. Прийти в сильное движение, волнение, разбушеваться (о море, ветре и т.п.). Метафорическое значение ‘прийти в резвое, игривое состояние’ базируется на семе ‘резвиться’. Префикс *вз-*, который придаёт производному оттенок книжности, вносит семантику ‘резкости, внезапности, силу возникающего действия’. Семантический компонент ‘сила, интенсивность’ становится основой развития другого значения – ‘прийти в сильное движение’. В речевом употреблении развивается другое оттеночное значение – ‘неожиданно проявиться’: *Во мне взыграла ботаника, и я решила рассказать про крапиву* (Г. Щербакова);

змеиться. 1. Тянуться извилистой линией; виться, извиваться. 2. *Перен.* Блуждать, скользить (обычно об улыбке). Первое ЛСВ производного базируется на семах ‘длинный’ и ‘извиваться’, т.е. ‘тянуться, извиваться, подобно змее’. Второе ЛСВ развивается за счёт актуализации семы ‘скользить’: (скользить как змея). Таким образом, полисемия – результат актуализации разных сем производящего: *Теперь, судя по змеющейся очереди в кассу...* (Л. Гурский). Мы обнаружили также окказиональное производное *обзмеить* ‘обогнуть’: *Вон та загогулина, что буквой обзмеила овраг, пройдёт – и дорога станет под гору* (Г. Щербакова);

цыганить. 1. *Прост.* Скитаться, бродяжничать; часто переезжать с места на место. 2. *Прост.* Назойливо выпрашивать, кланяться: *Деньги на свои развлечения он доставал по-разному, но чаще цыганил у отца* (С. Борисов). Значения производного базируются на ассоциациях: цыгане – люди, которые всё время скитаются и что-то выпрашивают.

Прилагательные

СМ-прилагательные менее склонны к развитию параллельной мотивации, поскольку они в большинстве случаев высвечивают какой-либо один семантический признак, извлеченный из глагольной или субстантивной основы. Мы обнаружили всего несколько примеров, где значения слова являются кодеридами. В основном разные лексико-семантические варианты есть результат актуализации различных смысловых компонентов слова:

ершистый. 1. *Разг.* Торчащий кверху (о волосах): *Вслед вошел Ляпунов с ершистой прической, в мятом, не первой свежести, костюме* (А. Николаев). 2. *Перен.* Неуступчивый, задорный: *Таков склад его темперамента, крайне активного, ершистого* (Р. Плятт). Первое значение основывается на сравнении с колючками ерша, второе

возникает в результате ассоциирования колючек как чего-то труднодоступного, способного защититься, причинив при этом боль;

невозмутимый. 1. Полный самообладания, спокойный. 2. Ничем не нарушаемый (о тишине, покое и т.п.); глубокий, полный. В обоих случаях актуализируется сема 'спокойный', однако проецируется она на различные носители признака – одушевленный (имеющий качество, внутренне ему присущее): *На протяжении всего этого нелегкого для нас разговора он оставался безмятежно-невозмутимым, по крайней мере, внешне* (С. Борисов) и неодушевленный (не испытывающий влияния извне): *Над деревней и полем лежит невозмутимая тишина* (И. Гончаров);

новоиспеченный. Шутл., ирон. 1. Только что, недавно сделанный, созданный: *Послала меня срочно опробовать новоиспеченное оборудование* (Комсомольская правда). 2. Только что, недавно получивший звание, должность, назначение и т.п.: *Мне решительно незачем торчать в городе и слушать новоиспеченных музыкантов* (Л. Зорин). В обоих случаях значения производного базируются на семе 'новый';

вороватый. 1. Нечестный, плутоватый, хитрый: *Покойная старушка в общем-то была вороватая и жадная* (А.Н. Толстой). 2. Осторожный, опасливый; крадущийся: *Ромм, воровато оглядываясь, улучив момент, под каким-то брезентом ее включал* (Р. Плятт). В основу значений слова кладутся разные семы. Первое ЛСВ формируется за счет актуализации семы 'нечестный', второе базируется на потенциальной семе 'осторожный';

коренной. 1. Исконный, основной и постоянный (о жителях определенной местности, представителях определенной среды): *Коренной москвич, по образованию геолог, прошел все этапы разнообразной жизни столицы* (Д. Рубина). 2. Затрагивающий самые основы чего-л.; глубокий, существенный: *Но в эпоху географических открытий положение изменилось коренным образом* (Л. Гумилев). Формирование значений производного происходит за счет актуализации периферийных сем 'основа' (корень – основа растения) и 'глубина проникновения' соответственно.

Проведенный анализ показал, что словообразовательные метафоры обладают невысоким семантическим потенциалом. Это проявляется не только в том, что СМ редко развивают вторичные значения, но и в том, что большинство из этих значений развиваются в результате варьирования семантики исходного ЛСВ, а не за счет актуализации разных смысловых компонентов производящего, т.е. последовательная мотивация преобладает над параллельной.

Основная причина слабого деривационного потенциала СМ видится нам в следующем: фор-

мирование метафорического значения происходит одновременно с изменением морфологической структуры слова, в результате чего создается огромное семантическое напряжение, и весь семантический заряд тратится на создание нового смысла, кроме того, большинство словообразовательных метафор имеет слабую семантическую связь с производящим.

Семантическая неактивность связана и с частеречной принадлежностью СМ и особенностями конкретных словообразовательных типов. Так, более высоким семантическим потенциалом обладают имена прилагательные, так как их «расплывчатая» семантическая структура дает больше возможностей для смыслового варьирования.

Еще одна причина – стилистическая маркированность большинства метафорических производных, ограничивающая употребление слов, и яркая оценочность, затушевывающая денотативное содержание лексической единицы.

Примечания

- 1 См.: *Лопатин В.В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975.
- 2 См.: *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора и смежные с ней явления // Русский язык в школе. 2007. № 2.
- 3 См. об этом подробнее: *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. 2007. № 2.
- 4 См.: *Ширшов И.А.* Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1; *Улукханов И.С.* О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вopr. языкознания. 1992. № 5.
- 5 См.: *Ермакова О.П., Земская Е.А.* К уточнению отношений словообразовательной производности // Russian Linguistics. 1991. Vol. 15.
- 6 См.: *Козинец С.Б., Полянина Е.В.* Метафорические процессы в словообразовании (на материале отсубстантивных глаголов, наследующих переносное значение) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2006. Вып. 8; *Козинец С.Б.* Системные свойства сложных существительных с метафорической мотивацией // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2006.
- 7 *Кустова Г.Н.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 11.
- 8 *Чудинов А.П.* Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988. С. 18–38.
- 9 *Ермакова О.П.* Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. С. 118.

УДК 811.161.1*242

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ: РОЛЬ В НЁМ ЖИВОТНЫХ, РАСТЕНИЙ И ПРЕДМЕТОВ ВЕЩНОГО МИРА

А.Н. Байкулова

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: instphilology@info.sgu.ru

Речевое общение с животными в семье имеет особое значение для человека и представляет интерес для лингвистики, поскольку животные наделяются семейными ролями. В статье анализируются факты речевого взаимодействия человека с животными, а также разговоры с растениями и предметами вещного мира, выявляются речевые особенности такого общения и его влияние на семейный микроклимат.

Ключевые слова: речевое общение, семья, ролевое поведение, животные, растения, вещи, микроклимат, коммуникация, русский язык.

Speech Communication in Family Circle: the Role of Animals, Plants and Material Objects

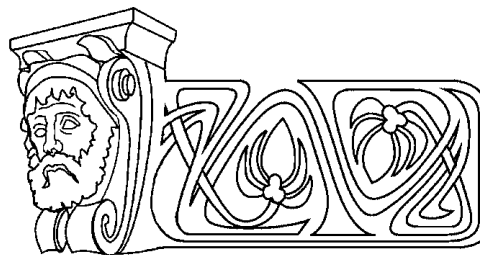
A.N. Baikulova

Speaking to animals within the family circle is important for man and makes an interesting linguistic phenomenon, as animals are here cast in human roles. The article analyzes the facts of speech addressed to animals, plants and material objects, characterizes this type of speech and describes its influence on family atmosphere.

Key words: speech communication, family, role model behavior, animals, plants, microclimate, Russian language.

Обыденное общение – чрезвычайно интересный объект для лингвистических наблюдений. Так, при исследовании семейного общения, семейных ролей¹ просто невозможно пройти мимо общения в семье с животными, растениями и предметами вещного мира, ведь появление в семье любых животных, будь то кошка, собака, черепаха, попугай, расширяет и обогащает эту очень важную сферу жизни человека, естественным образом лишает её однообразия, а одухотворение растений и вещей создаёт определённый эмоциональный фон.

Во многих семьях животным, особенно проживающим в пределах семейного локуса, предписывается ролевое поведение: (хозяйка дома одной и той же кошке) *Маська! Ты почему мушек не ловишь? А ну давай лови!;* (уходя из дома) *Масяня! Ты остаёшься за хозяйку!; Веди себя хорошо!; Поняла? Всё поняла?; Маська! Ты прям у нас человек какой-то!; Нянька она у нас (кошка всё время спит возле маленького ребёнка)!; А кто ж за Митюшкой-то смотреть будет? Больше никому!.* Причём во многих семьях животное воспринимают не только в соответствии с теми ролями, которое оно выполняет на протяжении всей истории своего взаимодействия с человеком

(например, собака – сторож, охранник, охотник; кошка – ловец мышей, лекарь, способный успокоить своего хозяина, облегчить боль, и т.д.), но и как члена семьи, наделяя его семейными ролями. Известный актёр театра и кино Сергей Безруков, знакомя телезрителей с членами своей семьи (телепередача «Пока все дома» 1 канал 6.11.2005), первой представил собаку, наделив её отчеством: *Джин Сергеевич*. О.П. Ермакова в сведениях о своей собаке, которая являлась объектом наблюдений, указала: «Никакого специального “образования” пёс не получил, его не обучали выполнять команды. Он живёт как член семьи. Очень доброжелательный, общительный и любознательный. С ним много разговаривают»².

Животное часто воспринимается не просто как член семьи, но как **привилегированный** член семьи³. Иногда ему позволено даже больше, чем другим (например, животное часто укладывается спать не в отведённом для этого месте, а рядом с человеком).

Эта привилегированность проявляется не только в процессе ежедневного общения с животным, но и в том, как болезненно воспринимается его смерть. В качестве иллюстрации воспользуемся фрагментами из разговора родственников за праздничным столом⁴. В беседе речь шла о смерти двух человек (А.П. Чехова, который не был родственником никому из участников, и одного из родственников) и трёх котов (кота Барсика родственницы Л., кота бабушки и чужого кота).

В разговоре об А.П. Чехове были затронуты микротемы о его гениальности, о том, в каком возрасте он умер, о туберкулёзе и предсмертной фразе, о месте захоронения. Мы не можем судить об интонационных особенностях данного фрагмента и невербальных компонентах речи участников разговора, во всяком случае, они не имеют графического отражения, но эмоционально окрашенными за счёт оценочности являются фразы Л. (женщины 65-ти лет) о Чехове: *Чехов/ уверяешься/ он гений! Он гений! вот действительно! и Несчастный/ туберкулёз!.*

В разговоре о родственнике (двоюродном дяде Л. *Василь Василе*, которого не все присутствующие знают и помнят) также затрагивается несколько тем, связанных с его жизнью, болезнью и лечением. И вновь эмоционально окрашены фразы Л. Эмоциональность выражается посредством лексически выраженного личного отношения к человеку, его оценки (использование сравнительной степени прилагательных, усилительных частиц, глагола *нравится* в сочетании с наречием степени *очень* и

многочисленных повторов): *И он очень умный дядька был// Очень хороший// Очень умный/ разумный/ такой прямо очень умный// он такой выдержанный!*; в другом месте ...*Василь Василч был очень разумный// Очень// Очень// Очень!*; *Мне он очень нравился!*. Другие участники разговора подобной эмоциональности не проявляют, выполняя лишь поддерживающую функцию: *Да, да-а, угу.*

Л. инициирует и разговор о смерти кота Барсика: *А у нас в прошлом году/ умер Барсик// жил восемнадцать лет! <...>. Восемнадцать лет! <...> У нас он был такой красивый! И вот умира-а-л/ прям так жа-а-лко/ но хорошо хоть он на даче умер/ мы его там похоронили/ всё/ <...> под ё-о-лочкой/ всё/ могилку сделали/ Ой/ так жа-а-лко его/ у него наверно была опухоль мозга// потому что у него от...отстали/ и уже обоня-а-ние из...изменилось/ то он/ придёт/ понюхает/ если ему не нравится/ и моментально уходит/ <...> Он у нас благородный был// <...> А тут вдруг стал есть всё подряд// Рыба вроде не особенно свежая/ привезём/ и-и вроде не особо свежая/ раньше не ел/ а тут уходит (т.е. кот съедает рыбу). Видимо обоняние уже испортилось/ ноги не стали ходить/ а потом умер/ и судороги были...* Способов выражения эмоциональности в этом фрагменте разговора гораздо больше, чем в других фрагментах, представленных выше, потому что речь идёт о любви к животному и говорящему важно, чтобы собеседники это ощутили, поняли и приняли. Повышенная эмоциональность имеет средства выражения на всех уровнях языка и речи: на фонетическом уровне это зафиксированная графически долгота гласных (*и-и, умира-а-л*), сбои при произношении отдельных слов (*из-изменилось, от-отстали*); на лексическом – наличие оценочной лексики (*благородный, красивый*), диминутивов (*под ё-о-лочкой, могилку*), предикатива с семантикой чувства (*жа-а-лко*); использование междометия *Ой*; на синтаксическом – наличие повторов, восклицательных конструкций (дважды произнесено *восемнадцать лет!*); на коммуникативном – наличие перебивов (другие участники разговора, Д. и С., пытались перевести его в другое русло, но Л. такой возможности не дала, пока не закончила свой рассказ).

Очень много эмоций у собеседников вызвала та часть беседы, где родственница П. рассказала случай из жизни: женщина везла на дачу умершего кота в коробке из-под торта, которую по ошибке взяли другие пассажиры. Реакция хозяйки животного была передана П. следующим образом: *А! Она как закричит! На весь вагон// «Ай! Ой! Они его бросят! Они его тэ-тэ!» Он...она оказывается везла на дачу/ ум...умершего кота!*

О смерти бабушкиного кота было только упомянуто, поскольку это животное не было знакомо никому из говорящих.

Следует ли из этого, что смерть животного человек переживает сильнее, чем смерть людей? Это вопрос очень сложный и, на наш взгляд, неодно-

значный, но анализ данных фрагментов позволяет сказать, что речевое проявление отношения к смерти животного сопоставимо с речевым проявлением отношения к смерти человека. Эмоциональность речи меняется в зависимости от статуса объекта речи: родственник/ не родственник, член семьи/ не член семьи; от того, насколько отдалено событие во времени, от иллюзивных намерений говорящего и тематической доминанты речи. Так, более эмоциональными оказались фрагменты о смерти недавно умершего (в прошлом году) Барсика, который воспринимался как член семьи, и о чувствах хозяйки мёртвого кота в коробке, менее эмоциональными – фрагменты о смерти Чехова и родственника. Вот почему, предлагая в качестве рабочего определение семейного общения, мы включили в него общение в семейной сфере с домашними животными, растениями и предметами вещного мира⁵.

Общение с домашними животными имеет свою специфику: животное частично усваивает знаковую систему человеческого языка; реагирует на вербальные и невербальные компоненты этой системы, используя свою языковую систему; подражает человеку в его действиях и речи. Таких примеров можно привести много: в нашей семье кошка копировала то, как хозяйка сидит в кресле: садилась на хвост у противоположного подлокотника, клала на него лапу и в такой позе смотрела телевизор или засыпала, а неговорящий волнистый погурайчик копировал интонацию; собака О.П. Ермаковой, по её словам, вздыхая, может издавать совершенно человеческие звуки *О-хо-хо*, иногда пугая таким образом присутствующих⁶.

Исследование общения человека с животными фактически только начато. О.П. Ермакова исследовала коммуникативные возможности собаки, определила разговоры с животными как своеобразный жанр устной речи, поскольку человек обращается к неговорящему существу, выявила речевые особенности разговоров с животными⁷.

Эту тему продолжила О.Б. Сиротина, которая, сопоставляя собственные наблюдения с наблюдениями О.П. Ермаковой, делает вывод о том, что собаки имеют свой характер и свой речевой портрет⁸.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова анализируют разговоры с животными с позиций речевых жанров. Они считают, что общение с животными осуществляется в разных жанрах в зависимости от типа коммуникации: в целеориентированной коммуникации актуализируются прежде всего монологические жанры прескриптивного и апеллятивного характера (команда, замечание, запрет, выговор и др.), в ситуациях фатического характера имеет место квазидialogическое взаимодействие: прямой «речевой» контакт (животное в качестве реплик подаёт звуковые сигналы или производит акциональные реакции) или вербальный диалог, когда говорящий сам озвучивает реакцию животного⁹.

Мы же рассмотрим разговоры с животными как одну из самых интересных составляющих семейного общения.

Прежде всего следует сказать, что между животными и людьми, даже в одной семье, всегда складываются определённые отношения: одни люди любят животных, другие – нет, некоторые любят, но не всех; животные тоже относятся к разным людям по-разному. Появление в доме животного всегда сопряжено с трудностями по уходу за ним: кормление, выгуливание, лечение и т.д., жизнь семьи меняется, возникают новые обязанности и ответственность за живое существо (подобная ситуация возникает, когда в доме появляется ребёнок). Поэтому можно сказать, что животное в любом случае формально становится членом семьи, и опыт речевого общения с младенцем или представлением о таком общении часто переносятся на общение с животным (особенно когда животное находится в таком же возрасте).

В процессе проживания человека и животного в пределах семейного локуса между ними устанавливается взаимопонимание (животное частично усваивает элементы языка человека, а человек – повадки и язык животного), чувство привязанности и любви. В связи с этим во многих семьях животным приписываются семейные роли. Прежде всего это проявляется в семейных номинациях: носители просторечия, по мнению О.П. Ермаковой, могут использовать обращения *сын, сынуля, сыночка, дочь, деточка*, а владельцы собаки или кошки, носители литературного языка, часто в шутку называют себя *папой* и *мамой*¹⁰. Кроме того, в семье кличка животного приобретает большое количество вариантов: собака Чарли – *Чарли, Чарлуша, Чарлушка*; собака Кунак – *Кунак, Кун, Куначок, Кунашка и Куняшка*; кошка Масяня – *Масяня, Мася, Маська, Масюня*; кошка Катя – *Катя, Катька, Катерина, Катерина Тихоновна*. Причём бывают случаи, когда животное разными членами семьи наделяется совершенно разными кличками: в одной семье отец зовёт кота *Кузькой*, а дочь – *Алексом* (мать была недовольна, что дочь так назвала кота, поскольку имя отца – Алексей), т.е. именование животного может отражать межличностные отношения и влиять на них.

Животное способно изменить распределение ролей в семейной иерархии, вокруг него может образоваться поле языковой игры. Наш информант А. (женщина-филолог 49 лет) рассказала, что, когда у их кошки родились котята, муж А. стал называть себя *дедом* или *дидой*, а её (А.) – *бабушкой, бабенькой*, причём своих внуков у них нет. Близкие люди, которые знают о том, что А. очень любит животных, относятся к этому спокойно, а соседи по даче сделали замечание мужу за неуместное, с их точки зрения, обращение к жене. Роль бабушки находит своё отражение в речи А. в виде наставления, упрёка: А. (кошке) *Ну/ мать// Ты давай ребёнка-то (котёнка) учи на горшок ходить// Ума не надо гоняться по комна-*

те// Ребёнка воспитывать надо// Игрушечку себе родила// Играть только//; Мася/ Иди занимайся дочерью// Что ты ко мне пристаёшь?

Котята в этой семье за свой пушистый вид получили семейный статус и фамилию – сёстры Мохнаткины (фамилию члены семьи услышали по телевизору и приписали животным).

Таким образом, можно сказать, что общение с животными побуждает человека к творчеству, что проявляется в языковой игре (моделирование семейных отношений, создание разнообразных номинаций).

Но не всегда отношения между животным и человеком складываются гармонично, ведь по природе животное стремится стать хозяином того места, где оно обитает, занять привилегированное положение: М. (мужчина 49-ти лет о кошке) *Ей нельзя всё разрешать// а то она здесь себя хозяйкой будет чувствовать// Я здесь хозяин/ а не она//; (дочь обращается к своей матери, хозяйке кошки, которая не может понять, чего хочет кошка, задаёт ей вопросы, предпринимает то одни, то другие действия): Ой/ ну ты уж ей прям всё// Непонятно/ кто у вас здесь хозяйка// Все её прихвати исполняешь// <...> Да пусть орёт// Вон у неё сколько еды// Из десяти блюд// <...> Ты её скоро икрой красной будешь кормить// Мне бы кто столько поставил// (даёт кошке понюхать кусочек котлеты, кошка перестаёт мяукать и уходит); муж жене: Ну/ ты любишь своего кота больше чем нас//. Эти примеры говорят о том, что в речи находят отражение разные отношения членов семьи к животному, и это способно влиять на межличностные отношения: вызывать конфликты, состояние соперничества, ревность. Чувство ревности возникает тогда, когда человек посредством речи выказывает свою любовь к животному или когда животное проявляет особую любовь только к одному члену семьи, игнорируя других: М. (муж) *Что это за кошка? Её даже погладить нельзя// – Ж. (жена) Почему это нельзя? Ко мне она приходит и садится//.**

А.В. Занадворова пишет о том, что в одной из семей источником конфликтов часто становится вопрос *Ну что собачка гуляла?*, который задают родители дочери и её мужу (хозяевам собаки). Этот вопрос воспринимается как вторжение в их личную сферу¹¹.

Вместе с тем животное может оказывать и благотворное влияние на микроклимат в семье. Собака моих родителей, боксёр Чарли, «не разрешала» им ругаться: вставала на задние лапы, а передними отталкивала одного из родителей, рычала и лаяла. Хозяином она считала отца, а кормили её чаще мама или я, но собака не всегда защищала хозяина: мне казалось, что она понимает, кто виноват. В результате при собаке старались избегать ссор. Лишь изредка конфликтная ситуация разыгрывалась специально, чтобы посмотреть, кого же Чарли посчитает виноватым, лишний раз убедиться в том, что собака – необыкновенно умное существо.

Не выносят шума, напряжения в семье и кошки: наша кошка часто кусала за ноги мать и бабушку грудного ребёнка, когда он плакал, лезла к нему в кроватку (вытащить её оттуда было очень трудно), ложилась рядом и подставляла животик для кормления, хотя у неё ещё никогда не было собственных котят. Хватание зубами взрослых за ноги во время плача ребёнка, конфликта между детьми наблюдалось и в поведении других знакомых кошек. Кошка Катя в семье Сиротининых била по ногам того, кто повышал голос в разговоре с другим членом семьи.

Через общение с животным человек может самоутверждаться в семье: муж, которого члены семьи не воспринимают как главу семьи (по результатам опроса в этой семье), разговаривает с кошкой: *Масянь/ Иди ко мне// С дедом-то ведь хорошо// Деду все любят!* (называет себя дедом, потому что у кошки родились котята). Сын в этой же семье по-своему называет кошку: *Пи-пи, Пипкин, Пипишкин*; по мнению его матери, это следствие подросткового возраста, стремление к самоутверждению и противопоставлению своего мнения мнению других.

Разговоры с животным заполняют ту нишу в общении, которая остаётся свободной в результате внутрисемейного конфликта, распада семьи, ухода из семьи выросших детей, смерти кого-либо из родственников. По рассказам одного из информантов (женщина 50 лет), недостаток общения с повзрослевшим сыном отец восполняет, придумывая планы на будущее: вслух мечтает о том, как летом они втроем (с кошкой) поедут на рыбалку, будут ловить рыбу, как кошка будет делать это лапой и т.д. Всё это составляет фатику общения, создаёт теплоту межличностных отношений и благоприятно сказывается на психологическом самочувствии членов семьи.

В семье происходит воспитание животного. Оно может осуществляться профессионально, по рекомендациям специалистов, и непрофессионально. При профессиональном воспитании животное приучают к беспрекословному выполнению команд: например, *Сидеть! Лежать! Фу! Фас! Апорт!* (для собак), применяется соответствующая терминология.

В большинстве семей, особенно в тех, где живут кошки, которые, как известно, плохо поддаются дрессировке, воспитанием животных специально не занимаются, но оно всё-таки осуществляется путём использования регулятивных тактик: (к взрослой кошке) *Маська! Паразитина ты такая! Ты что наделала?* (кошка разодрала недавно наклеенные обои); *Опять нагадила!* (топает ногой) *А ну брысь отсюда! Пряма засранка какая-то! Больше ты в эту комнату не войдешь!;* *Ой, как стыдно иметь такие грязные лапы* (пёс смущённо молчит). *Куда же это такого чумазого поросёнка вести? Мыться, мыться скорее!;* (мужчина учёный-лингвист собаке) *Тимка! Ах ты бабник несчастный, морда ты поганая! Опять на*

уходёрню (после схватки с собаками пёс пришёл с порванным ухом) *удрать намывливаешься!*¹². В подобной ситуации общения часто используется сниженная лексика, дисфемизмы (*паразитина, засранка, бабник, на уходёрню, удрать, намывливаешься* и др.), слова-зоонимы. Это свойственно даже людям с высоким уровнем речевой культуры и свидетельствует о речевой раскованности в общении с животным. Нередко сниженные номинации имеют коннотативное значение, содержат смягчающий словообразовательный элемент. Подобное наблюдается и в общении с маленькими детьми: *Ах ты засранчик такой!; Ну ты у нас и обжора...; Чья это мордаська такая неумытая? Поросся ты наш!* и т.п. Животные понимают такое обращение, но реагируют по-разному, можно сказать, что они, как и люди, разыгрывают разные психологические роли: *виноватого* (пёс смущённо молчит, см. пример выше); *обиженного* (понуры вид и поджатый хвостик, звук *И-и* у собаки О.Б. Сиротининой); *сильно обиженного* (наша собака отказывалась неделю общаться с хозяином, который возил её на операцию обрезания ушей: не ела из его рук, не реагировала на его команды, признавала только хозяйку); *упрямого* (кошке запрещают громко мяукать: *Да не ори ты!*, а она продолжает ещё громче, а собака О.П. Ермаковой при встрече членов семьи хватает зубами какую-либо вещь, убегает, прыгает на диван и прикрывает мордой добычу, не желая её отдавать, несмотря на уговоры, при этом наблюдается блеск в глазах, постукивание хвостом, затем пёс нехотя отдаёт вещь, издавая звуки *О-у!*¹³); *любящего и верного* (собака прыгает, виляет хвостом, встаёт на задние лапы, пытается лизнуть человека в лицо, издаёт особые звуки).

Приведённые выше примеры показывают и то, что в речи находит отражение возрастной фактор: речевое общение с взрослым животным отличается от речевого общения с «малышом».

В любви животных, особенно кошек и собак, к человеку ощущается такая искренность и неподдельность, что он не может не ответить взаимностью. Мы уже отмечали, что выражение чувства любви в русской речевой традиции не носит открытого характера, педагогическими канонами не приветствуется сюсюканье с детьми; суеверия, боязнь сглазить препятствуют использованию в речи слов с положительной оценочностью в сторону адресата¹⁴, а вот в речевом выражении любви к животному человек более свободен. Как тяжело иногда людям извиниться, попросить прощения (особенно в семье, где установка на прощение предполагается сама собой), а в речевом общении с животным, растением, вещью это делается спокойно, без особых раздумий. Приведём примеры, свидетельствующие о речевом проявлении любви к животным. Хозяйка – кошка: *Мася/ Масянь// Иди сюда моя маленькая// Какая ты сладкая девчонка-то// Тёпленький ты мой цыплёночек!*; хозяйка – собаке: *Ну что ты разлэгся, моя ягода, на дороге,*

я ж тебя раздавлю. Ну, что, зайчонок, поел? Так, может, конца краю не будет? Ах ты мой жерунчик. Ой, моя лапочка (наступила случайно на хвост): деточка, прости меня сыночек¹⁵. Ласковые варианты кличек даже от тех членов семьи, которые в применении к людям, в том числе маленьким детям, никогда не употребляют имён с ласкательными суффиксами; зоонимы и номинации, характерные для человека (*девчонка-то*); существительные и прилагательные с оценочной коннотацией; часто повторяющееся притяжательное местоимение *мой* в разных словоформах; использование междометий; синтаксические повторы; использование тактик извинения, которые, по мнению Р. Ратмайр, редко употребляются среди близких¹⁶, являются речевым выражением любви к животному. По наблюдениям О.П. Ермаковой¹⁷, иногда даже люди, которым свойственна грубая манера речи, в общении с животными начинают сюсюкать.

Можно предположить, что животные способны понимать вежливое обращение к ним и правильно реагировать на такое обращение. По рассказам О.Б. Сиротининой, её собака Кунак, о которой идёт речь в статье «Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность?»¹⁸, не хотела уходить с дивана, несмотря на неоднократные просьбы хозяйки, до тех пор пока Ольга Борисовна не сказала: *Ну я тебя очень прошу// Уйди пожалуйста!*

Человеку свойственно разговаривать и с растениями: М. (одинокая женщина 69 лет говорит приехавшей в гости дочери о цветке в горшке, который стоит на подоконнике) *Я его так люблю... Прямо каждый день целую// (цветку) Мой сладенький// Мой любименький!*

Информант А. рассказала, что на даче она разговаривает с растениями, иногда испытывает угрызения совести, если не уделила должного внимания какому-либо из них, и просит прощения, причём для неё это процесс интимный и ей не хочется в этот момент быть услышанной.

Кроме общения с животными и растениями в семье происходит общение и с предметами вещного мира, которые одухотворяются человеком. Это могут быть семейные реликвии, связанные с историей существования семьи, ценные или очень важные в быту вещи. Приведём несколько примеров: (женщина 47 лет старой игрушечной обезьяне) *Жорик! где ты только у нас не был! Все с тобой играли// Что-то у тебя уже шея не держится// Надо как-то тут подшить!;* (той же игрушке, но в другое время): *Что ж ты тут моя беденькая лежишь?* (поднимает обезьяну с пола) *Вот тут иди лежи* (кладёт её в детскую кроватку); (женщина 75 лет чайнику, который закипел и свистит) *Щас-щас// Иду-иду!*

Следующие примеры отражают роль автоматической стиральной машины в быту: Б. (женщина 47 лет) *Машиношечка ты моя// Что бы мы без тебя делали!;* (из разговора с информантом А.) *Я её благодарю// Спасибо моя помощница// Моя*

умница// Ты уж меня не подводи (машина не в очень хорошем состоянии)// *Вообще стараюсь с ней как-то вот ласково обращаться так// Когда её протираю вот ей так говорю!* Разговаривать с вещами могут и мужчины (мужчина 52 лет водонагревателю) *А тебя мой родной я никуда отсюда не уберу!* (жене) *Ой/ что б мы без него делали?* – Жена, напевая, о водонагревателе *Люби-май* (намеренно искажённое произношение)/ *мой родно-ой!* – Муж (поглаживает рукой водонагреватель) *Родно-ой...* Подобного рода примеры приводят и другие исследователи: «А. (подходит к стиральной машине) *Ты уже всё выстирала? Ну умничка!*»¹⁹.

Трудно ответить на вопрос, существует ли обратная связь (есть исследования, дающие утвердительный ответ), но главное, что человек гипотетически надеется на существование этой связи, он в неё верит, а значит, происходит двустороннее общение, которое условно можно назвать общением с иллюзорным партнёром по классификации М.С. Кагана²⁰. В меньшей степени термин «иллюзорный партнёр» подходит к высокоорганизованным животным (собакам, кошкам, лошадям и др.); О.П. Ермакова, О.Б. Сиротинина, например, рассматривают общение с собаками как с истинными партнёрами коммуникации.

Общение с предметами вещного мира тоже не всегда гармонично: С. (сын 24 лет компьютеру) *Блин! Да что ты глочишь! Вот дурень!* – М. (мать) *А что ты нервничаешь-то?;* О. (женщина 22 лет сотовому телефону) *Достал ты меня уже своими тин-кодами!*

Интересно было бы выявить гендерные различия в речевом общении с животными, растениями и предметами, окружающими человека в быту, но недостаток материала пока не позволяет делать какие-либо выводы.

Большую роль в семейном общении играют и рассказы о животных, их поведении. В процессе рассказа активизируются творческие возможности говорящего. Е.С. Яковлева отмечает, что, если животное мыслится как партнёр коммуникации, оно может выступать в качестве объекта языковой экспрессии, иронии (*Барсик умудрился съесть целую тарелку этой дряни*), эвфемистических замен (*Что-то наш кролик поправился* – вместо *потолстел*) и языковой игры²¹. В одной из семей глава семейства, возмущённый проделками кота, сложил стихотворение, являющееся вольной переделкой «Интернационала»: *Отречёмся от хитрого кота/ Отряхнём его мех с наших ног/ Нам не надо кота обормота/ ненавистен и мех нам и хвост!* Это стихотворение стало частью семейного фольклора, оно часто повторяется в изменённом варианте²².

Экспрессивно окрашены и рассказы о растениях: (мать М. рассказывает дочери Д. о кактусе) М. *Ты знаешь/ он прямо на моих глазах стал распускаться// А тут отец пришёл// Вот я говорю// Ты вот щас посмотришь// Вот пока сидим/ уже*

раскроется// – Д. *И что/ раскрылся?* – М. *А главное/ руки такие у него волосатые* (две длинные вытянутые вперёд цветоножки, покрытые чёрными ворсинками)// *О-й/ ужас! Жуткий какой-то цветок// Но красивый... Зловещий прям какой-то// Раскрылся/ да// Прям на глазах//*

Следующий пример – сжатая, информативно насыщенная реплика матери, переживающей разлуку с сыном (объектом визуального общения является фотокарточка сына): (к дочери) *Вот ты знаешь/ я сегодня как села/ и целый день на эту фотокарточку смотрела// Не могу ничего делать//* Можно сказать, что это фактически целый рассказ о проведённом дне и собственном психологическом состоянии.

Представленные примеры отражают не только процесс речевого творчества, речевой экспрессии, но и процесс самовыражения личности: в рассказе о кактусе адресант передаёт собственное восприятие события посредством использования разнообразных риторических приёмов (олицетворение, эпитеты, эмотивная лексика), в немногословной, сжатой, информативно ёмкой форме реплики матери отражается её психологическое состояние. Процесс самораскрытия очень важен в семье, где люди проводят не так уж много времени, большую часть которого занимает целеориентированное общение в процессе выполнения повседневных домашних дел. Конвенциональное общение в семье приводит к тому, что муж и жена привыкают к своим коммуникативным ролям, ребёнок знает маму только как маму, папу только как папу, а родители знают детей в соответствии с их семейными ролями. Вот почему от родителей можно услышать *Я не знаю своего сына* или, наоборот, *Я знаю своего сына*, тогда как, например, школьный учитель утверждает обратное. Семейные рассказы, тем более рассказы о животных и растениях, позволяют посмотреть на близкого человека иначе, способствуют семейному, эстетическому, нравственному воспитанию, воспитанию любви к природе, сближают членов семьи, делают семейное общение более интересным и ярким.

В результате проведённых наблюдений можно сделать следующие выводы:

1. Речевое общение с животными, растениями, вещами в семье способствует проявлению речевого творчества человека. В общении с животными наблюдаются разнообразие риторических жанров (псевдиалоги, вербальные диалоги, когда человек говорит за животное, растение, вещь), именовании (варианты кличек, наделение животных человеческими именами, отчествами и даже фамилиями), моделирование семейных отношений, приписывание животным семейных ролей; языковая экспрессия, ирония, возникновение поля языковой игры;

2. В речевом общении с собаками, кошками, другими живыми существами в доме ощущается раскованность человека в выражении чувства любви и привязанности: он не стесняется выраже-

ния своих чувств и эмоций (отсюда возникновение чувства ревности к животному), пренебрегает этическими условностями (сниженная лексика или сюсюканье даже в речи тех, кому это не свойственно; тактики извинения).

Речевое общение с растениями, предметами неживого мира представляется интимным актом, в присутствии наблюдателя оно осуществляется с оглядкой на его реакцию;

3. Не всегда общение с животными гармонично. Животное способно по-разному влиять на межличностные отношения: возможно возникновение соперничества, ревности в межличностных отношениях. Гармоничное общение благотворно влияет на семейный микроклимат, восполняет недостаток общения, способствует укреплению семейных отношений;

4. В процессе общения членов семьи с животными, растениями, предметами вещного мира и через рассказы об этом происходит самораскрытие личности говорящего, разрушение шаблонных семейных представлений о личности того или иного члена семьи, воспитание подрастающего поколения.

Таким образом, можно сказать, что общение в семье с животными, растениями, предметами вещного мира существенным образом обогащает семейное общение, лишая его рутинности и однообразия.

Примечания

- 1 См.: Байкулова А.Н. Общее и специфическое в речевом общении разных семей // *Вопр. стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 28; Она же. Семейные роли и их отражение в речи одного и того же человека // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 6; Она же. Речевое общение в семье: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006; Она же. Семейная роль детей и её речевое выражение // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 7; Она же. Семейная роль и речь: муж и жена // *Изв. Сарат. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 2.**
- 2 Ермакова О.П. Речевой портрет собаки // *Лики языка: Сб. науч. работ (к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской). М., 1998. С. 94.*
- 3 См.: Сиротинина О.Б. Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность? // *Вопр. стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 28.*
- 4 Текст разговора см.: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999. С. 340–350.*
- 5 О семейном общении см.: Байкулова А.Н. Речевое общение в семье: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- 6 См.: Ермакова О.П. Речевой портрет собаки. С. 99.
- 7 См.: Ермакова О.П. Разговоры с животными (лингвопсихологические заметки) // *Разновидности городской устной речи: Сб. науч. тр. М., 1988; Она же. Речевой*

- портрет собаки // Лики языка: Сб. науч. работ (к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской). М., 1998.
- 8 См.: *Сиротинина О.Б.* Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность?
- 9 См.: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- 10 См.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки) // Разновидности городской устной речи: Сб. науч. тр. М., 1988.
- 11 См.: *Занадворова А.В., Какорина Е.В., Китайгородская М.В. и др.* Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- 12 Последние два примера см.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки).
- 13 См.: *Ермакова О.П.* Речевой портрет собаки.
- 14 См.: *Байкулова А.Н.* Семейная роль и речь: муж и жена // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 2.
- 15 Второй пример см.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки).
- 16 См.: *Ратмайр Р.* Простите, если что не так, или К вопросу о формах извинения в русской устной речи // Лики языка: Сб. науч. работ (к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской). М., 1998.
- 17 См.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки)...
- 18 См.: *Сиротинина О.Б.* Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность?
- 19 См.: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект.
- 20 См.: *Каган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.
- 21 См.: *Яковлева Е.С.* Человек <=> животное: взаимные языковые проекции // Лики языка: Сб. науч. работ (к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской). М., 1998.
- 22 См.: *Занадворова А.В., Какорина Е.В., Китайгородская М.В. и др.* Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи). С. 332.

УДК 811.111'276.5

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НОСИТЕЛЕЙ «МОБИЛЬНОГО» ЖАРГОНА (на материале метафор)

А.А. Сосновская

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: stapel_2002@bk.ru

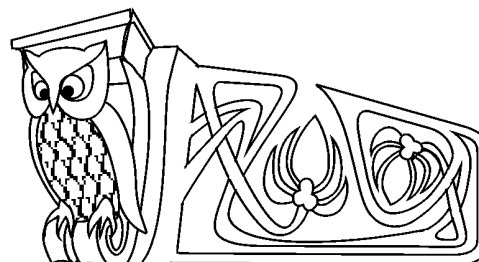
«Мобильный» жаргон – живой и неоднородный по составу пласт лексики русского языка, имеющий ряд особенностей. Развитие этого языкового явления и его широкое распространение среди носителей русского языка обусловлены внедрением мобильных технологий в жизнь современного общества. Большинство единиц данного идиома формируется на базе метафорического переноса. Лексемы, используемые носителями данного жаргона в качестве источника метафоризации, чрезвычайно разнообразны. По сравнению с общезыковыми тенденциями метафоризация в «мобильном» жаргоне имеет свою специфику, которая позволяет выявить самобытность языковой картины мира его носителей.

Ключевые слова: языковая картина мира, «мобильный жаргон», метафора, лексика, русский язык.

The World-picture in the «Mobile» Jargon (on the material of metaphors)

А.А. Sosnovskaya

“Mobile” jargon being lively and heterogeneous in structure presents a specific level of the Russian language. The development of this language phenomenon and its spread among the Russian language speakers are determined by the penetration of mobile technologies into the life of modern society. The majority of the items of this idiom

are formed by means of metaphoric transfer. The lexemes used by “mobile” jargon users as the source for metaphors are extremely various. It gives the opportunity to conclude that the process of metaphorization in the “mobile” jargon differs in some respects from the general language mechanisms; that the picture of the world of “mobile” jargon users is original and diverse.

Key words: language picture of the world, ‘cell jargon’, metaphor, lexical units, Russian language.

Широкое распространение мобильных технологий связи в последнее время стало причиной чрезвычайно динамичного развития «мобильного» жаргона (сленга пользователей сотовой связи)¹. «Мобильный жаргон» никто не придумывал. Его образование – естественное стремление пользователей сотовых телефонов упростить общение между собой до элементарного обмена тремя-четырьмя словами. Многие «мобильные выражения» были заимствованы из компьютерного сленга и являются общеобразовательным минимумом для продвинутых пользователей.

Как показал анализ словарей (общего, молодежного сленга), анализ интернет-словарей², а также наши собственные данные, полученные в результате общения с носителями сленга сотовой связи и их анкетирования, около 200 единиц исследуемого страта формируются на базе метафоризации, что соответствует общим тенденциям

- портрет собаки // Лики языка: Сб. науч. работ (к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской). М., 1998.
- 8 См.: *Сиротинина О.Б.* Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность?
- 9 См.: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- 10 См.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки) // Разновидности городской устной речи: Сб. науч. тр. М., 1988.
- 11 См.: *Занадворова А.В., Какорина Е.В., Китайгородская М.В. и др.* Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- 12 Последние два примера см.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки).
- 13 См.: *Ермакова О.П.* Речевой портрет собаки.
- 14 См.: *Байкулова А.Н.* Семейная роль и речь: муж и жена // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 2.
- 15 Второй пример см.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки).
- 16 См.: *Ратмайр Р.* Простите, если что не так, или К вопросу о формах извинения в русской устной речи // Лики языка: Сб. науч. работ (к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской). М., 1998.
- 17 См.: *Ермакова О.П.* Разговоры с животными (лингво-психологические заметки)...
- 18 См.: *Сиротинина О.Б.* Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность?
- 19 См.: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект.
- 20 См.: *Каган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.
- 21 См.: *Яковлева Е.С.* Человек <=> животное: взаимные языковые проекции // Лики языка: Сб. науч. работ (к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской). М., 1998.
- 22 См.: *Занадворова А.В., Какорина Е.В., Китайгородская М.В. и др.* Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи). С. 332.

УДК 811.111'276.5

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НОСИТЕЛЕЙ «МОБИЛЬНОГО» ЖАРГОНА (на материале метафор)

А.А. Сосновская

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: stapel_2002@bk.ru

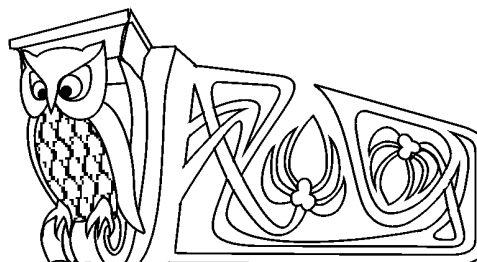
«Мобильный» жаргон – живой и неоднородный по составу пласт лексики русского языка, имеющий ряд особенностей. Развитие этого языкового явления и его широкое распространение среди носителей русского языка обусловлены внедрением мобильных технологий в жизнь современного общества. Большинство единиц данного идиома формируется на базе метафорического переноса. Лексемы, используемые носителями данного жаргона в качестве источника метафоризации, чрезвычайно разнообразны. По сравнению с общезыковыми тенденциями метафоризация в «мобильном» жаргоне имеет свою специфику, которая позволяет выявить самобытность языковой картины мира его носителей.

Ключевые слова: языковая картина мира, «мобильный жаргон», метафора, лексика, русский язык.

The World-picture in the «Mobile» Jargon (on the material of metaphors)

A.A. Sosnovskaya

“Mobile” jargon being lively and heterogeneous in structure presents a specific level of the Russian language. The development of this language phenomenon and its spread among the Russian language speakers are determined by the penetration of mobile technologies into the life of modern society. The majority of the items of this idiom

are formed by means of metaphoric transfer. The lexemes used by “mobile” jargon users as the source for metaphors are extremely various. It gives the opportunity to conclude that the process of metaphorization in the “mobile” jargon differs in some respects from the general language mechanisms; that the picture of the world of “mobile” jargon users is original and diverse.

Key words: language picture of the world, ‘cell jargon’, metaphor, lexical units, Russian language.

Широкое распространение мобильных технологий связи в последнее время стало причиной чрезвычайно динамичного развития «мобильного» жаргона (сленга пользователей сотовой связи)¹. «Мобильный жаргон» никто не придумывал. Его образование – естественное стремление пользователей сотовых телефонов упростить общение между собой до элементарного обмена тремя-четырьмя словами. Многие «мобильные выражения» были заимствованы из компьютерного сленга и являются общеобразовательным минимумом для продвинутых пользователей.

Как показал анализ словарей (общего, молодежного сленга), анализ интернет-словарей², а также наши собственные данные, полученные в результате общения с носителями сленга сотовой связи и их анкетирования, около 200 единиц исследуемого страта формируются на базе метафоризации, что соответствует общим тенденциям

развития внелитературных стратов: «Примерно половина лексем сленга возникает в результате семантической деривации»³, причем «сленговые значения по большей части метафоричны»⁴. Следует отметить, что данный процесс охватывает практически все тематические группы – номинации технических особенностей и комплектующих мобильного телефона, моделей и производителей, аксессуаров, услуг операторов сотовой связи и т. п.). В качестве источника метафоризации носителями жаргона используются лексемы (в основном имена существительные, реже – глаголы и крайне редко – имена прилагательные) практически всех семантических сфер лексико-семантической системы русского языка: природные объекты, их физические характеристики и состояния; животный мир; артефакты; человек как биологический вид; пространственные характеристики объектов (форма, размер, положение в пространстве, движение и покой); человек как личность, психическая деятельность человека; человек как социальное существо; социум, экономика, культура.

Тем не менее степень продуктивности использования каждой из указанных сфер в качестве источника метафоризации, а также степень разнообразия лексики каждой из них далеко не одинаковы, что, безусловно, свидетельствует о своеобразной картине мира носителей «мобильного» жаргона. Анализ исследуемого материала позволяет выявить ряд специфических особенностей процесса метафоризации в «мобильном» жаргоне по сравнению с общеязыковыми тенденциями и в сопоставлении с русским литературным языком⁵.

Так, в литературном языке, как и национальном языке в целом, семантическая сфера «Природные объекты» относится к числу одной из самых продуктивных. В мобильном сленге положение несколько иное. Номинации природных объектов отсутствуют, исключение составляют лишь лексемы, именующие вещества (*аргентум*), тогда как глаголы, характеризующие физическое воздействие на данные объекты (прежде всего, их качественное изменение) значительно многочисленнее (ср.: *отвязывать, прокачать, перешивать, прошивать*), хотя все же удельный вес данной семантической сферы в метафорической системе невелик (не более 10 %).

Пространственная лексика, в отличие от общеязыковых тенденций, где она является одной из самых продуктивных, в сленге мобильных телефонов составляет лишь 5 %, причем более половины единиц так или иначе связаны с деятельностью человека – движение, которое может осуществлять человек (ср.: *скинуть сообщение*); единицы измерения пространства, используемые человеком (ср.: *сотка*); номинации контура и формы объекта (ср.: *кривая разлочка, кривой номер*).

Еще в большей степени противопоставление общеязыковых и сленговых тенденций проявляется в метафоризации семантической сферы «Животный мир». В мобильном жаргоне номинация животных, их частей (*морда*) и жизнедеятельно-

сти (*шкурка*) составляют чуть более 4 %, причем в основном это наименования насекомых, а именно пчел, поскольку одним из ведущих операторов сотовой связи является «Билайн» (ср.: *пчелайн, пчелы, пчелофон* от англ. *bee* – пчела).

Лексика семантической сферы «Артефакты» (27 %) чрезвычайно разнообразна по своему содержанию. Носители жаргона преимущественно используют номинации бытовой утвари (ср.: *котел, стакан, бочка*), одежды и аксессуаров (ср.: *шнурок, кобура*), мебели и элементов обустройства квартиры (ср.: *раскладушка, обои*). Достаточно активно в процесс метафоризации включаются номинации инструментов и промышленного оборудования (ср.: *мотор, зарядник, столбы, труба*), средств передвижения (ср.: *лыжи, мотороллер, велик*). Напротив, единичными примерами представлены именованные игрушки и оружия (ср.: *базуха, кубики*). Следует отметить, что переносные значения развивают номинации как традиционных, подчас устаревающих артефактов, часто связанных с традиционным крестьянским укладом (*бочонок, кубышки*), так и современных реалий – прежде всего бытовой городской культуры XX века (*мобильник, зарядник, вибра*).

В семантической сфере «Артефакты» регулярно фиксируются разговорные, просторечные слова, диминутивы (ср.: *велик, мобильник, мобилка*), а также характерные для разговорной речи отглагольные номинации – с указанием на характерное звучание и функцию артефакта – как реальные, так и искусственные (ср.: *раскладушка, мобилла*). Именно в данной сфере обнаруживается достаточно большое число искусственных слов на базе именованных артефактов, их трансформаций, а также с использованием морфемной структуры, типичной для таких именованных (*базуха* (ср.: *базука*), *вибра*).

Семантическая сфера «Человек как биологический вид» относится к числу продуктивных (около 14 %) в плане формирования метафорических значений и включает в себя различные группы, многообразные по своей семантике:

- мимика и жесты человека с регулярным формированием искусственных слов (ср.: *опсос*);
- гендерная и возрастная характеристика (ср.: *девочка, мальчик, железная тетка*);
- физические потребности и их удовлетворение – преимущественно просторечная и жаргонная номинация испражнений (ср.: *пук*), хотя встречаются и номинации, связанные с такими естественными потребностями, как питание (ср.: *голодная трубка, подкармливать*);
- физические состояния: жизнь и смерть – преимущественно номинации неестественной смерти (ср.: *утопленник, убитый, мертвяк*).

Почти в такой же степени продуктивно (около 27%), как и в семантической сфере «Артефакты», переносные значения формируются членами семантической сферы «Человек как личность; психическая деятельность человека», причем в выборе единиц наблюдается определенная система пред-

почтений. Так, эмоциональная и речевая деятельность в основном представлена лексемами, которые можно употреблять как экспрессивную (обычно отрицательную) реакцию в обиходном общении (ср.: *нахальный* – «Локальный» тариф МТС, *мало-надежный* – «Молодежный» тариф МТС, *голимый* – тариф «Любимый»). По тому же принципу строятся искусственные слова (ср.: *мегафон*).

В «мобильном» жаргоне, в отличие от литературного языка, активно подвергаются метафоризации антропонимы – основное средство идентификации личности, причем здесь преобладают традиционные русские имена – диминутивы, используемые в обиходном общении по отношению к детям, родным и близким (ср.: *Женька, Алик, Озя, Семен, Сонька, Филиппок, Эрик*). Следует отметить, что диминутивы в основном используются для номинации моделей мобильных телефонов, таким образом, практически у каждого мобильного телефона есть свое второе название (*Беня* – телефон от Benefon, *Бошик* – телефон от Bosch).

Напротив, значительно реже, чем в литературном языке, переносные значения развивают члены семантической сферы «Человек как социальное существо» (около 10 %): национальность (ср.: *чукча в катюшоне*); род занятий, профессиональная деятельность и увлечения (ср.: *пчеловод, трактористы, парашютист, мануал, ныряльщик*; искусственные слова – *сотовик, сотрубник* (ср.: *сотрудник*)).

Семантическая сфера «Социум. Экономика. Культура» представлена единичными лексемами, именующими реалии из детской литературы, сказок (*дракон*), фольклора (*дракоша* – мифическое животное из мультфильма), и культурных реалий (*полька*).

Таким образом, сленг пользователей сотовых телефонов чрезвычайно разнообразен и включает единицы практически всех семантических сфер лексико-семантической системы языка, причем это

единицы как активного состава языка, так и пассивного (архаизмы, историзмы, неологизмы). Такое многообразие лексики свидетельствует о весьма самобытной языковой картине мира носителей «мобильного» жаргона, свидетельствует о творческом потенциале ее носителей. Безусловно, значительную часть исследуемых единиц составляет сниженная – разговорная, просторечная, жаргонная – лексика. Ее использование во многом связано с языковой игрой, «карнавализацией» сленгового общения в целом⁶. Хотя сам тип такой игры выглядит подчас нарочито грубоватым и сниженным, в ней проявляется стремление сделать своим, понятным мир современных мобильных технологий.

Примечания

- 1 Поскольку до настоящего времени в лингвистике нет единого мнения об основных критериях противопоставления жаргона и сленга, в данной работе эти термины будут употребляться как синонимы.
- 2 См.: *Грачев М.А.* Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006; Категория: Мобильный жаргон. URL: http://www.lwg.ru/category/mobilnui_zhargon; *Левикова С.И.* Большой словарь молодежного сленга. М., 2003; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001; *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2004.
- 3 См.: *Розина Р.И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М., 2005. С. 29.
- 4 Там же. С. 14.
- 5 *Балашова Л.В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1998; *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. М., 1993.
- 6 *Балашова Л.В.* Концептуализация речевой коммуникации во внелитературных стратах (метафора) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7.

УДК 811.161.1'244+811.111'244

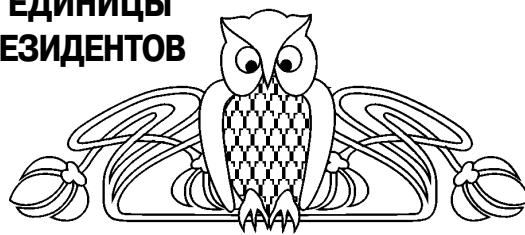
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РЕЧИ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ (на материале жанра послания)

Е.Ю. Викторова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: helena_v@inbox.ru

В статье на материале жанра «Послания президента Федеральному собранию» проводится сравнительное исследование особенностей употребления вспомогательных коммуникативных единиц в российском и американском политическом дискурсе, выявляются общие и специфические черты в использовании их в речи политических лидеров.

Ключевые слова: русский язык, английский язык, вспомогательные коммуникативные единицы, речь, послание, политический дискурс.

Auxiliary Communicative Units in Russian and the US Presidential Addresses

E.Yu. Victorova

On the materials of the genre of Presidential Address to Federal Congress the article offers a comparison in functioning of auxiliary communicative units in Russian and American political discourse, and reveals the universal and specific characteristics of their usage in political leaders' speech.

Key words: Russian language, English language, auxiliary communicative units, speech, address, political discourse.

Эффективность политической коммуникации в современной России неизменно связана, в том числе, и с появлением новых политических речевых жанров. «Послание президента Федеральному собранию» – один из них. Первое послание к Федеральному собранию прозвучало из уст Б.Н. Ельцина в 1994 г. В.В. Путин за два президентских срока выступил с ежегодным посланием восемь раз (с 2000 по 2007 г.). Можно смело утверждать, что за последнее десятилетие этот жанр стал традиционным.

Из речи Президента члены Федерального Собрания и граждане России получают информацию о деятельности властных структур. Не приходится сомневаться в искренности слов главы государства, нельзя этим словам не доверять. Важнейший результат более чем десятилетнего существования в российской политической жизни жанра послания – доверие российских граждан к своему лидеру. Безусловно, в современной России популярность и эффективность этого жанра велика, о чем свидетельствуют высокий, по данным СМИ, рейтинг президента В.В. Путина и партии «Единая Россия», первым лицом которой он стал на выборах 2007 г.

«Послание президента Федеральному собранию» представляет собой по существу отчет президента о положении в стране, о достигнутых результатах, успехах и неудачах, проблемах российского общества. Кроме того, в послании намечается план работы правительства и его подразделений на следующий период, ставятся задачи и определяются приоритеты дальнейшего развития. Послание президента – это монологическое выступление, прерываемое в ряде случаев лишь аплодисментами. А тот факт, что оно транслируется в прямом эфире ведущими российскими теле- и радиоканалами, требует в речи установки на общедоступность идей и направлений работы органов власти, как свидетельство прозрачности деятельности власти и ее намерений. У граждан создается впечатление вовлеченности в политические проблемы и интересы России, появляется чувство сопричастности и ответственности.

Среди многих других целей и задач для любого политика важно произвести благоприятное впечатление на своих избирателей и, следовательно, соблюдать общепринятые нормы поведения, взвешивать свое речевое и неречевое поведение. Имидж политиков и их авторитет среди коллег и электората в большой степени зависят и от их речи¹. Речь – это одна из главных составляющих личности политика. Именно на основе речевого поведения политика избиратель и делает свои выводы – о доверии кандидату, об эффективности работы властных структур и даже об уровне своего собственного благополучия. Российский

президент В.В. Путин наукой убеждать владеет практически в совершенстве. Искренняя любовь граждан и необычайная популярность В.В. Путина – лучшее тому подтверждение.

Чтобы достичь желаемой цели, мысли и идеи говорящего должны быть облечены в определенную оболочку, форму. Иначе говоря, речь необходимо организовывать, выстраивать. Этим целям в значительной мере служат вспомогательные коммуникативные единицы (ВКЕ). К ним относятся различные речевые сигналы, реплики, которые помогают говорящему оформлять свою мысль, логически выстроить сообщение, расставить акценты на фрагментах своей речи, вступить в общение, смягчить сказанное, выразить к сообщаемому свое отношение, подчеркнуть сказанное, обратиться к аудитории и т.д.

Употребление этих единиц отличается определенной рефлекторностью. Они настолько органично встраиваются в речь, что их присутствие в ней не замечают. Однако в политическом дискурсе значение имеет любая мелочь – и отдельное слово, и интонация, и акцент. Поэтому грамотный политик должен учитывать роль разных коммуникативных средств, в том числе и вспомогательных средств коммуникации, так как их роль в воздействии на адресата значительна.

Безусловно, приоритетная роль в любых видах и формах общения принадлежит основным (не вспомогательным) средствам коммуникации. ВКЕ образуют некий дополнительный, фатикомодусный по своей сути, коммуникативный уровень, который, казалось бы, не является обязательной частью коммуникативного процесса. Однако отсутствие в речи подобных единиц создает впечатление некоторой «недооформленности», нечеткости, размытости или излишней жесткости речи. Кроме того, исключение из своей речи единиц вспомогательного характера может создать для говорящего проблемы, связанные с человеческими взаимоотношениями, речевой этикой, вежливостью, коммуникативной компетентностью, и, в конечном итоге, препятствовать достижению им коммуникативной цели.

Можно говорить о том, что специфика использования ВКЕ во многом определяет манеру речевого поведения того или иного говорящего. Пристрастие к отдельным «словечкам» (например, ельцинское *понимаешь*) или типам единиц вспомогательного характера создает некий образ: жесткого и сильного политика, мягкого в своих суждениях либерала-демократа, «своего парня» и т.п.

По своему составу и употреблению ВКЕ разнообразны. Среди всего их многообразия выделим две большие группы единиц: коммуникативы и дискурсивные слова (или дискурсивы). Коммуникативы используются в качестве реакции говорящего на речь или ситуацию; это в основном непредикативные конструкции, выраженные релятивами. Функционируют коммуникативы

в качестве фатических сигналов восприятия информации, обеспечивающих обратную связь между говорящим и слушающим, в качестве информативных ответных реплик *да, нет* и их модализованных аналогов, а также как заполнители пауз (хезитативы) и этикетные формулы (например, приветствия, прощания, благодарности). Коммуникативы могут употребляться как говорящим, так и слушающим. Дискурсивные слова «регулируют течение дискурса»²; они выполняют композиционно-структурную, логико-связующую, выделительную, регулятивную и субъективно-модальную функции (например, рус. *конечно, я думаю, считаю, наверное, во-первых, наконец, как я уже сказал, как известно*, англ. *I believe, surely, you see, so, yet, finally, probably*). Их задача – оформить текст, сделать его более доступным для его понимания и восприятия адресатом³. Дискурсивы относим к ВКЕ говорящего, хотя они могут появляться и в ответной реплике, но типичны именно для организации монолога.

Жанр «Послания президента к Федеральному собранию» возник, с одной стороны, в результате определенного преломления советской традиции доклада генерального секретаря ЦК КПСС на съездах партии, а с другой стороны, – под влиянием подобных жанров в западной политической культуре. Так, в США жанр послания президента Конгрессу («State of the Union») является традиционным с 1790 г. – со времен первого президента Дж. Вашингтона.

Для данного исследования были использованы интернет-публикации текстов посланий российских президентов Б.Н. Ельцина, В.В. Путина и американских президентов Б. Клинтона, Дж.Буша мл. за период с 1993 по 2007 г. (www.kremlin.ru; <http://stateoftheunion.onetwothree.net/texts>). В задачи исследования входил сравнительный анализ особенностей употребления ВКЕ в посланиях российских и американских политических лидеров.

Частота употребления ВКЕ в текстах посланий российских и американских президентов имеет индивидуальный характер. Из четырех президентов, послания которых были исследованы, безусловным лидером по частоте использования ВКЕ в речи является В.В. Путин. Он употребляет в среднем одну ВКЕ на 39 словоупотреблений. У президента Б.Н. Ельцина данный показатель составляет одну единицу на 88 словоупотреблений, т.е. первый российский президент использует ВКЕ более чем в два раза реже, чем его преемник.

Объем посланий президента Б.Н. Ельцина значительно превышает объем даже самого длинного послания В.В. Путина: в среднем объем одного послания составляет более 40 печатных страниц. Последнее послание Б.Н. Ельцина напечатано на 60 страницах. Вероятно, в те годы еще действовала традиция многочасовых советских партийных докладов. Напрашивается вывод о том, что поскольку составители этих текстов прежде

не имели опыта написания подобного рода выступлений и в России практически отсутствовала культура парламентского общения, постольку не сразу были учтены некоторые особенности данного речевого жанра, а именно устный характер его представления Федеральному собранию. Для слушателя практически невозможно адекватно воспринять устный текст такой длины. Тексты первых президентских посланий были составлены как преимущественно письменные. Этим и объясняется низкая, по сравнению с посланиями В.В. Путина, частота использования ВКЕ в речи Б.Н. Ельцина. В посланиях Б.Н. Ельцина она составляет от 1 ВКЕ на 176 словоупотреблений в первом послании в 1994 г. до 1 единицы на 59 словоупотреблений в 1999 г. Несомненно, налицо рост частоты использования ВКЕ в речи президента Б.Н. Ельцина (почти в три раза). Приняв его эстафету, В.В. Путин начинает примерно с тех же показателей (1 ВКЕ на 53 словоупотребления), а потом увеличивает частоту использования исследуемых единиц практически вдвое. Таким образом, в речи обоих российских президентов наблюдаются сходные тенденции по увеличению с течением времени количества и частоты использования ВКЕ в своей речи. И сам жанр послания Федеральному собранию в этом аспекте показывает последовательную динамику развития от первого послания 1994 г. до последнего, что является результатом формирования и развития в современной России культуры публичных выступлений, новых политических жанров, парламентского общения.

Что касается посланий американских президентов, то и здесь наблюдаем значительные различия в частоте использования ВКЕ. В речи Б. Клинтона ВКЕ используются в среднем почти в два раза чаще, чем в речи Дж. Буша (соответственно 1 единица на 130 и 230 словоупотреблений). Кроме того, замечены отличия по частоте использования изучаемых единиц в речи каждого из президентов в разные годы. В речи американских президентов ежегодного увеличения числа ВКЕ, которое наблюдается в речи российских президентов, не отмечено.

В целом использование ВКЕ не подчиняется каким-либо строгим законам. Употребление в речи многих типов ВКЕ осуществляется бессознательно и поэтому зависит от разнообразных факторов, включая, вероятно, и настроение говорящего как в момент подготовки сообщения, так и во время его публичного чтения. Отсюда и разный уровень формальности выступления, и даже возможное наличие шуток в данном официальном жанре, а следовательно, и смеха в аудитории: *We have to start thinking about tomorrow. I've heard that somewhere before (Laughter)*. Сложно сказать, какая доля ВКЕ представляет плод творчества спичрайтеров, а какую привнесли в свое выступление сами ораторы. Однако представляется, что спичрайтеры при написании текстов президентских посланий, несо-

мненно, учитывают характер личности оратора, в том числе и тип его языковой личности.

Жанр президентского послания в США является традиционным, а следовательно, в большой мере и ритуальным жанром. Об этом свидетельствует и практически не меняющийся от года к году, от президента к президенту способ приветствия и прощания в изучаемом жанре речи. В отличие от приветственных слов российского президента В.В. Путина, состав которых меняется от года к году (возможно, в целях избежания повторений; ср. *Уважаемые депутаты, члены Совета Федерации* (в 2000 году) и *Уважаемое Федеральное собрание, уважаемые граждане России* (с 2003 по 2006 г.)), приветствие американских президентов неизменно включает в себя обращение к спикеру, вице-президенту (Дж. Буш, правда, всегда называет еще и фамилию своего заместителя), членам Конгресса, почетным гостям и гражданам Америки: *Mr. Speaker; Mr. Vice President, members of the 104th Congress, distinguished guests, my fellow Americans*.

Помимо этого характерной чертой практически всех американских посланий является обращение по имени к отдельным гражданам, присутствующим в качестве почетных гостей, проявившим себя каким-либо образом или приславшим свои письма президенту. В посланиях Б. Клинтона таких обращений зарегистрировано более десяти. Роль отдельной личности и ее вклада в общее, государственное дело в американской культуре всегда имела значительную ценность. И обращение к отдельным людям, иногда даже детям (как в послании Дж. Буша за 2004 г.), безусловно, отражает эту особенность американского менталитета.

Еще одна специфическая черта, отражающая традиционный ритуальный характер жанра послания американского президента, а также роль религии в американском обществе, – особые прощальные слова, содержащие благодарность и благословение: *Thank you. God bless you. And God bless America*. Данная часть послания остается неизменной многие годы, о чем свидетельствуют послания Дж. Буша ст., Р. Рейгана, Дж. Кеннеди. Только один раз отступил от этого ритуала в 1999 г. Б. Клинтон: он опустил слова благословения и пожелал собравшимся доброго вечера (*Thank you, and good evening*).

Финальная фраза посланий российского президента В.В. Путина тоже содержит слова благодарности. Однако состав этой фразы в посланиях разных лет варьируется. В первом послании благодарность выражена наиболее полно и развернуто: *Спасибо вам большое за внимание*. Во втором послании используется более формальное *Благодарю вас за внимание*. В посланиях последних лет финальная ВКЕ становится все более и более краткой: *Спасибо за внимание* в 2005 и 2006 гг. и *Спасибо* в 2007 г. Таким образом, из слов благодарности исчезли слова *большое* и *вас*, отчего слова благодарности кажутся более скупыми и сухими.

К сожалению, в публикациях «Посланий» Б.Н. Ельцина слова приветствия и благодарности не были включены в текст, поэтому сравнительный анализ данных элементов выступлений двух президентов на данный момент невозможен.

Все исследуемые ВКЕ считаем возможным разделить на несколько групп: ВКЕ организационно-структурного, субъективно-модального, акцентно-выделительного характера, рефлексивы, ВКЕ–непосредственные адресации и коммуникативы.

Все использованные в посланиях ВКЕ являются единицами говорящего, так как данный жанр монологичен. Большинство ВКЕ в посланиях всех четырех президентов выполняют композиционную и логико-связующую функции. В посланиях В.В. Путина доля **единиц организационно-структурного характера** в общем объеме всех ВКЕ с 2000 по 2007 г. увеличилась на 20% и составила 50%, а частота употребления единиц этой группы повысилась в три раза. Текст ежегодного послания данного президента, таким образом, становится все более структурированным, композиционно маркированным, связным и, следовательно, доступным для восприятия. Наиболее частотны в указанной функции дискурсивы *наконец* (36 употреблений во всех посланиях), *прежде всего* (28), *кроме того* (26), *в этой связи* (23), *во-первых* (*во-вторых, в-третьих*) (23), *(это) первое* (*второе*) (28), *при этом* (20). Например:

Кроме того, большой проблемой местного самоуправления остается недостаточность его собственной доходной базы.

В-третьих, надо, наконец, провести анализ ныне реализуемых государственных функций и сохранить только необходимые.

Речь, прежде всего, о том потенциале, который есть в предпринимательстве, в научно-технической сфере, в современных технологиях управления.

Всего эта группа ВКЕ в посланиях В.В. Путина содержит более 70 разнообразных единиц, употребление многих из них единично.

Логическая последовательность подачи материала, четко выверенная композиция и логическая взаимосвязь частей текста его посланий – таковы неизменные сильные стороны выступлений В.В. Путина в данном жанре.

Необходимо отметить, что с 2000 по 2007 г. значительно вырос объем текста послания – в 2,5 раза. Следовательно, в 2007 г. президент В.В. Путин выступал перед членами Федерального собрания намного дольше, чем в 2000 г. Внимание аудитории необходимо поддерживать на должном уровне в течение всего времени зачитывания текста послания. Отсюда, возможно, и более частое применение В.В. Путиным организационно-структурных ВКЕ в послании 2007 г. Правильное употребление таких единиц делает текст более доступным для понимания и

способствует удержанию внимания слушателей на должном уровне в течение длительного времени.

В посланиях Б.Н. Ельцина преобладание организационно-структурных ВКЕ над другими еще более значительно, ВКЕ этого типа составляют здесь около 80%. Чаще других в речи Б.Н. Ельцина встречаются ВКЕ *так* (в значении *например*), *однако*, *прежде всего*, *в итоге*. Например:

Серьезную озабоченность вызывает нежелание федеральных органов государственной власти «связывать» себя жесткой процедурой принятия решений, закрепленной законом. Так, с июня 1994 года практически без движения лежал в Государственной Думе проект закона о порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов.

Организационно-структурные ВКЕ в посланиях американских президентов демонстрируют показатели, сходные с данными, полученными в ходе исследований ВКЕ в посланиях российских президентов. Так, процент употребления организационно-структурных ВКЕ в речи В.В. Путина составляет в среднем 42%, в речи Б.Н. Ельцина – 80%, у Б. Клинтона – 47%, у Дж. Буша – 78%.

У Б.Н. Ельцина и Дж. Буша организационно-структурные ВКЕ составляют подавляющее большинство, у В.В. Путина и Б. Клинтона – менее половины от всех единиц. Однако это не означает, что речь последних двух президентов менее структурирована и композиционно не маркирована. Напротив, количество единиц, отвечающих за связность и последовательность подачи материала, у них достаточно высокое, эти ВКЕ весьма разнообразны по составу, однако наряду с ВКЕ этой разновидности в посланиях В.В. Путина и Б. Клинтона присутствуют в значительном количестве и ВКЕ с другим функциональным значением. Отсюда и более низкое процентное содержание организационно-структурных единиц.

Список всех ВКЕ с этим значением в речи Дж. Буша включает 20 единиц, чаще других повторяются дискурсивы *so* (40) и *yet* (43) – на них приходится более 70% от всех организационно-структурных единиц. Например:

So tonight, I propose two new initiatives to help more Americans afford their own insurance.

The terrorists and insurgents are violently opposed to democracy and will continue to attack it. Yet, the terrorists' most powerful myth is being destroyed.

So употребляется перед репликой, содержащей вывод, а *Yet* является сигналом противопоставления. Данные единицы можно назвать «излюбленными» ВКЕ президента Дж.Буша в жанре послания. Интересно, что в жанре интервью среди наиболее частотных в речи президента Дж.Буша отмечены другие ВКЕ, а именно *you know* и *I mean*⁴.

Среди менее частотных ВКЕ организационно-структурного характера в посланиях Дж. Буша отметим *at the same time*, *first*, *second*, *in the end*.

Список организационно-структурных ВКЕ у Б. Клинтона в два раза длиннее, чем у Дж. Буша. «Самые любимые» ВКЕ Б. Клинтона частично совпадают с «фаворитами» Дж. Буша и также относятся к группе организационно-структурных единиц: *now* (52), *first (second, third – eighth)* (49), *so* (42). На эти три единицы приходится более 63% от всех употреблений ВКЕ этой группы.

По своему коммуникативно-функциональному значению употребление дискурсива *now* весьма схоже с употреблением *so* – он вводит итоговую или новую часть сообщения. Ср.:

Now, I ask Congress to provide resources so that all parties can implement the Wye Agreement, to protect Israel's security, to stimulate the Palestinian economy, to support our friends in Jordan.

Вторым по частоте использования ВКЕ в посланиях Б. Клинтона является дискурсив *First (Second, Third – Eighth)*. Пронумерованные пункты в посланиях Б. Клинтона довольно частотны. Их наличие позволяет говорящему четко структурировать свою речь, а слушающему – внимательно следить за речью говорящего и воспринимать ее более последовательно и адекватно.

Среди других организационно-структурных ВКЕ, употребление которых колеблется в интервале от 6 до 13 использований, зафиксированы *finally*, *therefore*, *well*, *yet*.

Как показало проведенное исследование, списки наиболее частотных организационно-структурных единиц российских и американских президентов не пересекаются. Исключение составляют *во-первых (во-вторых, в-третьих)*, *(это) первое (второе)* в речи В.В. Путина и *first (second, third – eighth)* в речи Б. Клинтона. И еще важным отличием употребления ВКЕ в жанре послания в русском и английском языках служат количественный состав единиц этой группы – список этих единиц В.В. Путина содержит более 70 организационно-структурных ВКЕ. Это почти в два раза больше, чем список Б. Клинтона, и в 3,5 раза больше, чем список Дж. Буша. Следовательно, ВКЕ в текстах посланий российского президента В.В. Путина гораздо более разнообразны и частотны в среднем в полтора раза, чем в посланиях американских президентов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что стремление к более организованной, логично и последовательно выстроенной речи у российского президента В.В. Путина в жанре послания выражено сильнее. Кроме того, при обладании достаточно широким репертуаром организационно-структурных ВКЕ, В.В. Путину удается избежать повторений этих единиц, и их использование не является избыточным.

ВКЕ с субъективно-модальным значением в посланиях В.В. Путина составляют в среднем 25%. Наиболее популярной субъективно-

модальной ВКЕ следует признать дискурсив *конечно*. На его употребление приходится около 20% употреблений всех других ВКЕ в этой функции. Дискурсив *конечно*, по данным Национального корпуса русского языка, по количеству употреблений в устных и письменных текстах превосходит все другие дискурсивные слова в несколько раз. *Конечно* придает высказыванию «вес, солидность, основательность, а ссылка на некоторую «внешнюю инстанцию», заложенная в семантике *конечно*, позволяет это сделать»⁵. Например: *Но мы уже два года говорим о сокращении избыточных функций госаппарата. Ведомства по вполне понятным причинам «цепляются» и будут «цепляться» за эти функции. Но это, конечно, не повод откладывать реформу.*

Президент с помощью *конечно* подчеркивает объективность своих слов и достоверность приводимых им фактов, что, в том числе и обеспечивает высокий уровень доверия россиян к президенту В.В. Путину.

Среди других дискурсивных слов с функцией оценки достоверности факта или логического вывода выделяем *разумеется, безусловно, действительно, наверное*.

Дискурсивы с противоположной модальной окраской, т.е. выражающие сомнение и неуверенность *может, может быть, возможно*, также как и дискурсивы *наверное, мне кажется*, выражающие неполную уверенность, встречаются в посланиях В.В. Путина в единичных случаях. Представляется, что такое редкое употребление данных ВКЕ неслучайно – в речи президента в официальных посланиях не место сомнениям.

Довольно часто в речи президента В.В. Путина встречается ВКЕ *к сожалению* (17 случаев употребления). Частое употребление этой единицы на этапе становления российского общества совершенно естественно, ведь у президента страны немало поводов для выражения своего сожаления: *С введением единого социального налога налоговая нагрузка на малый бизнес, к сожалению, только возросла; У нас есть привычка самое сложное откладывать на потом, к сожалению*. Политик, честно признающий свои недостатки, недоработки, неудачи, неизбежно вызывает уважение избирателей. Помимо чувства сожаления, нередко в речи президента В.В. Путина выражается и чувство надежды – в ВКЕ *очень надеюсь* (5).

Среди субъективно-модальных ВКЕ отдельную группу составляют единицы, формально выражающие мнение говорящего. В посланиях президента В.В. Путина намного чаще других употребляется дискурсив *считаю* (33 употребления, что составляет 13% от всех субъективно-модальных ВКЕ). *Думаю* и *полагаю* употребляются в два раза реже, но тоже довольно часто (15 и 17 употреблений соответственно).

Интересно, что О.Н. Паршина, описывая риторический портрет В.В. Путина, отмечает,

что глагольная форма *думаю* выражает снижение категоричности, тогда как *считаю* – усиление категоричности⁶. Жанр послания Федеральному собранию предусматривает известную долю категоричности, строгости, официальности. Кроме того, дискурсив *считаю* исключает всякие сомнения, а *думаю* сомнения подразумевает. Поэтому преобладание *считаю* над другими дискурсивами со схожим значением представляется вполне закономерным. Важно упомянуть и то, что дискурсивы, включающие местоимение *я* – *я думаю, я считаю, я полагаю*, отмечены в посланиях В.В. Путина лишь в единичных употреблениях. Дискурсивы с эллипсисом *я* звучат более решительно, категорично и формально, чего и требует данный речевой жанр. (В этом смысле данный вывод противоречит выводу О.Н. Паршиной о том, что «эллипсис местоимения *я* является одним из средств снижения категоричности высказывания»⁷.) Кроме того, частое использование этих ВКЕ отражает и общие тенденции современной российской политики – стремление к созданию сильного государства во главе с сильным лидером с четкой политической позицией, не терпящей возражений, но без осуждаемого российским менталитетом «какания».

Данные ВКЕ в какой-то степени подчеркивают принадлежность высказываемого содержания говорящему. Однако налицо явная избыточность дискурсива, употребляемого в этом значении, – и так понятно, что все, что говорящий произносит (если это специально не оговаривается), является *его* мыслями. Неслучайно существует множество аналогов (*я*) *думаю*, которые, в отличие от этой ВКЕ, как раз подчеркивают убежденность говорящего в том, что он говорит, его уверенность в своих словах. В нашем материале среди таких ВКЕ отмечены следующие: *уверен, убежден, я в этом убежден, абсолютно в этом убежден*. Из них только дискурсив *убежден* отмечен высокой частотностью употребления (19 примеров). Представляется, что *убежден* отличается от *уверен* определенной долей объективности в отношении говорящего к сообщаемому, неким разумным началом, а в дискурсиве *уверен* преобладает субъективное начало. Естественно, что в посланиях президент В.В. Путин выражает мнения и суждения, основанные исключительно на объективных фактах и логических выводах из них.

Что касается единиц, которые действительно (неформально) выражают мнение говорящего, то из них в нашем материале в посланиях В.В. Путина встретились только *на мой взгляд* и *по-моему*; и используются они довольно редко. Всего в составе группы субъективно-модальных ВКЕ в обращениях В.В. Путина зарегистрировано 36 единиц.

В речи Б.Н. Ельцина субъективно-модальные ВКЕ отмечены в единичном употреблении. Среди них *может быть, конечно, к сожалению, разумеется*.

Так же редки данные ВКЕ и в текстах посланий Дж.Буша; они составляют здесь лишь 7%

и представлены во всех посланиях всего 10 единицами, пять из которых – *I hope*, три – *I believe*, остальные встретились по одному разу – *fortunately*, *I am pleased*. В речи президента Б. Клинтона этих ВКЕ значительно больше – 89 употреблений, что составляет 18%, и употребляются они в четыре раза чаще, чем в речи Дж.Буша. Самыми популярными единицами Б. Клинтона являются ВКЕ, формально выражающие мнение и чувства говорящего: *I think* (27 употреблений), *I believe* (23 употребления), *I hope* (22 употребления). Зарегистрировано семь употреблений коммуникатива *of course*. В единичных случаях встречаются *I'd like to believe*, *I honestly believe*, *I am pleased*, *I'm confident*, *no wonder*.

Список субъективно-модальных единиц Б. Клинтона длиннее аналогичного списка Дж.Буша в три раза; он включает 12 единиц. А список ВКЕ этой группы В.В. Путина содержит 36 единиц, что в три раза больше, чем у Б. Клинтона, и в девять раз больше, чем у Дж.Буша. Частота использования ВКЕ с субъективно-модальным значением в речи В.В. Путина довольно высока, по сравнению с этим показателем у американских президентов: в три раза выше, чем у Б. Клинтона, и в двенадцать раз выше, чем в речи Дж.Буша.

Такое частое по сравнению с речью американских президентов использование субъективно-модальных ВКЕ в посланиях В.В. Путина, причем преимущественно со значением уверенности, объясняется, во-первых, особенностями его характера – напористого, стремительного, порой резкого и жесткого; во-вторых, необходимостью для самого президента заявить о себе как о политике нового типа с новым типом мышления и управления и необходимостью для всей России утвердиться на мировой арене.

В посланиях американские президенты неизменно подчеркивают, что положение их страны является как никогда сильным и заслуги американского государства в мировой политике и экономике велики. Видимо, поэтому президенты и их спичрайтеры считают частое указание на их уверенность и убежденность в том, о чем они говорят (по крайней мере, в форме ВКЕ), излишним. И действительно, факт более чем двухсотлетнего существования жанра послания в США сам по себе убеждает в неизбежности и верности политики американских президентов.

Субъективно-модальные ВКЕ вообще свойственны английскому языку в меньшей мере, чем русскому. Исследование перевода послания В.В. Путина 2007 г. на английский язык, опубликованного на английской версии кремлевского интернет-сайта, показывает, что из семи русских дискурсивов *конечно* только два были переведены на английский язык с помощью *of course*. Остальные пять *конечно* были просто опущены. Всего неперевоенных ВКЕ разных групп оказалось 28%, т.е. около одной трети. Видимо, переводчик счел эти русские ВКЕ нетипичными для английского

варианта данного жанра. Подобная «непереводимость» характерна и для **ВКЕ с акцентно-выделительным значением**.

Следует заметить, что функция акцентирования свойственна практически всем дискурсивам. «Они акцентируют внимание, будучи интродукцией к последующей фактуальной информации»⁸. Однако во многих дискурсивах акцентно-выделительная функция выступает на первый план. В посланиях В.В. Путина среди акцентно-выделительных чаще других используются ВКЕ, включающие глагол *подчеркнуть*: *подчеркну*, *особо подчеркну*, *подчеркну также*, *еще раз подчеркну*, *хотел бы/хочу подчеркнуть* (всего 47 употреблений). Например:

Процесс объединения субъектов Федерации – дело сложное, но иначе в отдельных случаях – хочу это подчеркнуть: не всегда и не везде, а в отдельных случаях – мы не сможем сконцентрировать ресурсы государства для управления огромной и уникальной по своему составу территорией.

Реже употребляются ВКЕ с глаголами *напомнить* и *отметить*: *напомню (также)*, *напоминаю*, *хотел бы/хочу (еще раз) напомнить*, *должен также напомнить* (20); *хотел бы/хочу (также/вновь) отметить*, *еще раз отмечу*, *отмечу*, *следует также отметить* (21). От 10 до 12 употреблений приходится на ВКЕ с глаголами и глагольными сочетаниями *повторить*, *сказать*, *обратить внимание*. В единичных случаях отмечены акцентно-выделительные ВКЕ с глаголами и глагольными сочетаниями *заявить*, *добавить*, *утверждать*, *поговорить*, *высказать мнение*, *возвратиться к теме/проблеме*, *остановиться*. Таким образом, отличительная особенность ВКЕ этой группы – широкое использование различных глаголов речи и сочетаний с этими глаголами.

Группа ВКЕ акцентно-выделительного характера во всех изученных текстах посланий В.В. Путина включает 53 единицы. Доля этих единиц среди всех других ВКЕ в речи В.В. Путина равна 15%. В посланиях Б.Н. Ельцина эта группа немногочисленна и составляет менее 5% от всех ВКЕ.

Группа ВКЕ с акцентно-выделительным значением в посланиях Б. Клинтона, как и в случае с двумя первыми разновидностями, выглядит гораздо более репрезентативной, чем в посланиях Дж.Буша. У Дж.Буша таких единиц всего две, одна из них выражена коммуникативом *yes*, другая – *I say*. В речи Б. Клинтона доля акцентно-выделительных ВКЕ составляет 14%, они употребляются в 68 случаях, и их список состоит из 26 единиц. Среди наиболее частотных отмечены дискурсивы *I say* (10), *again* (9), *let me say this again/further/now* (9), *let me begin by saying* (6). Реже используются дискурсивы *I'd (also) like to say (again)*, *I say to (all of) you*, *again I will say*, *let me be clear*, *let me repeat*, *especially I want to emphasize*.

Например:

And again I will say we must do this together.

В речи российского президента В.В. Путина группа акцентно-выделительных ВКЕ отличается как в два раза более частым употреблением, так и в два раза более длинным списком единиц, чем у Б. Клинтона. Различно у этих двух президентов и соотношение глаголов речи, используемых в этих ВКЕ, в плане частоты их использования. Так, самый популярный глагол среди данных ВКЕ в речи Б. Клинтона *to say* – *сказать* по частоте использования в речи В.В. Путина стоит только на пятом месте. А самый популярный глагол В.В. Путина и Б.Н. Ельцина *подчеркнуть* – *to emphasize* Б. Клинтонем употребляется только один раз. Доля ВКЕ с глаголом *to say* в речи Б. Клинтона составляет 60%, остальные глаголы и глагольные выражения единичны в своем использовании: *to repeat*, *to be clear*, *to make a point*, *to tell*. В речи В.В. Путина единицы с глаголом *подчеркнуть* употребляются в 30% случаев, а многие единицы с другими глаголами и глагольными выражениями используются достаточно часто (до 21 употребления). Следовательно, как и в случае с вышеописанными разновидностями ВКЕ, акцентно-выделительные единицы в речи российских политиков более репрезентативны, более частотны и более разнообразны.

В следующую группу ВКЕ включены **рефлексирующего порядка** – говорящий анализирует, комментирует, оценивает свое выступление, фокусируя тем самым внимание слушающего на определенных словах. С помощью рефлексивов автор осуществляет самоинтерпретацию и самоконтроль за собственной речевой деятельностью, характеризует выбранные им номинации с точки зрения их правильности, уместности, целесообразности использования, помогает адресату ориентироваться в речевом потоке, акцентирует внимание адресата на каком-либо отрезке сообщения⁹.

Среди рефлексивов можно выделить несколько групп. Во-первых, это дискурсивы, отсылающие адресата к каким-то уже имеющимся знаниям, мнениям, к своему или общему прошлому коммуникативному опыту. В посланиях В.В. Путина это *как я сказал*, *я уже говорил (несколько раз)*, *я уже несколько лет говорю*, *как все мы знаем*, *по оценкам*, *известно*, *как мы сейчас часто говорим*, *говорят*, *по мнению экспертов*.

Во-вторых, рефлексивы являются сигналами толкования, объяснения говорящим своих слов: *я говорю о...*, *я имею в виду...*, *на прямом и понятном языке это означает следующее*, *я поясню, что я имею в виду*, *фактически*, *то есть*. Последние две ВКЕ в посланиях В.В. Путина встречаются чаще других, использование которых в исследованных посланиях единично.

Третья группа ВКЕ-рефлексивов содержит оценку говорящим своих слов. Эти ВКЕ, как и многие единицы других групп, единичны в сво-

ем употреблении, однако их список достаточно длинный: *я бы сказал*, *я бы даже больше сказал*, *иначе говоря*, *другими словами*, *говорю очень аккуратно*, *якобы*, *по-хорошему*, *если быть точным*, *по-другому* и не скажешь, *что называется*, *здесь нечего стесняться* и др.

К четвертой группе рефлексивов относим ВКЕ, подчеркивающие честность и открытость говорящего: *надо (следует) признать*, *надо сказать об этом прямо*, *давайте скажем об этом честно и прямо*, *должен сказать прямо*, *что греха таить*, *а если по-честному сказать*, *нужно посмотреть правде в глаза* и *признать*. Их список достаточно велик, повторное употребление этих ВКЕ в посланиях В.В. Путина отмечено лишь в единичных случаях.

Таким образом, употребление рефлексивов – это неотъемлемая черта речи президента В.В. Путина: он постоянно комментирует свои суждения, объясняет свою позицию, рассуждает вслух, тем самым расставляя необходимые акценты и снимая возможное непонимание со стороны слушателя. Большинство рефлексивов – это неклишированные фразы, они не переходят из текста в текст. Частое использование рефлексивов подтверждает репутацию президента как серьезного, взвешенного политика и человека думающего, рассуждающего и заботящегося о том, чтобы его речь была адекватно воспринята аудиторией¹⁰.

Общее количество рефлексивов в текстах всех посланий составляет 65 единиц. Интересно то, что лишь шесть из них повторяются. Эта группа ВКЕ, пожалуй, самая разнообразная. Максимальная частота употребления рефлексивов зафиксирована в текстах посланий 2000 и 2007 гг. В 2000 же году отмечена и максимальная доля ВКЕ-рефлексивов среди других ВКЕ – 20%. В остальные годы данный показатель колеблется в интервале от 3% (в 2002 г.) до 12% (в 2007 г.).

В тексте посланий Б.Н. Ельцина встретились следующие рефлексивы: *нужно открыто признать*, *надо четко сказать*, *без преувеличения могу сказать*, *как говорится*, *другими словами*. На долю подобных единиц приходится в среднем 11%, что примерно схоже с подобным показателем в речи президента В.В. Путина.

Группа ВКЕ-рефлексивов в речи американских президентов является самой малочисленной по количеству употреблений и самой редкой по частоте использования среди других разновидностей изучаемых единиц. Рассуждения, ссылки на предыдущий коммуникативный опыт, акцентированная искренность говорящего, оценка собственной речи, представленные в форме ВКЕ, в целом нетипичны для американского жанра президентского послания. В речи Дж.Буша такая единица всего одна – *let's put it this way*. В посланиях Б. Клинтона их больше – 14 употреблений, а их список составляет 11 единиц. Чаще других встречается рефлексив, отсылающий к собственному предыдущему коммуникативному опыту

as I said before/along (5). В единичных случаях зафиксированы рефлексив, предваряющий толкование слов оратора *I mean*, рефлексив-ссылка *as I have said repeatedly/for three years*, рефлексивы, демонстрирующие честность говорящего *let's be honest, I can honestly say*. Среди всех других ВКЕ-рефлексивов рефлексивы-ссылки в посланиях Б. Клинтона преобладают.

В речи В.В. Путина рефлексивов-ссылок тоже больше, чем других разновидностей рефлексивов, но незначительно (30 употреблений). Рефлексивы, содержащие оценку речи, и рефлексивы, выражающие честность говорящего, достаточно частотны также (23 и 31 употребление). Всего список рефлексивов в посланиях В.В. Путина содержит 65 единиц, т.е. более чем в четыре раза превышает список аналогичных ВКЕ у Б. Клинтона. Таким образом, судя по особенностям употребления ВКЕ-рефлексивов российских и американских президентов, можно сделать вывод о том, что российским политикам рефлексия в целом свойственна в большей степени, чем американским. Размышления в процессе речи, рассуждения, ссылки на авторитеты, искренность и самооценка свойственны русскому национальному характеру¹¹.

Особую группу единиц составляют ВКЕ, содержащие в той или иной форме **непосредственное обращение к адресату**. Это стимулирующие реплики, имплицитно поддерживающие внимание слушающего на должном уровне, вовлекающие его (пусть и мысленно) в ход рассуждений говорящего. Такие дискурсивы имеют большое значение для общения в кооперативном ключе. Они содержат либо местоимение и глагол 2-го лица (*вы знаете, как вы знаете, как видите*), либо глагол в повелительном наклонении (*давайте вспомним, заметьте, согласитесь, судите сами, посмотрите*). Можно сказать, что большинство этих единиц отражают Вы-тему и вносят определенный вклад в создание гармоничного, кооперативного общения. Эта группа ВКЕ в посланиях В.В. Путина представлена в целом единичными примерами, за исключением дискурсива *вы знаете* (10 употреблений).

Всего ВКЕ, составляющих эту группу, в посланиях президента В.В. Путина отмечено около 10 единиц. В процентном соотношении непосредственных адресаций, выраженных ВКЕ, зарегистрировано около 8%, т.е. данная группа ВКЕ в посланиях В.В. Путина наименее частотна. В текстах посланий Б.Н. Ельцина подобных ВКЕ не зафиксировано.

В речи Дж. Буша ВКЕ-непосредственные адресации представлены исключительно собственными обращениями – к членам Конгресса США, к гражданам США и к отдельным американцам, присутствующим в зале. Доля ВКЕ этой группы в посланиях Дж. Буша составляет 13% (20 употреблений). В посланиях Б. Клинтона обращения встречаются с той же частотой, что и у Дж. Буша,

причем среди них половину составляют обращения к гражданам Америки – *My fellow Americans*. Вторыми по частоте использования являются обращения к отдельным американцам: *With us tonight is Dr. Kristen Zarfos, a Connecticut surgeon whose outrage at this practice spurred a national movement and inspired this legislation. I'd like her to stand so we can thank her for her efforts. Dr. Zarfos, thank you.*

У Дж.Буша обращения к гражданам США составляют четвертую часть, так же как и обращения к отдельным гражданам, а преобладают обращения к собравшимся в зале – *Members of Congress, Ladies and gentlemen.*

В посланиях В.В. Путина обращение к гражданам России (исключая приветственное обращение) прозвучало лишь один раз за все годы, все остальные обращения относятся к присутствующим в зале – *Уважаемые коллеги (25 употреблений), Уважаемые депутаты, члены Федерального Собрания, Уважаемое Собрание, Уважаемые друзья*. Таким образом, обращения к отдельным гражданам нетипичны для посланий российских президентов, в данном жанре не упоминаются заслуги отдельных россиян и их, видимо, не приглашают в зал.

Помимо собственно обращений, в речи Б. Клинтона используются и другие ВКЕ-адресации – предложения с глаголом в повелительном наклонении и дискурсивы, содержащие местоимение 2-го лица *you*. Половину всех зарегистрированных единиц с таким значением составляет ВКЕ *you know*. Например: *And I would like to say a special word to our religious leaders. You know, I'm proud of the fact that the United States has more house of worship per capita than any country in the world.*

Интересно, что в посланиях Дж.Буша данная единица не зарегистрирована. Однако в другом жанре – в интервью *you know* в речи Дж.Буша отмечена как наиболее частотная ВКЕ. Значение ее в спонтанной речи близко к хезитативному, поисковому. *You know* в интервью американского президента – типичный заполнитель пауз.

Вторую половину ВКЕ, адресованных слушающим, составляют коммуникативы *thank you, as (all of) you know* и односоставные предложения с глаголом в повелительном наклонении – *listen to this, remember, believe me, let us remember.*

В количественном плане употребление ВКЕ-адресаций в посланиях российских и американских президентов практически одинаково. Однако их доля в процентном соотношении выше у американцев за счет более низкого процента содержания ВКЕ других групп (рефлексивов и акцентно-выделительных).

В целом можно отметить, что жанр послания в его современном («путинском») виде и его структура во многом заимствованы российской политической культурой на Западе. Употребление ВКЕ в этом жанре российскими и американскими

президентами имеет ряд схожих особенностей, что, однако, объясняется не столько особенностями самого жанра, сколько особенностями типа речи, используемого в этом жанре, и спецификой построения текста. Речь каждого президента имеет свои индивидуальные особенности в плане употребления ВКЕ. Использование ВКЕ В.В. Путиным по многим показателям сходно со спецификой этих единиц в речи Б. Клинтона – по репрезентативности всех групп ВКЕ, по их процентному соотношению, по частоте употребления ВКЕ. Речь Б.Н. Ельцина в плане использования ВКЕ по тем же критериям имеет больше точек соприкосновения с ВКЕ в посланиях Дж. Буша. Некоторые из аналогичных для русского и английского языка ВКЕ обладают особой частотностью как в речи российских, так и в речи американских президентов, т.е. в общих чертах специфика употребления ВКЕ в русском и американском политическом дискурсе является общей.

Однако наряду с общими моментами существуют и расхождения. В целом практически все группы ВКЕ в речи российских президентов намного более частотны, репрезентативны и разнообразны. Среди более конкретных различий можно отметить, что для русского политического дискурса характерны рассуждения, самооценка, разнообразное выражение субъективно-модальных ощущений, множественные акценты в речи. Для американского – выражение исключительно позитивных чувств и эмоций, выделение отдельных граждан среди присутствующих и обращения к ним, точное следование ритуалу и т.д. Кроме того, в речи российских политиков, в отличие от американских, наблюдаются диахронические изменения – систематический рост частоты употребления ВКЕ и изменение в процентном соотношении некоторых разновидностей ВКЕ.

УДК 811.112.2'37

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ СЕМАНТИКИ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

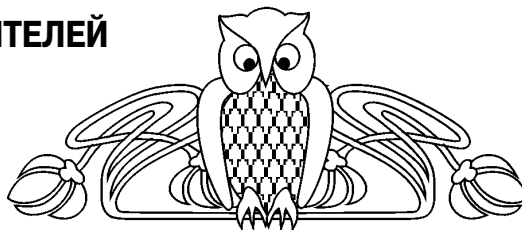
Т.И. Борисова

Саратовский государственный университет,
кафедра немецкой филологии
E-mail: salbei@san.ru

В статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на развитие и функционирование фразеологизмов с национально-культурным компонентом семантики. На основе анкетирования носителей современного немецкого языка выявлены причины выхода ряда фразеологизмов этой группы из активного словарного состава, охарак-

Примечания

- 1 См.: Сиротинина О.Б. Авторитет власти и речь // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2004. Вып. 4. С. 22–25.
- 2 Сиротинина О.Б. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // Oameni si idei: Studii de filologie| editori Dorel Man, Diana Tetean. Cluj-Napoca, 2005. С. 342.
- 3 Сиротинина О.Б. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. Уфа, 2008. Вып. 24. С. 476–480.
- 4 См.: Викторова Е.Ю. Наиболее типичные единицы вспомогательной коммуникации в речи политиков США (на материале интервью) // Прагмалингвистическое моделирование: обучение иноязычному общению: Материалы Межрегион. науч. конф. Саратов, 2006. С. 54–61.
- 5 Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998. С. 345.
- 6 См.: Паришина О.Н. Риторический портрет В.В. Путина // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2005. Вып. 5. С. 25–35.
- 7 См.: Паришина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М., 2007. С. 151.
- 8 Андреева С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, 2005. С. 86.
- 9 См.: Кормилицына М.А. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 20–25.
- 10 См.: Паришина О.Н. Риторический портрет В.В. Путина // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2005. Вып. 5. С. 25–35.
- 11 См.: Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

теризованы актуальные для современного состояния немецкого языка фразеологические замены (варианты и синонимы) и модификации, позволяющие адаптировать фразеологизмы к современным экстралингвистическим условиям без утраты собственно фразеологического значения, установлены некоторые региональные и социально-психологические особен-

ности употребления этих языковых единиц в речи носителей немецкого языка.

Ключевые слова: немецкий язык, фразеология, семантика, лексика, национальная культура, речь.

Phraseological Units with National Cultural Semantics in Modern German

T.I. Borisova

The article deals with linguistic and extra-linguistic factors influencing the development and functioning of phrase units with national-cultural component in their semantics. The questionnaire offered to native German speakers revealed the reasons for dropping out of certain units of this group from the current active usage. The substitutes (variants and synonyms) and modifications most widely used in current German are next characterized as the best means of adapting phrase units to the current extra-linguistic situation without loss in meaning. The regional, social and psychological peculiarities in these phrase units usage in modern German are determined.

Key words: german language, phraseology, semantics, lexical units, national culture, speech.

Изучение тенденций развития современного немецкого языка касается всех языковых уровней, однако самым быстро реагирующим на экстралингвистические факторы всегда был словарный состав. Наряду с узконаправленными исследованиями новейших процессов в неологизации лексического состава немецкого языка существуют фундаментальные работы Е.В. Розен¹, ставшие основой для многих интересных направлений в изучении лексического состава немецкого языка в целом и немецкой фразеологии в частности.

Фразеологические единицы современного немецкого языка активно обновляются и, как отмечает П. Браун², в первую очередь, за счет активизации процессов контекстно обусловленной авторской модификации фразеологизмов в текстах функционального стиля прессы и публицистики, а также в результате вытеснения и изменения традиционных форм фразеологизмов, исчезновения диалектов и замены старых семейных, общинных традиций под влиянием средств массовой информации на более современные. Значительную по объему группу фразеологизмов, включившихся в названные процессы, образуют фразеологизмы с национально-культурными элементами семантики, т.е. фразеологические единицы, образная основа которых опирается на какую-либо культурно-историческую информацию. Так, во фразеологизме *ein alter Zopf* «устаревшие взгляды, пережиток прошлого» (букв. *старая коса*)³ отражена история отмены в прусской армии обязательной мужской прически с косичкой сзади, парик с косичкой на долгие годы остался символом косности и реакционности. Как и все элементы словарного состава немецкого языка, фразеологизмы данной группы не только обновляются на основе разнообразных лексико-грамматических модификаций⁴, но и включаются в процесс устаревания, архаизации⁵. Выход ряда фразеологизмов с

национально-культурными элементами семантики из области активного словарного состава связан с утратой для носителей немецкого языка актуальности их лексического наполнения, грамматической оформленности, а иногда и значения всей фразеологической единицы⁶. Не всякий говорящий на немецком языке знает обычаи и события, лежащие в основе возникновения, например, фразеологизмов *ins alte Register kommen* (разг. шутл.) «попасть в старики» (отражает старый обычай заносить в определенный список (*das Register*) имена нуждающихся в поддержке старых людей), *von echtem Schrot und Korn* «настоящий, подлинный, истинный», *die Würmer (einzeln) aus der Nase ziehen* «вытягивать из к-л. ответ (признание), выпытывать всю подноготную у к-л. (путем осторожных и умело поставленных вопросов)».

Актуальность единиц фразеологического фонда для немецкого языка постоянно и успешно исследуется на материале как современной немецкой художественной литературы различных жанров, так и немецкой прессы⁷. Что же касается фразеологизмов с культурно-историческими элементами семантики, то лишь фиксация их в сохраненном или модифицированном виде в письменных источниках либо установление факта отсутствия их в активном письменном употреблении не может дать полной картины функционирования фразеологических единиц данной группы в современном немецком языке.

Перспективным для создания по возможности полной картины состояния корпуса фразеологизмов с культурно-историческими элементами семантики представляется сочетание анализа письменных источников и информации, полученной непосредственно от носителей немецкого языка.

Для выявления актуальности фразеологизмов исследуемой группы в современном словоупотреблении было проведено письменное и устное анкетирование носителей современного немецкого языка на основе группы фразеологизмов, состоящей, в основном, из единиц, относимых Н.И. Чернышевой⁸ к фразеологическим единствам и фразеологическим сочетаниям, например, *keinen Schuß Pulver wert sein* «гроша ломаного не стоить», *jmdm. den Garaus machen* (разг., устар.) «прикончить, доконать кого-л., покончить, разделаться с кем-л.», *sich die Schuhsohlen ablaufen* разг. «сбиться с ног в поисках чего-л.» и т.д. В анкету были включены также фразеологизмы в форме предложения, не являющиеся пословицами и поговорками, но сконцентрировавшие значительную культурно-историческую информацию, такие, как *herein, wenn's kein Schneider ist!* (шутл.) «входите, не стесняйтесь! (в ответ на стук в дверь)» и *umgekehrt wird ein Schuh draus* (разг., шутл.) «как раз наоборот». Оба фразеологизма отражают функционирование профессиональных объединений портных и технологию производства обуви. Другой фразеологизм *so schnell schießen die Preußen nicht* (разг.) «так скоро это не делается» зафиксирован в немецком

языке после того, как в прусской армии ввели новый вид оружия, стрелявшего быстрее, чем ранее используемое. В анкетирование были задействованы фразеологизмы, отражающие факты истории и явления различных сторон жизни Германии, например: контакты с другими народами, в частности, со славянами *jmdm./ für jmdn. böhmische/ spanische Dörfer/ ein böhmisches Dorf sein* (разг.) «тарабарщина», история этого фразеологизма связана с непониманием немцами языка жителей богемских деревень; старые правила ведения войны *jmdm. eine goldene Brücke/ goldene Brücken bauen*; средневековые рыцарские турниры *jmdn. aus dem Sattel heben* «выбить кого-л. из седла»; эпизоды из жизни императоров *ein Gang nach Canossa* «путь в Каноссу, путь унижения», история фразеологизма рассказывает о том, как отлученный от церкви германский император Генрих IV пошел пешком в итальянский замок Каносса, чтобы испросить у папы Григория VII прощения; история профессиональной деятельности *sich etw. längst an den Schuhen/ Schuhsohlen/ Sohlen abgelaufen haben* «сбиться с ног в поисках чего-л.» (ремесленники должны были в годы учения несколько лет странствовать, чтобы получить практический опыт на различных рабочих местах). Анкета содержит, однако, не собственно фразеологизмы, а толкования значений этих фразеологизмов на немецком языке. Респондентам было предложено заменить описания значений на известные им фразеологизмы с этими значениями, при этом ожидалось, в первую очередь, воспроизведение изучаемой группы фразеологизмов. Например, фразеологизм *sich einen/ den Kuppelpelz verdienen* (разг. презр.) «сосватать парочку», буквальное значение «заработать себе шубу» (о свахе) (выражение восходит к старому обычаю дарить свахе после свадьбы шубу или мех на воротник), респондент должен был восстановить по значению *eine Heirat vermitteln* «сосватать».

Анализ ответов респондентов выявил следующие группы замен: ожидаемые фразеологизмы, относящиеся к изучаемой группе; фразеологические синонимы ожидаемых фразеологизмов; синонимичные им слова и словосочетания нефразеологического типа. В качестве примеров рассмотрим два из включенных в анкету фразеологизмов: *das sagt mir mein kleiner Finger* (разг., шутил.) «святым духом проведал (знаю, хотя мне никто ничего об этом не говорил)» и *jmdn. aufs Altenteil setzen* «уволить кого-л. на пенсию (за ненадобностью)». Первый из приведенных фразеологизмов основывается на народном поверье о том, что пальцы руки «говорили» с человеком, общались ему, что они чувствуют и знают. История второго фразеологизма связана с так называемым «выделом старику (старухе) (*das Altenteil*), что относилось к области права старого крестьянина после передачи двора наследнику, права старика по договору о передаче». Приведенные фразеологизмы не были воспроизведены респондентами,

вместо них были предложены фразеологические синонимы, словосочетания нефразеологического типа и отдельные слова. Для фразеологизма *das sagt mir mein kleiner Finger* – это фразеологизмы *in der Luft liegen* «надвигаться, назревать», *jmdm. im Urin liegen* (вульг.) «предчувствовать что-л.», *im Gefühl /im Urin* (вульг.) *haben* «предчувствовать что-л.» и устойчивые словосочетания *ein sicheres Gefühl* «верное чувство», *sicheres Gespür* «верное чутье», *eine Vorahnung haben* «иметь какое-л. предчувствие» (не отмечаемые, однако, словарями как фразеологические единицы). Для фразеологизма *jmdn. aufs Altenteil setzen* в качестве синонимичных замен названы фразеологизмы *links liegen lassen* (разг.) «относиться пренебрежительно (или невнимательно) к кому-л.», *sich auf einem absteigenden Ast befinden* «идти под гору, идти на убыль», *über seinen Kopf hinweg entscheiden* (разг.) «(решать) вместо кого-л. (букв. через чью-л. голову)», *aus Amt und Würden verdrängen* «оттеснить кого-л. с хороших позиций», *an die Wand drängen* (разг.) «оттеснить (на задний план), перещеголять кого-л.», словосочетание *jmdn. abseits bringen* «оттеснить кого-л.» и слова *jmdn. schneiden* «умышленно не замечать, игнорировать», *jmdn. ausbooten* «выставлять, выдвораживать, отстранять», *jmdn. hinaussekeln* (разг.) «выживать кого-л.», *jmdn. kaltstellen* «лишить влияния, отстранить от дел». Уже на примере рассмотренных фразеологизмов видно, что ни одна из фразеологических замен не является единицей с национально-культурным элементом семантики (словари не содержат в отношении этих фразеологизмов каких-либо культурно-исторических справок), т.е. носители современного немецкого языка выказывают явное предпочтение фразеологическим единицам с прозрачным образом. Данная тенденция просматривается в целом во всем корпусе предложенных респондентами фразеологических синонимов.

Из включенных в анкету фразеологизмов с национально-культурными элементами семантики (50 единиц) респондентами было названо в словарной форме и с различной степенью частотности шестнадцать единиц. Под словарной формой подразумевается форма фразеологизма, воспроизведенная в одном из его узуальных вариантов и с учетом факультативного компонента. В качестве наиболее активных в языке респондентов проявили себя фразеологизмы *jmdn. im Stich lassen* «бросить кого-л. (на произвол судьбы)» (24,3%) и *etw. im Schilde führen* «замышлять что-л. против кого-л.» (18,3%), почти забытыми (3%) оказались фразеологизмы *jmdm. (die Schuld an) etwas in die Schuhe schieben* «валить вину за что-л. на кого-л.», *jmdm. eine goldene Brücke/ goldene Brücken bauen* «облегчить кому-л. (противной стороне) путь к отступлению; помочь сохранить лицо кому-л.», *von Tisch und Bett getrennt sein* «жить в разводе», *unter den Pantoffel kommen* «очутиться у жены под колпаком», *herein, wenn' kein Schneider ist!* «входите, не стесняйтесь!», *in/ Hülle und Fülle*

«в избытке, очень много», jmdm./ für jmdn. böhmische/spanische Dörfer/ ein böhmisches Dorf sein «тарабарщина», im trüben fischen «ловить рыбу в мутной воде», umgekehrt wird ein Schuh draus «как раз наоборот», vom Hundertsten ins Tausendste kommen «растекаться мыслью (в сторону от чего-л., отклоняться (от темы))».

Обнаруженные в результате воспроизведения ожидаемых фразеологизмов их лексические варианты, а также компоненты, которые можно рассматривать как факультативные, не зафиксированы в словарях. Их использование для замещения словарной формы основано на невысокой степени идиоматичности фразеологизмов, позволяющей респондентам вносить более актуальные для них компоненты вместо тех, что связаны с компонентами, обозначающими ушедшие в прошлое явления. В частности, были зафиксированы лексические варианты с заменой следующих лексических компонентов: die Tafel на die Mahlzeit во фразеологизме die Tafel aufheben (высок.) «первым вставить из-за стола», heben на stoßen во фразеологизме aus dem Sattel heben «вышибить (или выбить) кого-л. из седла», nicht gut на schlecht и неполный синоним schwer во фразеологизме mit jmdm. ist nicht gut Kirschen essen (разг.) «с кем-л. лучше дела не иметь, не связываться», umgekehrt на andersrum во фразеологизме umgekehrt ist ein Schuh draus (разг., шутил.) «как раз наоборот». Замены die Tafel на die Mahlzeit, heben на stoßen имеют определенную экстралингвистическую мотивацию, носители языка подбирают более понятный и актуальный, мотивированный современными им экстралингвистическими факторами синонимичный лексический компонент фразеологизма. Так, слово Mahlzeit «еда, трапеза» как компонент фразеологического варианта die Mahlzeit aufheben обладает полной семантической сочетаемостью с глаголом aufheben в одном из его современных значений «прекращать что-л.» и потому понятнее и скорее употребляемо в рамках данного фразеологизма, чем слово die Tafel «обеденный стол». История этого фразеологизма говорит о том, что в прежние времена стол устанавливался нередко только на время приема пищи, а по окончании не просто убирался, а полностью разбирался на составляющие его элементы. Использование глагола stoßen («столкнуть ударом, в данном случае всадника с седла») более мотивировано для современного носителя языка: нетрудно представить, как рыцарь выбивает копьём из седла соперника. А глагол heben «поднимать, снимать» воспроизводим для носителя языка, видимо, лишь в определенных экстралингвистических условиях.

Ряд анализируемых фразеологизмов были модифицированы респондентами в плане количественных изменений. Одним из типов модификаций стала редукция, идущая в направлении устранения непонятных и ненужных для употребления как факультативных, так и стабильных компонентов фразеологизмов. Например,

факультативные компоненты einzeln «отдельно» и die Schuld an «вина в чем-л.» редуцированы во фразеологизмах jmdm. die Würmer (einzeln) aus der Nase ziehen (разг., фам.) «выведывать, выживать из кого-л. что-л.» и jmdm. (die Schuld an) etw. in die Schuhe schieben (разг., фам.) «валить (или сваливать) вину за что-л. на кого-л.». Факультативный компонент einzeln совершенно немотивирован для носителя современного немецкого языка, так как связан лишь с историей этого фразеологизма, со старым представлением о лечении путем удаления из носа по одному (einzeln) червей (die Würmer) как источников болезней.

Немотивированные для носителя языка стабильные компоненты также редуцированы, фразеологическое значение устойчивого словосочетания при этом сохраняется. Так, фразеологизм jmdm. die Würmer (einzeln) aus der Nase ziehen теряет стабильный и малопонятный компонент die Würmer и заменяется практически свободным для любого конкретного дополнения местом в синтаксической структуре фразеологизма, которое носители немецкого языка заменяют, например, словом alles «все» jmdm. alles aus der Nase ziehen. Из фразеологизма jmdm. eine goldene Brücke/ goldene Brücken bauen, воспроизведенного в грамматическом варианте множественного числа goldene Brücken bauen, исключается немотивированный стабильный компонент golden «золотой», усиливающий экспрессивную окраску фразеологической единицы в целом, а сам фразеологизм принимает компактную форму Brücken bauen с тем же фразеологическим значением. Зафиксированы и модификации в сторону увеличения числа компонентов ожидаемых от респондентов фразеологизмов. Фразеологизм nach Adam Riese (разг.) «по Адаму Ризе, точно посчитано» (Адам Ризе – известный в XVI в. в Германии составитель учебников по арифметике) превращен респондентом в шутовую форму nach Adam Riese (und Eva Zwerg) букв. «по Адаму Великану (der Riese) и Еве Карлик (der Zwerg)», формирование данной модификации фразеологизма основано на игре слов, построенной на ассоциативно связанных именах Адама и Евы, и антонимах der Riese и der Zwerg. Кроме того, определенное влияние оказали такие факторы, как принцип ритмической организации словосочетания и использование слова der Zwerg в качестве фамилии. Другим случаем увеличения числа компонентов является рассмотренный выше фразеологизм umgekehrt wird ein Schuh draus – umgekehrt wird ein Paar Schuh draus.

Однако воспроизведение фразеологизмов с национально-культурными элементами семантики свидетельствует лишь о наличии данных единиц в пассивном словаре, поэтому в качестве следующего этапа исследования логичным представлялось изучение реального функционирования этих фразеологизмов в речевой практике носителей немецкого языка. Для этого была разработана анкета, включающая 25 фразеоло-

гизмов с национально-культурными элементами семантики. В их число вошли шестнадцать фразеологизмов, воспроизведенных в предыдущей анкете всеми респондентами, и фразеологизмы, предложенные респондентами в форме, наиболее близкой к словарной. Работа с респондентами проводилась в форме собеседования. Анкета включала вопросы, позволяющие с довольно высокой степенью достоверности выявить место данной группы фразеологизмов в речи носителей немецкого языка, а именно знание и употребление фразеологизма; возможные варианты употребления как собственно респондентом, так и его языковым окружением; причины отказа от употребления фразеологической единицы; возможные замены как словами и словосочетаниями, так и синонимичными фразеологизмами.

Поскольку анкета была основана на фразеологических единицах, уверенно названных носителями немецкого языка на предыдущем этапе исследования, ответы на вопрос: «Знаете ли Вы это выражение?» – не дали принципиально новой информации, т.е. все предложенные в анкете фразеологизмы знакомы респондентам. Так, всеми было подтверждено знание, например, таких фразеологизмов, как *jmdm./für jmdn. böhmische Dörfer/ein bömisches Dorf sein, so schnell schießen die Preußen nicht, etw. im Schilde führen, jmdn- im Stich lassen, in/die Hülle und Fülle, mit jmdm- ist nicht gut Kirschen essen, geschmückt wie ein Pfingstochse, nach Adam Riese, von Tisch und Bett getrennt sein/leben*. Некоторые из отмеченных как известные фразеологизмы имеют помету „знакомо из литературы“, например, *Fersengeld geben, ein alter Zopf, in/die Hülle und Fülle*, что свидетельствует о закреплении ряда фразеологизмов лишь в пассивном словаре и привязанности их к художественным текстам.

Ответы на вопрос о том, используют ли носители немецкого языка в своей речевой практике фразеологизмы изучаемой группы, показали, что знание фразеологической единицы лишь в пятидесяти процентах случаев сопровождается ее активным употреблением, например, фразеологизмы *jmdm. die Würmer (einzeln) aus der Nase ziehen, jmdm. (die Schuld an) etw. in die Schuhe schieben, nach Adam Riese, mit jmdm. ist nicht gut Kirschen essen, imdn. im Stich lassen*. Неожиданно широкая распространенность в речи некоторых фразеологизмов с семантикой, основывающейся на давно забытых исторических фактах, стала в ряде случаев возможной благодаря рекламе, использующей их в образных выражениях и возвращающей их в активный словарь. Именно реклама возродила фразеологизмы *mit jmdm. ist nicht gut Kirschen essen, etw. im Schilde führen, von echtem Schrott und Korn*. Фразеологизмы *etw. im Schilde führen* и *von echtem Schrott und Korn* использованы в телевизионной рекламе пива и шнапса. Фразеологизм *mit jmdm. ist nicht gut Kirschen essen* активизировался в памяти респондентов благо-

даря рекламе шоколадных конфет с вишневым наполнителем (*Pralinen mit einer Kirschenfüllung*), на что обращают внимание респонденты, как только возникает вопрос о том, знакомо ли им выражение. Причем отрицание *nicht* отсутствует, и благодаря такого рода модификации фразеологизм имеет форму *mit uns ist gut Kirschen essen*, а сам фразеологизм получает в контексте двойную актуализацию, означая и «с нами хорошо есть вишни» и «с нами можно иметь дело».

Речевая практика носителей современного немецкого языка находит отражение и в ответах на вопрос о том, почему тот или иной фразеологизм изучаемой группы не входит в их активный словарь. Причины, указываемые респондентами, имеют собственно лингвистический и социально-психологический характер: устаревание, архаизация фразеологических единиц; принадлежность к ограниченному сфере употребления функциональному стилю; отсутствие фразеологической единицы в словаре разговорной речи респондента и его окружения; особая эмоциональная окрашенность фразеологизма; предпочтение в употреблении вместо предложенной фразеологической единицы ее лексического варианта; отсутствие фразеологизма в словаре региона проживания респондента; отсутствие ситуации употребления; принадлежность респондента к социальному слою, в чей словарь не входит данный фразеологизм; неприятие фразеологизма в связи с принадлежностью его к словарю чуждого респонденту региона; слишком явно выраженная связь фразеологизма с историческим фактом. Рассмотрим подробнее факторы, препятствующие употреблению фразеологизмов анализируемой группы.

Среди лингвистических факторов отказа от употребления фразеологизмов изучаемой группы ведущее место занимает отнесение части из них к устаревшей, архаичной лексике. Значительная часть респондентов оценила как устаревшие (*alt, veraltet, antiquiert*), например, следующие фразеологизмы: *aus dem Sattel heben, Fersengeld geben, sich das Schulgeld zurückgeben lassen können/sollen*.

Отношение к определенному функциональному стилю, в частности к языку юриспруденции, имеют с точки зрения респондентов два фразеологизма: *im trüben fischen* и *von Tisch und Bett getrennt sein/leben*, что позволило респонденту обратить особое внимание на отсутствие ситуации для повседневного употребления фразеологизма *von Tisch und Bett getrennt sein* в связи с принадлежностью его к профессиональной речи юристов. Фразеологическая единица *eine goldene Brücke/ goldene Brücken jmdm. bauen* отмечается респондентами как не используемая в разговорном языке и имеющая происхождение из языка сказок, что лишает ее значение конкретности и не позволяет использовать в повседневной речи. В качестве одного из интралингвистических факторов называлась «необычность» фразеологической

единицы, а именно необычный лексический состав, например, фразеологизма von echtem Schrot und Korn. Причиной отказа от употребления словарной формы фразеологизма ein alter Zopf стало предпочтение ей лексического варианта ein alter Hut, более мотивированного для носителя современного немецкого языка.

Одним из важных факторов, определяющих отказ от употребления фразеологизмов, является их отсутствие в активном словаре региона проживания респондента. К неупотребляемым были отнесены фразеологизмы von echtem Schrot und Korn (использование этого фразеологизма в рекламе пива не способствовало, судя по ответам респондентов, проникновению этой фразеологической единицы в их речевую практику), geschmückt wie ein Pflingstochse, unter den Pantoffel kommen. Кроме того, фразеологизм geschmückt wie ein Pflingstochse получил уточнение причины неупотребительности «не бывает подходящей ситуации для употребления». Такую же помету получили фразеологизмы von Tisch und Bett getrennt sein.

Полушутливый ответ «Это не мой мир, это другой социальный слой, у меня есть только стол» относится к фразеологизму die Tafel aufheben. Слово die Tafel воспринимается носителями языка как «особый, дорогой (торжественный) стол», как предмет мебели и эпизод жизни другого социального слоя. Употреблению фразеологизма jmdm. Fersengeld geben препятствуют два фактора: выражение рассматривается респондентом, во-первых, как устаревшее, а во-вторых, как характерное для языка Северной Германии и поэтому, видимо, не допускается в словарь данного респондента («не употребляю этого выражения, потому что так говорят в Северной Германии»). Препятствием для употребления фразеологизма von echtem Schrot und Korn в речи женщины стало понимание ей этого выражения как компонента речи мужчины («Это слишком по-мужски»). Связь с историческим событием, относящимся к далекому прошлому как причина отказа от употребления, коснулась только фразеологизма ein Gang nach Kanossa.

Фразеологические единицы с национально-культурными элементами семантики, частично сохраняясь в памяти носителей современного немецкого языка, не остаются в основной своей массе неизменными словесными комплексами. Частично или полностью восстанавливаемая внутренняя форма позволяет адаптировать их к современным экстралингвистическим условиям без утраты собственно фразеологического значения. Изучение особенностей функционирования фразеологизмов с национально-культурными элементами семантики даст возможность выявить дальнейшее развитие фразеологической вариативности и синонимии, а также региональных и социально-психологических особенностей употребления этих языковых единиц в речи носителей немецкого языка.

Примечания

- ¹ См.: Розен Е.В. Лексика немецкого языка сегодня. М., 1976; Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М., 1991.
- ² См.: Braun P. Entwicklungstendenzen der Standardsprache // Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Von P. Polenz von. Bd. III. 19 und 20. Jahrhundert. Berlin, 1999. S. 381.
- ³ См.: Справочные источники: Duden–Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten // Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim, 1992 (Der Duden, Bd.11); Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.М. Молоткова. 2-е изд. М., 1968; Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. А.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. 2-е изд. М., 1975; Мальцева Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. М., 2002.
- ⁴ Braun P. Op. cit.
- ⁵ Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. 4 Bde. Hamburg, 1986. Bd. 2. S. 366–383.
- ⁶ Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin, 1998. S. 122–145.
- ⁷ Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1997.
- ⁸ Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970. С. 39–47.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1.09

«Я ХРАБРО СОЙДУ В ВЕЧНОСТЬ»¹

С.Ю. Павлова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматривается тема смерти в итоговой книге Франсуа-Рене де Шатобриана «Замогильные записки» в свете особенностей мировоззрения писателя, его религиозных взглядов, специфики автобиографического повествования в литературе французского романтизма.

Ключевые слова: французская литература, романтизм, Шатобриан, мемуары, автобиография, тема смерти.

«Bravely Shall I Go Down to Eternity»

S.Yu. Pavlova

The article deals with the theme of death in «Les mémoires d'outre-tombe» by F-R. de Chateaubriand in the light of his concept of life, religious beliefs and tradition of autobiographical narrative in French Romantic prose.

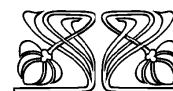
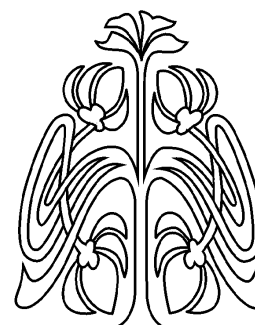
Key words: French literature, Romanticism, Chateaubriand, memoirs, autobiography, death theme.

В творчестве Франсуа-Рене де Шатобриана тема смерти является одной из центральных и присутствует во всех его произведениях, ставших для европейского романтизма каноническими. От ранних романтических повестей «Атала» (1801) и «Рене» (1802) до «Замогильных записок» (1848–1850) писатель не устает размышлять о смерти и создавать образы, навеянные этой темой.

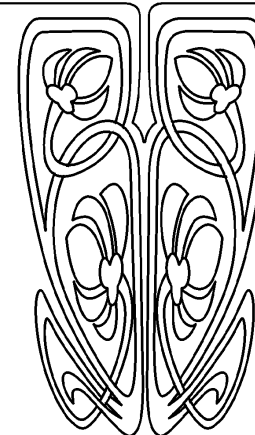
Как известно, для французских романтиков сюжеты и образы, связанные со смертью, были очень характерны. По словам М. Летонен, во Франции «начиная с эпохи Реставрации, “похоронный” жанр, понимаемый как часть фантастики и отличающийся пристрастием к скелетам, покойникам и мертвым головам, активно вошел в моду»². В творчестве Шатобриана на первый план выступает не внешняя атрибутика, а философские размышления о бренности жизни и неизбежности завершения земного пути человека. Проблема жизни и смерти полнее всего раскрывается в итоговой мемуарно-автобиографической книге Шатобриана «Замогильные записки».

Это произведение дает наглядное представление о том, сколь часто и близко приходилось его автору соприкоснуться со смертью. По подсчетам М. Летонен, в «Замогильных записках» смерть становится источником для создания 127 образов³. Уже в кратком, двухстраничном Предисловии слова, входящие в семантическое поле «смерть», встречаются около двадцати раз. Наиболее употребительные среди них – могила, прах, кончина, останки, кости, смерть, гроб, старость. Многократные упоминания о смерти во вступительной части «Замогильных записок» задают драматическую тональность всему повествованию.

Шатобриан акцентирует свою особую причастность к миру смерти. Главное проявление этой причастности – «Замогильные записки», ставшие, по словам писателя, «храмом смерти», книгой «записи умерших»⁴, которую он ведет по собственному почину. Шатобриан скорбит о потере близких (отца, матери, кормилицы, брата, сестер, дяди, племянника и других род-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ственников), оплакивает своих друзей (Фонтана, госпожу де Бомон и др.), рассказывает о кончине общественных деятелей и политиков (например, герцога Энгиенского и Наполеона), сообщает о гибели солдат и безымянных людей. Он ощущает себя как бы между жизнью и смертью, поскольку среди людей, память о которых хранит его сердце, гораздо больше умерших, чем живущих.

В Предисловии своеобразной метафорой судьбы Шатобриана является взятый из библейской Книги Иова эпитаф: «Sicut nubes... quasi naves... velut umbra. Job»⁵. Этот эпитаф имеет отголоски на всем протяжении «Замогильных записок»; чтобы подчеркнуть его важность, писатель повторяет библейские слова в начале первой главы. Шатобриан не случайно обращается к образу библейского мученика, которому Господь ниспослал многочисленные несчастья, а после того как Иов смиренно принял свою судьбу, вернул ему благоденствие. Подобно Иову, он видит себя страдающим праведником и в Предисловии говорит о «непостоянстве (своей) судьбы», о «жизненных бурях», о нужде, «которая вечно держала (его) за глотку», о «бремени (своих) горестей», о том, сколько ему «пришлось выстрадать в этом мире»⁶.

Эпитаф не только вводит тему мученической земной и благой загробной жизни, но и определяет символическую-лейтмотивную структуру книги, для которой образы облака (т.е. знака присутствия божественной силы), корабля (скитания человека по океану жизни) и тени (смерти) станут сквозными. Лейтмотивы смерти и моря, оба столь характерные для романтизма, сливаются воедино на заключительной странице Предисловия, когда Шатобриан упоминает о своем завещании похоронить его на острове Гран-Бе: «Итак, прах мой будет покоем на берегу моря, которое я так любил»⁷. Чуть ниже писатель вернется к своему завещанию и отметит еще одну значимую деталь: на бретонском языке слово «bé» означает «могила». Следовательно, название острова, на котором хотел найти (и нашел) свой последний приют автор «Замогильных записок», можно перевести как «большая/великая могила».

С первых страниц произведения темы жизни и смерти тесно переплетаются. Показательна вторая глава, представляющая собой традиционный для мемуарно-автобиографической книги зачин, связанный с рождением героя. Ее название – «Рождение моих братьев и сестер. Я появляюсь на свет» – говорит о принципиально новом подходе автора к изображению начального момента своей биографии. Для Шатобриана рождение – это не просто отправная точка на жизненном пути, функция которой обычно ограничивалась чистой номинацией (именно так обозначается рождение братьев и сестер), а некий процесс, содержащий важный для понимания его автобиографической концепции смысл. Он не называет, а *описывает* момент появления героя на свет, на что, по верному наблюдению Б. Шауа, указывает даже грамматическая форма настоящего времени глагола

«появляться»: «... активная форма выражения “я появляюсь на свет” на грамматическом уровне нейтрализует пассивность, присущую фразе “я родился”. Она как бы перекрывает пассивное прошлое активным настоящим»⁸.

Описание рождения героя предвдвывает перечисление его братьев и сестер, умерших во младенчестве. Этот довольно распространенный для начала XIX в. факт предстает как дурной знак и повод для печального вывода: «Я противился, жизнь не прельщала меня»⁹. В конце главы Шатобриан напрямую свяжет тему смерти со своей жизнью, когда напишет, что родился «почти мертвым». Такое мучительное насильственное рождение воспринимается писателем как предзнаменование трагичности его судьбы и даже становится навязчивой идеей. Напомним, что сходным образом появляется на свет и Рене, герой одноименной романтической повести Шатобриана. Биографический факт, таким образом, наполняется символическим смыслом, который усиливается в ходе дальнейшего повествования.

Рассказывая о дне своего рождения, Шатобриан берется описать то, чему на самом деле никак не мог быть свидетелем: собственное рождение и смерть скрыты от взора человека. «Свидетельствуя» о своем рождении, он пытается посредством творчества смоделировать то, что не могла зафиксировать его память. Шатобриан рисует картину спокойной осенней природы северной Франции. Рокот волн, шквальный ветер, буря становятся тем фоном, который точно соответствует представлению о полной страстей и неразрешимых противоречий жизни романтического героя. Бушующее море воплощает судьбу Рене, в которой опасность предостерегала его на каждом шагу и могла в любой момент оборвать его земное существование. Осень в эстетике Шатобриана также символизирует пору увядания, заката жизни. Так, пейзаж, воссозданный в романтическом ключе, способствует раскрытию темы смерти.

Автобиографический акт становится для писателя способом родиться заново, исправить некоторые неточности, связанные с известными, по чужим словам, деталями его появления на свет. Шатобриан уточняет дату своего рождения и имя. Он указывает, что родился не 4 октября, как считал долгое время, а 4 сентября 1768 года. Однако в контексте «Замогильных записок» 4 октября остается не менее значимой датой, чем реальный день рождения героя. Во-первых, эта дата связывается с духовным рождением Шатобриана: 4 октября – праздник святого Франциска, имя которого носит герой, а также день его приезда в Иерусалим, сердце Святой земли. Во-вторых, 4 октября Шатобриан помечает время начала работы над «Замогильными записками», т.е. момент своего литературного рождения. Кроме того, писатель называет себя Франсуа-Рене, а не Франсуа-Огюст, как полагал ранее. Комментаторы «Замогильных записок» единодушно отмечают, что это уточнение имеет важное значение: на французском

языке звуковая и графическая форма нового имени героя тождественна причастию «возродившийся» (René – rené).

Каким же предстает этот «возродившийся» Шатобриан в своей мемуарно-автобиографической книге? Не претендуя на раскрытие всех многочисленных сторон образа героя и повествователя «Замогильных записок», попытаемся ответить на этот вопрос в свете обозначенной выше темы смерти.

В представлении Шатобриана смерть всегда была неизменной спутницей его жизни. Вспоминая о детских годах, проведенных в Сен-Мало, он пишет: «С самого рождения я слышал разговоры о смерти. Вечерами по улицам ходил человек с колокольчиком, уведомляя христиан, чтобы они молились за одного из своих новопреставленных братьев. Почти каждый год на моих глазах гибли корабли, и, когда я играл на песчаных отмелях, море выбрасывало мне под ноги трупы чужестранцев, погибших вдали от родины»¹⁰. В приведенной цитате смерть предстает в своем материальном воплощении (трупы чужестранцев), христианском понимании (молитва за новопреставленных братьев) и непостижимой для человека сущности (разговоры о смерти). Первая, материальная сторона смерти изображается писателем с нарочитым романтическим преувеличением, в котором он явно отдает дань «похоронному» жанру своего времени. С христианством в сознании Шатобриана с детских лет связывается возможность сладостной загробной жизни, что подчеркивает не только идея молитвы за усопших, но и нижеследующее упоминание о первой песне, заученной им наизусть. Это была своеобразная молитва, обращенная к Деве Марии, которую матросы пели во время кораблекрушения, страшась приближающейся кончины. Не менее важен и третий – философский – аспект представления писателя о смерти. Если в воспоминаниях о детстве он раскрывается через упоминание о разговорах, услышанных от других людей, то впоследствии предстанет в форме размышлений самого писателя о земной жизни и вечности.

С внешними, осязаемыми знаками смерти Шатобриан столкнулся довольно рано. По его словам, первым покойником, которого он увидел, «был каноник из Сен-Мало; он лежал в постели с лицом, искаженным предсмертной судорогой. Смерть прекрасна... но мы не узнаем ее, оттого что она является к нам в маске, которая наводит на нас ужас»¹¹. Как видим, мертвое человеческое тело отпугивает Шатобриана. В отличие от более ранних своих произведений, например повести «Атала», он отказывается от поэтизации лица умершего человека, во многом объяснявшейся, как верно утверждает М. Летонен, влиянием классицистической эстетики¹². В «Замогильных записках», напротив, черты покойника предстают пугающими и отталкивающими; их описание сопровождается перечислением реалистических деталей. Эта особенность сохраняется даже при описании дорогих сердцу Шатобриана людей. Так, повествуя о последних мгновениях жизни госпожи де Бомон, он пишет о судорогах,

сотрясавших ее тело, учащенном биении сердца, растрепавшихся волосах.

В том же реалистическом ключе Шатобриан рассказывает и о болезнях, которые несколько раз чуть было не свели его в могилу. Он показывает, что тяжелые заболевания, сопровождаемые агонией, горячкой, рвотой, бредом, подталкивают человека к смерти, и задается трагическим вопросом о том, что если они лишь «ветерок, исподволь приближающий нас к гавани»¹³, то разве может не страшить лик самой смерти?

Ее неприглядность со всей очевидностью отражает еще один чрезвычайно важный для Шатобриана образ – старость, которую он называет «самой близкой родственницей»¹⁴ смерти. В «Замогильных записках» писатель много раз сетует на свой возраст, с горечью констатируя, что его лучшие годы остались позади: «То, что чарует в пору любви, то в пору сиротства вызывает боль и сожаления. Вы уже не ждете наступления радостных весенних месяцев; пожалуй, вы их даже побаиваетесь... все, что пробуждает жажду счастья, потребность в нем, несет вам смерть»¹⁵. Старость для него – это не мудрость и зрелость, а невозможность испытать полноту жизни, мучительная утрата близких людей, создающая вокруг него пустыню, наконец, знак собственной неизбежной и близкой кончины.

Мировосприятие писателя, как известно, отличало пессимистическое отношение к окружающему, когда жизнь представляется как «нескончаемая чума», «постоянный стыд», «извечная ошибка». Трагический, переломный характер эпохи, в которую ему суждено было жить, усиливал убежденность Шатобриана в мимолетности счастья, бесконечности человеческих страданий, быстротечности времени, равнодушии природы к людским горестям, бренности всего земного. Категории времени и вечности постоянно возвращали его к мыслям о смерти, которыми буквально пронизаны «Замогильные записки». Шатобриан не устает повторять, что только в смерти «заключены события (его) реальной жизни», что «все прожитые (им) дни – это прощания»¹⁶. Он думает о смерти, теряя близких людей и оплакивая в каждом из них всех ранее почивших. Уход родных и друзей заставляет Шатобриана-повествователя обратиться к извечным вопросам человеческого бытия, задуматься о смысле собственной жизни. В качестве примера приведем размышления Шатобриана после кончины его отца: «Со смертью отца закончился первый акт моей жизни: отчий дом опустел, я оплакал его, как если бы он мог чувствовать утрату и одиночество. Отныне у меня не было наставника, и я страшился свободы, предоставленной мне волею судьбы. Что мне с ней делать? Кому я ее отдам? Я не доверял своим силам и отступал перед самим собой»¹⁷.

Взаимосвязь времени, вечности и смерти отчетливо прослеживается в целом ряде образов, созданных писателем на страницах «Замогильных записок». Таков образ колокола, удары которого

отмечают бег времени и, возвещая о кончине людей, напоминают тем самым о неизбежности конца для каждого живущего на земле. По-своему показательны образы моря, песочных часов, ворона и некоторые другие. Как правило, они появляются в тексте в тот момент, когда завершается определенный этап в биографии Шатобриана или же служат поводом связать воедино воспоминания о разных периодах его жизни.

Шатобриан многократно повторяет, что скоро уйдет в небытие, что давно ощущает себя мертвым. Возможно, поэтому он нередко участвует в похоронах и посещает кладбища. Отношение Шатобриана к собственной смерти проявляется двояко. Из заученной в детстве песни матросов он знает, что кончина может быть блаженной, а может принести страдание. С одной стороны, переход от жизни к смерти его страшит. Смерть для него – это нисхождение, передаваемое глаголом «спускаться» (*descendre*). Шаг в небытие, по мысли писателя, требует известного мужества и осуществляется легче в присутствии близкого человека. Всей своей жизнью Шатобриан не без успеха готовил себя к этому решительному шагу, что позволило ему, собрав все свое мужество, сказать: «Но если мне суждено остаться одному, если никто из близких не переживет меня и не сможет проводить в последний путь, что ж – я лучше, чем любой другой, сумею обойтись без проводника: я изучил подступы, я обследовал местность, где пролегает дорога, я пожелал увидеть то, что случается в последний миг»¹⁸.

С другой стороны, он разделяет христианскую идею загробной жизни, где каждому воздастся по заслугам, и праведный человек сможет вернуться в лоно вечности. Шатобриан уже в Предисловии выражает надежду на то, что смерть будет к нему добрее, чем жизнь, и не сомневается в своем праве занять место на Елисейских полях. Эта вера объясняет его убежденность в том, что «смерть прекрасна, она нам друг»¹⁹. Смерть как начало вечной жизни манит Шатобриана возможностью блаженного и бесконфликтного существования, но одновременно она означает разрыв с миром людей, а потому вызывает желание успеть сделать все, что ему предначертано. Хотя он не раз говорил о своем равнодушии к земной славе, но внутренне считал для себя необходимым достичь людского признания. Опуская многочисленные прямые и косвенные подтверждения его высокой самооценки, обратим внимание лишь на один эпизод, связанный с попыткой молодого Рене покончить жизнь самоубийством.

Шатобриан-писатель, с высоты своих лет взвешивающий на юношеский безрассудный поступок, оценивает его в категориях христианской религии и называет соответствующую главу книги весьма показательно – «Искушение». Как человек верующий он понимает, что самоубийство – грех, и потому подчеркивает, что должен «собраться с силами, чтобы признаться в своей слабости». И

далее: «Человек, покушающийся на собственную жизнь, выказывает не душевную мощь, но природный изъян»²⁰, – таков «приговор» Шатобриана-христианина самоубийце. Однако декларируемая христианская позиция вступает в противоречие с авторским объяснением причин, остановивших юного Рене, и проливает дополнительный свет на отношение писателя к смерти. Напомним, что на самоубийство он решился в период первых успехов в стихотворчестве, вдохновленный безудержной влюбленностью в воображаемую Сильфиду. Рене хотел убить себя от переизбытка чувств и осознания несовместимости возвышенных романтических порывов с реальной жизнью. Шатобриан констатирует, что не стал возобновлять попыток самоубийства в силу фаталистичности своих взглядов, но главное, совсем по другой причине: «Если бы я застрелился, все, чем я был, умерло бы со мною; никто не узнал бы причин, приведших меня к катастрофе; я пополнил бы толпу безмянных неудачников; никто не смог бы отыскать меня по следам моих горестей, как находят раненого по следам крови»²¹. Боязнь остаться безвестным и убежденность в собственной незаурядности – вот в чем Шатобриан видел смысл своей жизни и ради чего готов был сколь угодно долго терпеть тяготы земного существования.

Романтическое представление о высокой миссии творца оказывается для Шатобриана более весомым, чем христианская идея благой загробной жизни, ожидающей праведника. Хотя смерть мыслится создателем «Замогильных записок» как начало вечной жизни, при всех желанных благах, даруемых в загробном мире, его обитатели теряют одну наиважнейшую для Шатобриана-писателя возможность – творить и доносить свой голос до других. Вот почему смерть, по справедливому замечанию М. Летонен, ассоциируется у писателя с безмолвием, тишиной, ледяным молчанием²². Эта сторона смерти словно бы заставляет писателя выговориться до конца здесь, на земле, успеть закончить свою главную книгу, ставшую детищем всей его жизни. «Поскольку мне не дано знать час моей кончины, поскольку в мои лета каждый дарованный человеку день есть милость, или, вернее, кара, мне необходимо объясниться»²³, – так Шатобриан мотивирует необходимость создания «Замогильных записок». Он понимает, что «смерть нимало не проясняет тайны жизни»²⁴, а значит, тот, кто когда-нибудь захочет проникнуть в глубины его души, вряд ли преуспеет в этом больше, чем он сам. Шатобриану важно быть услышанным, оставить о себе верное представление в глазах потомков, а не обелить себя в преддверии высшего божественного суда.

Пытаясь найти силу, способную, если не противостоять забвению и смерти, то хотя бы вступить с ними в спор, Шатобриан приходит к выводу, что это доступно только творческому гению: «Никто не вспомнит о речах, которые мы вели за столом князя фон Меттерниха; но – вот

могущество гения! – ни один путник никогда не сможет слушать пение жаворонка в полях Вероны, не вспомнив Шекспира»²⁵. Свое собственное творчество он воспринимает в сходном ключе и в этом смысле особое значение придает мемуарно-автобиографической книге.

По признанию Шатобриана, именно работа над «Замогильными записками» вселяла в него желание жить, особенно в 1807 г., когда он в очередной раз находился между жизнью и смертью. Творческий импульс был способен облегчить тяжелое, почти предсмертное, состояние писателя как в зрелые годы, так и в юности. Вспоминая о своей службе в армии Принцев, закончившейся тяжелым ранением, Шатобриан так описывает свои полуморочные видения: «Мои ослабевающие мысли приятно колыхались на волне; мои старые фантомы, едва похожие на тени, стершиеся на три четверти, окружили меня, чтобы попрощаться... Когда я присел напротив дорожного столба, то мне показалось, что в голубой дымке печных труб, в вершинах деревьев, в просветах туч, в ярких пучках солнца, протягивавшего свои лучи, как золотые грабли, на невозделанные поля, я увидел лица, улыбающиеся мне с порога далеких приютов. Это были Музы, которые пришли стать свидетельницами смерти поэта: моя могила, вырытая с помощью их лир под каким-нибудь дубом Арденских гор, вполне соответствовала бы солдату и путешественнику»²⁶. Из процитированного отрывка видно, что Шатобриан-писатель поэтизирует смерть и показывает, что богатое воображение помогло ему превозмочь страх, казалось бы, неминуемого прощания с жизнью. В полной уверенности относительно своего близкого конца Рене находился еще долгое время, в частности, в период своей эмиграции в Англию. На деле же мысль о близкой смерти открыла ему новые возможности для самореализации, способствовала становлению писателя и мыслителя, ведь именно в эмиграции вышла в свет первая книга Шатобриана «Опыт о революциях».

Если мысль о собственном конце стала стимулом для написания исторического сочинения, то известие о смерти матери возвратило Шатобриана в лоно религии и привело к созданию «Гения Христианства». Рассказывая о письме, в котором скорбную весть сообщала писателю сестра, уже умершая к тому моменту, когда адресат получил ее послание, Шатобриан замечает: «Эти два голоса, воззавшие из могил, эта смерть – посланница другой смерти, потрясли меня»²⁷. В этих словах уже слышится сокровенная авторская мысль о том, что текст, принадлежащий почившему человеку, обретает особое звучание. Он вернется к ней в рассуждениях о своей мемуарно-автобиографической книге: «Меня уговаривали опубликовать отрывки из моих «Записок» еще при жизни, – пишет Шатобриан, – но я предпочитаю говорить из гроба; тогда повествованию моему будут вторить голоса, в которых слышится нечто священное, ибо они звучат из могилы»²⁸. Желание придать своему

голосу надмирную интонацию и продлить свою творческую жизнь наталкивает писателя на идею о посмертной публикации.

Само название книги свидетельствует о том огромном значении, которое Шатобриан придавал идее «замогильности». Первоначально на титульном листе произведения стояло слово «Мемуары», но в 30-е гг. писатель придумал новое заглавие, изменив традиционное для литературы XVI–XVIII вв. нейтральное обозначение воспоминаний на «Замогильные записки». По замыслу автора, его произведение должно было выйти в свет через пятьдесят лет после его кончины, вот почему преждевременное обнародование отдельных фрагментов так больно ранило писателя. В Предисловии он специально затрагивает эту тему и делится с читателем своими огорчениями в связи с вынужденной частичной публикацией текста. Дело здесь не только в том, что писатель ожидал от потомков и читателей будущего особого отношения к книге уже почившего человека. Как справедливо пишет В.А. Мильчина, у шатобриановской идеи «замогильности» «были... и сугубо эстетические причины: отделяя себя от современников, Шатобриан хотел подчеркнуть, что книга его – взгляд на прошедшую жизнь с высоты грядущего; эта точка зрения давала автору право не просто излагать по порядку мелкие подробности земного бытия, но рисовать грандиозные картины и строить философские гипотезы о грядущем человечестве»²⁹.

В размышлениях Шатобриана несколько раз проскальзывает мысль о том, что для него завершение работы над «Замогильными записками», его «alter ego» равнозначно смерти, что его земное существование завершится, как «последняя страница... Мемуаров»³⁰. Он завершает произведение прямым соотношением процесса написания книги с собственной жизнью и смертью: «Сегодня, 16 ноября 1841 года, я пишу эти последние слова...: сейчас шесть часов утра... кажется, будто старый мир кончается, а новый занимается. Я вижу отблески зари, но восхода солнца я уже не увижу. Мне остается только сесть на край своей могилы; потом, с распятием в руках, я храбро сойду в вечность»³¹.

Итак, использованные в «Замогильных записках» Шатобриана биографические факты, лексика, образы, авторские размышления отражают одержимость их создателя мыслями о неизбежности собственной кончины и небытия как философской категории, вызванными особенностями формирования его личности, религиозным воспитанием, трагичностью эпохи, влиянием романтической эстетики. Трактовка темы смерти в «Замогильных записках» Шатобриана оказывается взаимосвязана с темой творчества и отличается характерной для романтизма верой в человека-творца, в его способность посредством творчества преодолеть смерть.

Примечания

- 1 Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 598.
- 2 Lehtonen M. L'expression imagée dans l'oeuvre de Chateaubriand. Helsinki, 1964. P. 319.
- 3 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 319.
- 4 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 24, 163.
- 5 Там же. С. 18.
- 6 Там же. С. 18–20.
- 7 Там же. С. 20.
- 8 Chaouat B. Je meurs par morceaux: Chateaubriand. P., 1999. P. 28–29.
- 9 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 30.
- 10 Там же. С. 34–35.
- 11 Там же. С. 45.
- 12 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 320.
- 13 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 45.
- 14 Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe: En 3 t. T. 3. P., 1973. P. 437.

- 15 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 140. С. 18.
- 16 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. I. P. 678, 133.
- 17 Ibid. T. I. 166.
- 18 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 163.
- 19 Там же. С. 45.
- 20 Там же. С. 59.
- 21 Там же. С. 60.
- 22 См. об этом подробнее: Lehtonen M. Op. cit. P. 463–464.
- 23 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 18.
- 24 Там же. С. 20.
- 25 Там же. С. 539.
- 26 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. I. P. 397.
- 27 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 165.
- 28 Там же. С. 19.
- 29 Мильчина В.А. Эпопея человеческого сознания // Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки. М., 1995. С. 7.
- 30 Chateaubriand F.-R. Op. cit. T. 3. P. 92.
- 31 Шатобриан Ф.-Р. Указ. соч. С. 598.

УДК 821.161.1.09-94+929 Фет

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КНИГИ А.А. ФЕТА «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»: ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ПЛАНА МЕМУАРОВ

Л.И. Черемисинова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: cheremisinov@inbox.ru

В статье рассматривается эпизод из творческой истории мемуаров А.А. Фета, публикуется и комментируется черновой набросок первоначального плана фетовских воспоминаний. Исследование базируется на рукописных источниках, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: русская литература, творческая история, мемуары, биография, текстология, Фет.

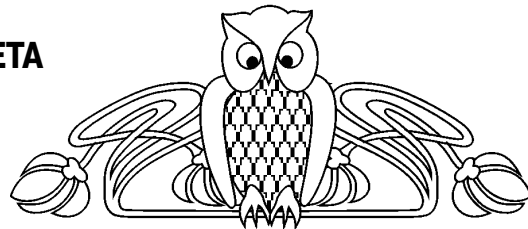
The History of A.A. Fet's «My Memoirs»: the Draft Plan

L.I. Cheremisinova

The article presents to scholarly attention a manuscript by A.A. Fet – the first draft of the poet's memoirs and offers a commentary to the publication of the text.

Key words: Russian literature, writing history, memoirs, biography, textual studies, Fet.

Воспоминания Фета представляют собой фактически не изученную часть его творческого наследия. На сегодняшний день не существует их научного издания, о необходимости которого писал еще в 1935 г. авторитетный текстолог и знаток творчества Фета Б.Я. Бухштаб. В своей обзорной статье «Судьба литературного наследства

А.А. Фета» исследователь отмечал, что мемуары и художественная проза поэта «давно стали библиографической редкостью» и нуждаются в переиздании¹. Такое переиздание будет осуществлено в составе двадцатитомного собрания сочинений и писем поэта, выходящего в настоящее время².

Современным исследователям надлежит тщательно изучить и прокомментировать текст мемуаров, восстановить их творческую историю, сопоставить главы журнальных публикаций с окончательным вариантом, сличить тексты введенных в мемуары писем с подлинниками, собрать и проанализировать отклики современников на воспоминания Фета – словом, решить многочисленные текстологические задачи, чтобы осуществить научное издание мемуаристики поэта.

«Мемуары эти <...> – на особом положении в истории русской литературы, – писал Б.Я. Бухштаб. – Это материал исключительной важности, один из мемуарных источников наиболее часто цитируемых, в особенности исследователями Льва Толстого и Тургенева; в то же время – источник, требующий максимально критического отношения к себе»³.

Фетовские воспоминания являются не только документальной базой для характеристики эпохи, но и бесценным источником (наряду с эпистолярным) для еще не написанной биографии их автора. Несмотря на неизбежный в этом жанре

субъективизм, они дают довольно полное, целостное представление об основных событиях жизни поэта, о его занятиях, пристрастиях, домашнем и литературном окружении. Если, как справедливо заметил Я.П. Полонский, в поэзии Фет не проявлял себя как биографическая личность, то в прозе эта личность находила свободное, максимально адекватное выражение. Возможно, поэтому количественное соотношение прозаического наследия Фета несопоставимо с объемом его поэтических сборников.

«<...> Жизнь моя, – писал А.А. Фет К.Ф. Ревелиоти (своему сослуживцу по Кирасирскому полку) в конце 70-х гг., – самый сложный роман, который, Бог даст, сообщу хоть в главных чертах...»⁴. Эти слова, возможно, являются первым по времени документальным свидетельством, раскрывающим намерение поэта в каком-то отдаленном будущем написать «роман о себе». Учитывая автобиографический характер всей прозы Фета (художественной, публицистической, мемуарной), нельзя утверждать наверняка, что именно стало этим «романом»: совокупность всех прозаических сочинений поэта или один из видов прозы. Однако в первую очередь эти слова относятся к мемуарам Фета – трехтомной книге о его жизни. Таким образом, можно предположить, что желание написать воспоминания возникло у Фета на рубеже 70–80-х гг. XIX в., т.е. на исходе шестого десятилетия жизни поэта.

В Отделе рукописей РГБ хранится черновой вариант первоначального плана фетовских воспоминаний. Он размещен на обратной стороне письма А.А. Фета к другу детства И.П. Новосильцову⁵. Оба эти автографа: и фрагмент письма, и план воспоминаний – представляют собой черновики. Текст их не датирован, набросан наскоро, несколько небрежно, изобилует сокращениями, зачеркиваниями (особенно это касается плана воспоминаний), что затрудняет идентификацию документа, требует некоторой его реконструкции. И хотя отдельные слова рукописи пока остаются не прочитанными, она дает определенное представление о первоначальном замысле воспоминаний, а фрагмент письма к И.П. Новосильцову позволяет установить примерное время создания плана.

Поводом для данного письма Фета к И.П. Новосильцову послужил приезд в Воробьевку (имение Фета в Курской губернии) Ивана Федорова, управляющего Фатьяновом (имение племянника Фета П.И. Борисова в Мценском уезде Орловской губернии, находившееся неподалеку от с. Воин, принадлежавшего И.П. Новосильцову). Фет собиравшись воспользоваться оказией и передать с Иваном Федоровым письмо Новосильцову. Приводим сохранившийся текст черновика этого письма в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами. В угловых скобках восстанавливаются недостающие фрагменты слов, в отдельных случаях даются трудночитаемые слова.

«<приходивший> вчера по делам Пети Фатьяновский Иван Федоров, уже при отъезде на многократные вопросы наши о тебе объявил, что, по его соображ<ению>, ты долж<ен> быть на Воине, и мы⁶ ухватились за возможность напомнить тебе о нашем существовании. Хроническая болезнь моя, принявшая, в последние дни, к немалому моему переполоху, острый характер, лишает меня возможности тронуться из дому. И надолго ли это продолжится, к сожалению, не знаю. При хворости моей, я добиваюсь только одного, чтобы не соприкасаться ни с какими хозяйственными заботами и распоряжениями, но при устройстве совершенно дезорганизованного имения как Воробьевка и отсутствия Алек.<сандра> Иван<овича> Иоста на Граворонке – подобный квиетизм – оказывается *rum, unio desiderium*⁷ – от⁸.

Зная твою хлопотливость, я поневоле должен отнести к тебе же *desiderium* и надежду увидеть тебя в Воробьевке, хотя станция Будановка в 4 1/2 часах пути от Орла и около нее 2 коляски⁹ постоянно к услугам наших посетителей, а если назначить час приезда, коих два в 12 1/2 дня и в 6 1/2 дня, то и наши кони будут ждать у станции и <проедут> 45 минут те <нрзбр> 10 верст, что отделяют нас от чугулки. Во всяком случае, если не удастся теперь, то зимой, если буду жив и здоров, явлюсь <обнять>»¹⁰.

На этом письмо обрывается. Упоминания в нем о Воробьевском и Фатьяновском имениях позволяют примерно установить время его написания. Известно, что Воробьевка была куплена Фетом в 1877 г., а Фатьяново – родовое имение П.И. Борисова, управлявшееся в его отсутствие Иваном Федоровым, – было продано до 1880 г. Оба своих наследственных имения (отцовское Фатьяново и материнские Новоселки) Борисов продал накануне отъезда в Йенский университет, а в 1880 г. на вырученные деньги купил имение Ольховатка Щигровского уезда, располагавшееся неподалеку от фетовской Воробьевки. Эти факты упоминаются в письме Фета к Л.Н. Толстому от 19 марта <1880 г.>: «Борисов на днях будет уже в Германии и в Иене. Я его пробрал до костей, и он взялся за дело и благодарит меня. Мы ему таки купили по соседству 700 десятин с домом, садом, мельницей, 70 десятин лесу, мебелью, экипажем, скотом, даже посудой за 76 тысяч»¹¹.

В Отделе рукописей РГБ хранится документ, датированный 1878 г.: «Домашняя расписка на продажу сельца Фатьяново ст. советнику Григорию Алексеичу Городкову»¹². Если верить этой «домашней расписке», то Фатьяново было продано в 1878 г. В книге Фета «Мои воспоминания» рассказ о продаже отцовского имения П.И. Борисова размещен среди событий 1880 г. – вслед за известием о смерти К.Ф. Ревелиоти¹³. Далее следует рассказ о покупке на вырученные деньги Ольховатки.

Иван Федоров мог приехать в Воробьевку по делам Пети Борисова как до продажи имения, так и после совершения сделки. Публикуемое письмо Фета к И.П. Новосильцову могло быть написано в

промежутке между 1878 и 1880 гг. Надо полагать, что и план воспоминаний, набросанный на обратной стороне чернового варианта этого письма, составлялся в это же время.

Приуроченность фетовского плана к 1878–1880 гг. имеет и иные основания. Большая часть плана связана с периодом кирасирской службы поэта в Новороссийском крае. Возможно, желание написать воспоминания об этом времени возникло вследствие начавшейся в 1878–1879 гг. переписки Фета с некоторыми сослуживцами (С. Аргамаковым, А.А. Кази и К.Ф. Ревелиоти), оживившей в памяти молодые годы. Активизации памяти способствовала и последовавшая вскоре после начала эпистолярного общения встреча Фета в Крыму в сентябре 1879 г. с Ксенофонтом Ревелиоти и Александром Кази. Не исключено, что именно эти события стали причиной появления чернового наброска плана воспоминаний.

Переписка Фета с Ревелиоти, как свидетельствует об этом «Летопись жизни А.А. Фета», началась 12 июня 1879 г.¹⁴ и продолжалась чуть более года. Она была прервана по причине внезапной смерти К.Ф. Ревелиоти 1 августа 1880 г.¹⁵ Первому письму поэта предшествовал поиск адреса Ревелиоти, о чем свидетельствует письмо к Фету С. Аргамакова, бывшего сослуживца, от 29 декабря [1878 г.]: «Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич! Хотя и много времени прошло с тех пор, как мы расстались с Вами, но воспоминания молодости и добрых товарищей никогда не изглаживаются из памяти; письмо Ваше напомнило мне многих товарищей, с которыми я провел так приятно и беззаботно свою молодость. Очень рад случаю, который привел Вас вспомнить обо мне, и надеюсь, что не письменно, а лично когда-нибудь буду говорить с Вами. Относительно адреса Ревелиоти, в настоящее время, я не могу Вам сообщить, потому что не имею давно об нем никакого известия; со мною в полку был ротмистр Ревелиоти, а как его звали, я не помню, впрочем, не теряю надежды узнать и не замедлю Вас уведомить. Прошу Вас не забывать Вашего старого сослуживца. С истинным уважением честь имею быть Ваш покорный слуга С. Аргамаков»¹⁶.

Фет получил адрес Ревелиоти от А.Л. Бржеской¹⁷, о чем он сообщил своему корреспонденту: «Милый и дорогой старый товарищ и сослуживец! Ксенофонт Федосеевич, если память не изменила в отечестве. Сегодня у меня душе праздник, так как наконец-то я получил твой давно искомый мною адрес – от Александры Львовны Бржеской, с которой, как она мне говорила, воспитывалась твоя супруга. Наконец-то, после долгих, долгих лет, я могу от всего сердца позжать твою честную руку и поблагодарить за многое, о чем в настоящую радостную для меня минуту и говорить излишне и некстати»¹⁸.

Эпиграфом к письму стали строки из шуточного стихотворения Фета «В зверинец мой раскрыты двери...» <1845>, написанного в первый

год службы поэта в кирасирском полку и содержавшего дружеские характеристики офицерского состава: «Та птичка Фоська Ревельоти, / Мала, но ноготок востер»¹⁹. Эти строки, являясь своеобразным знаком, атрибутом доброго, старого времени, оживляли прошлое, напоминали о годах совместной службы, об армейском братстве, офицерских забавах и шалостях.

К.Ф. Ревелиоти отозвался сразу двумя письмами на послание Фета: на первом почтовый штемпель от 25 июля 1879 г., на втором – 28 и 29 июля 1879 г.²⁰ Первое письмо открывается парафразом строк «Где же песни без стремленья? / Где же юность без любви?» из стихотворения «Соловей и роза» А. Фета. «Не могу унять стремленье, / Я не в силах не любить <...>, – начинает свое послание Ревелиоти. – Добрый товарищ, мой милый и дорогой Афанасий! Твое дружеское письмо расшевелило во мне лучшие воспоминания молодости – обнимаю, целую тебя крепко! Мне далеко за пятьдесят и уже лет тридцать как расстался с любимыми орденами²¹, но стоит промолвить мне словечко о вас, и я забываю все свои хлопоты, снова превращаюсь в юношу, готов шутить, резвиться и глупить, как бывало в дни давно минувшей молодости. Я тебя всегда любил, да кого я не любил из славных орденцев? и можно ли было их не любить? За исключением одного, много двух субъектов, – казавшихся (так!) мне не совсем порядочными. <...> Нет, вспомни хорошо этот сонм прекрасных, честных людей: Небольсин, Саргани, Кази, Васил<ий> Петров – и всех остальных до единого и скажи мне потом, за стенами Крылова встречал ли ты подобных? Я же – положительно нет: пигмеи, бездушные твари. Николка Небольсин²², даст Бог, скоро увидимся, многое передам тебе, и ты узнаешь, на что была способна его возвышенная душа и его дружба ко мне. Сохраним же навсегда глубокую благодарно<сть> к незабвенным Александру Богдан<овичу>²³ и Карлу Федоров<ичу>²⁴, умевших сгруппировать нас, относиться с уважением и поддерживать в нас все честное и доброе. Вечная память им, нашим добрым учителям. <...> Саша Кази за лето несколько раз приезжает ко мне в деревню. <...> Еще на днях, говоря с ним о тех, кого из вас я бы желал видеть, в этом числе и ты был. И вот счастливая неожиданность, получаю твое письмо, узнаю, что ты приедешь. Везет, одно из моих задушевных желаний скоро осуществится, я расцелую тебя, моего славного товарища. <...> Приезжай, голубчик, поскорее, пока у нас в деревне хорошо, да смотри, Афанасий, прямо к нам, напиши телеграмму в Бахчисарай, приеду на вокзал взять вас. Будьте счастливы всегда. Еще раз целую тебя. Искренно любящий Ксенофонт Ревелиоти»²⁵.

Столь же открыты, радостны, проникновенны и другие письма Ревелиоти, наполненные ностальгией по ушедшему прошлому, по орденскому полку. «Мой милый товарищ Афанасий, – писал он во втором ответном послании на первое письмо Фета. – Воскресил ты во мне былое с его превос-

ходными людьми. Два дня, как я отвечаю на твое письмо, которое доставило мне много, много радости. Орденский полк – мой конек, и буду бредить им, пока в состоянии мыслить»²⁶.

Письма эти насыщены воспоминаниями, проникнуты любовью к сослуживцам: «<...> твои взгляды относительно крепко любимых мною орденцев я не делю. Согласись, что они были одни из более образованных и затем добрые товарищи. <...> Нет, нет, машина испорчена, и ты в желчном настроении. Я же обожаю орденцев и благодарю судьбу, что я попал среди них. Все люди честные, способные на все доброе и благоразумное. Хочу их перечислить и не знаю, кого поставить прежде другого: Небольсин, Саргани, Кащенко, Бражников, Кази, Борисов, Энгельгардт, <нрзбр> наши учителя. Помн<ю> трех Кудашевых, капитан Риторн, Мержанов, Потапов, Клопман, Петров, Росцишевский, Картапов, Рапп, Лысенко, Оконор, <...> ты и я тоже были люди добрые, Головня и Вемберг, могу ли я их не любить. Как они рыдали, когда жизнь моя была в опасности. За все, за все благодарю я вас»²⁷.

У Ревелиоти был большой архив, в котором хранились все письма сослуживцев. В письме от [20 августа 1879 г.] он процитировал фрагмент из фетовского послания к нему, написанного в период службы, из Новогеоргиевска: «Добрый Фоя, очень рад, что ты благополучно прибыл на родимую землю, но крайне сожалею о расстройстве твоего мозга. Как так можно было поручить деньги такому безалаберному человеку, как я, да еще и бывши таким неисправным чиновником, как ты и проч.». В том же письме Ревелиоти поведал Фету о своем «архиве сердечных документов» и о том, что фетовское письмо расшевелило в памяти былое, обратило его к перечитыванию писем друзей-сослуживцев: «<...> сколько обворожительных людей предстало перед моими глазами: кипа писем Кокорочки, Саргани. Замечательно милое письмо Александра Богдановича к моему отцу – редкий человек, теплейшая душа. Как он нас любил – это видно из этого письма»²⁸. <...> Еще письма Пети, полковая записка Палена, письма Сомова, Слепцова и пр. Сколько сердечных людей. Все, что встречаешь после них, – дрянь, гадость»²⁹.

Эпистолярное общение с Ревелиоти погрузило Фета, говоря его словами, в «море воспоминаний». И хотя его впечатления, оставшиеся от кирасирской жизни, не были столь лучезарны, как впечатления Ревелиоти, оживавшие в памяти картины и образы обретали все большую четкость, накапливались, требовали исхода.

В сентябре 1879 г. состоялась встреча друзей в Крыму, в имении Актачи (под Бахчисараем), принадлежавшем К.Ф. Ревелиоти, а также поездка в Севастополь, на братское кладбище участников Севастопольской обороны 1854–1855 гг.; впечатления от этой поездки отразились позднее и в книге воспоминаний поэта³⁰, и в стихотворении «Севастопольское братское кладбище» (1887).

Таким образом, армейские воспоминания, в атмосфере которых жил Фет в 1879–1880 гг. по причине возобновившейся переписки с однополчанами и встречи с ними в Крыму, вероятно, подвигли поэта задуматься о написании мемуаров о своей жизни и начать их с периода кирасирской службы в Орденском полку. План этих мемуаров Фет набросал на обороте черновика письма к И.П. Новосильцову. Он как бы разрывает текст письма на две части. План воспоминаний состоит из 16 пунктов:

«1. Жизнь в <Красноселье> и рот. <Оконор>».

2. Поездка в Березовку и ее жизнь³¹.

3. Поездка на бал³².

4. Вступление в должность: петухи.

5. Возвращение в штаб – (<нрзбр>).

6. Попойка в саду.

7. <Езда> офицеров в __. Выговор.

8. Учение и <нрзбр>.

9. Царский смотр, появление³³ Нади.

10. Бал и прогулка с <Фетом>³⁴.

11. Свадьба и приглаш<ение> и <дворянство>».

12. Письма Нади к брату Фету. Письма из полка. О Верочке.

13. Письмо из Одессы.

14. 2 письма из Одессы. – Неудав<шееся> самоубий<ство>».

15. Встреча в <Петербурге> с Григорьевым и рассказ<з> о полож<ении> Вейнберга».

16. Встреча с <нрзбр> и конец Вейнберга и <нрзбр> Березовки»³⁵.

Это своего рода оглавление к воспоминаниям, не совпадающее с окончательным вариантом, опубликованным в книгах «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни». Содержание предварительного плана охватывает и соединяет два армейских периода в жизни Фета: период кирасирской службы в Малороссии и начало уланской службы в Петербурге, примерно с 1848 по 1854 г.

Судя по этому плану, Фет намеревался начинать мемуары с событий 1848 г., всколыхнувших всю Европу, точнее, с участия в них кирасирского Военного ордена полка. Это участие зафиксировано в «Летописи жизни А.А. Фета»: «6 июня. В связи с революционными событиями в Венгрии полк получает приказ о выступлении с постоянных квартир на запад»; «<...> Штаб полка располагается в Елисаветграде, а эскадроны – в ближайших к штабу селениях, по соседству с усадьбами знакомых Фету Александровских помещиков»³⁶. Третий эскадрон, в котором служил Фет, расположился в д. Красноселье. Первый пункт фетовского наброска плана воспоминаний предполагает описание жизни кирасиров в этом бывшем уланском поселении. Ему соответствует глава L в книге «Ранние годы моей жизни».

Первые три пункта фетовского плана несколько проясняет и конкретизирует «Летопись...», ибо

отдельные записи в ней, относящиеся к 1848 г., идентичны этому плану: «19 октября. Фет с эскадром в д. Красноселье. 29 октября. Поездка к Бржеским (в Березовку. – Л. Ч.). 1 ноября. Бал у Лазичей [им. Анновка?]»³⁷. Возможно, это случайное совпадение; в фетовском плане речь могла идти и о каких-то других балах, поездках и встречах, коих было немало в течение кирасирской службы поэта. Однако дружба с Бржескими и поездки к ним в Березовку (название этого имения дважды упоминается в начале плана) были спасительны для Фета тех лет. «<...> Березовка с ее жителями и посетителями, – писал он позднее в книге «Ранние годы моей жизни», – составляла главный центр моей тогдашней душевной жизни»³⁸.

Благодаря Бржеским Фет познакомился с семейством их родственников Петковичей, в доме которых в имении Федоровка в 1848 г. он встретил свою любовь – ставшую легендой Марию Лазич (в письмах Фета 1849 г. к И.П. Борисову, а также в воспоминаниях поэта она – Елена Ларина). Это случилось именно тогда, когда Фет со своим третьим эскадром был размещен в Красноселье.

В апреле 1848 г. командиром кирасирского Орденского полка стал К.Ф. Бюлер, а в феврале 1849 г. Фет вступил в должность полкового адъютанта при нем, прослужив в этой должности четыре года. Тесные дружеские отношения, связавшие их, были столь значительны, что Фет впоследствии намеревался запечатлеть память о Бюлере и о времени службы под его руководством в повести «<Полковник Бергер>», однако замысел этого произведения остался нереализованным³⁹. Образ полковника Бюлера представлен в других прозаических сочинениях Фета – «Каленике» (1854), «Семействе Гольц» (1870) и «Не те» (1874). Фет решил покинуть кирасирский полк тогда, когда Бюлер подал прошение об увольнении в продолжительный отпуск. «Хорошо было служить у начальника, – объяснял он впоследствии свое решение, – у которого я был не только на положении домашнего человека, но, можно сказать, сына. Оставаться при других обстоятельствах в глухом поселении значило добровольно похоронить себя»⁴⁰.

Таким образом, 1848 год как отправная точка фетовских воспоминаний был во многих отношениях важен для поэта. Это был своеобразный рубеж в его кирасирской жизни. События этого года оказали влияние на всю дальнейшую жизнь поэта и на его творчество. Вероятно, по этой причине в прижизненном издании мемуаров Фета «Мои воспоминания» в заголовке обозначены следующие даты: 1848–1889. И это вопреки тому, что реальная хронология событий первой книги начинается с 1853 г., со времени перевода в уланский полк, знакомства с И.С. Тургеневым и петербургским кругом литераторов.

Четвертый пункт предварительного плана воспоминаний – «Вступление в должность: петухи» – предполагает рассказ о трудностях, с кото-

рыми пришлось столкнуться Фету, когда он стал адъютантом, о недовольстве молодых офицеров его назначением⁴¹. Сюжет, скрывающийся за названием «петухи», иллюстрирует эти трудности. Впоследствии он вошел в «Ранние годы моей жизни». Это рассказ о том, как Бюлер, недовольный неуставным поведением корнета Пилипенко⁴², который при встрече с ним «раскланялся, снимая фуражку, как знакомый на бульваре», объявил ему замечание в приказе по полку. «Конечно, такие призывы к дисциплине не могли нравиться распушенной молодежи, – писал Фет, – и мои завистники без сомнения пользовались случаем давать чувствовать, что такой строгий тон возникает не без моего влияния. В подобном случае чем нелепее, тем действительнее. <...> После разноса приказа о Пилипенке писарь принес его ко мне обратно, и рукою корнета Кревса⁴³ после расписки было написано:

Хихихи – хахаха,
Как мне жалко петуха.

Поставил меня этот петух в великое затруднение. Во-первых, я не обязан был проверять подписей и мог не видеть неуместной выходки; во-вторых, кто был петух: я или полковой командир? Докладывать об этом Бюлеру значило навлекать на него глупейшую историю. Требовать громогласного удовлетворения от Кревса значило бы мальчишескую выходку возводить в серьезный скандал, который в конце концов, падая все-таки на полкового командира, мог заставить его пожалеть о неудачном выборе адъютанта.

Не говоря никому ни слова, я отправился к своему ближайшему соседу, казначею Кашценке⁴⁴, которому сообщил и самое дело, и мои соображения.

– Что они вооружены не против вас, – сказал Кашценко, – а только злятся из-за должности, видно из того, что они задирают и вновь прибывшего в полк племянника Кази, поручика Вангели, исправляющего должность квартирмейстера. В прошлую ночь они схватили и перетащили на другой двор приготовленный для его кухни хворост; но Кази прямо им сказал: “Вы не знаете Вангели; он не поцеремонится пустить пулю в лоб тому, кто на него наскочит”. Мой совет – покуда плюньте на все это»⁴⁵. Фет внял совету Кашценко и отправился вместе с ним в гости к окружному полковнику Савскому. Так закончилась эта история.

Пятый пункт черного плана воспоминаний – «Возвращение в штаб – (<нрзбр>)» – предполагает повествование об окончании Венгерской кампании и о возвращении кирасирского полка на постоянные квартиры в г. Крылов. Этот эпизод тоже позднее вошел в «Ранние годы моей жизни», стал содержанием главы LV⁴⁶.

«Попойка в саду» – шестой пункт фетовского плана – еще одна зарисовка из адъютантского прошлого Фета, раскрывает его сложные взаимоотношения с полковыми офицерами. Не желая противопоставлять себя им, Фет (во время

отсутствия полкового командира) принял участие в офицерском сборище с большим количеством шампанского, проходившем в городском саду. Собравшиеся пили за здоровье адъютанта и даже «качали» его, подбрасывая на руках. Этот эпизод «переломил» напряжение в отношениях между офицерами, и поручик К. Ревелиоти, отозвав Фета в сторону, попросил у него прощения за дурное мнение о нем, коего он не достоин⁴⁷.

Середину фетовского плана (пункты 7, 8, 9) трудно идентифицировать с конкретными событиями из жизни Фета. Возможно, они предполагают рассказы о самой службе: полковые кампаненты, выводка лошадей, езда офицеров, учения и царские смотры и пр. Вряд ли возможно определить (по крайней мере, на данной стадии изучения Фета), какие дамы скрываются за упомянутыми в плане Софи, Надей, Верочкой, какие балы и свадьбы имеют в виду (и то и другое было нередким явлением). В главе LXV воспоминаний речь идет о женитьбе майора Вейнберга. Поскольку женился он на родной сестре А.Л. Бржеской (урожденной Добровольской), а с этим семейством Фета связывали дружеские отношения до последних дней жизни, то можно предположить, что пункт 11 в плане подразумевает именно эту свадьбу. К тому же несколько последних пунктов плана связаны с дальнейшей судьбой Вейнберга.

В черновом плане воспоминаний, начиная с 12 пункта, отразился гвардейский период жизни Фета. И хотя нам неизвестны письма Нади Шеншиной к своему брату, равно как и «письма из полка», упомянутые в этом пункте, и «письма из Одессы» (пункт 13), очевидно, что все эти письма поэт получал вскоре после перевода в уланы. За восемь лет, проведенных в кирасирском Орденском полку, Фет приобрел много друзей. Видимо, письма этого периода не сохранились вследствие кочевой жизни, которую ему приходилось вести. По словам поэта, архив его стал складываться в основном после женитьбы, когда началась оседлая жизнь и когда Марья Петровна стала старательно собирать письма корреспондентов своего мужа.

Неизвестно, от кого получал Фет письма из Одессы. Однако в этих письмах речь должна была идти, в частности, о Вейнберге: четыре последних пункта плана посвящены рассказу о его судьбе. Возможное содержание этих пунктов восстанавливается по книге «Ранние годы моей жизни». Вследствие некоего инцидента, произошедшего в полку, Вейнберг вынужден был подать рапорт об отставке, а затем вместе со своей женой поселился в Одессе. «Воспользовавшись гвардейскими связями», пишет Фет, он получил место полицмейстера в Одессе. «Здесь он щеголял своими выездами, красотой и нарядами жены. Соображать его материальные средства со внешней обстановкой никому не приходило в голову. Все в городе шло обычной чередой; но по временам стали возникать небывалые явления. Начали пропадать молодые красавицы девушки, и все поиски

полицейскими оставались бесплодными»⁴⁸.

Вскоре выяснилось, что похищенные девушки продавались в наложницы и переправлялись в Константинополь; раскрылось также, что к этому делу каким-то образом причастен Вейнберг. Боясь расправы, он «выстрелил себе в лоб из пистолета, и так как ожидали его смерти, то и самое дело прекратилось. Но каким-то чудом, – пишет Фет, – рана Вейнберга оказалась не смертельной, и он выздоровел. Оставивши службу, он переехал в Петербург по желанию жены. Здесь во время моего пребывания, по случаю приурочивания ко смотру наследника цесаревича в 1853 г., Григорьев сказал мне однажды:

– Пойдем как-нибудь вечером к m-me Вейнберг. Она прелесть и интересная женщина. А мужа держит вроде рассыльного. Он охотник кутнуть, но она ему ни копейки не дает.

<...> Через год я узнал, что безвозмездная роль рассыльного, должно быть, показалась Вейнбергу невыносимой, и он, зарядив пистолет водою, разнес себе череп»⁴⁹. Таков был конец Вейнберга. На этом эпизоде обрывается и предварительный план воспоминаний.

Личность бывшего майора Вейнберга, по видимому, притягивала Фета. Он стал прототипом майора Вандберга – героя незаконченного прозаического сочинения «<Полковник Бергер>». Судьба этого человека несколькими штрихами набросана в черновом плане воспоминаний (здесь он Вейнберг), о непростых отношениях с ним говорится в «Ранних годах моей жизни» (здесь он тоже Вейнберг).

Майор Вейнберг явно не вызывал симпатий Фета, что стало причиной его разногласий с К.Ф. Ревелиоти. В одном из не дошедших до нас писем к Ревелиоти Фет, видимо, вспоминал о Вейнберге, рассказывал, как сложилась его судьба. В ответном письме к Фету Ревелиоти с жаром защищал своего сослуживца: «Скажи, когда бы ты тонул, и человек, рыдая, протягивал к тебе руки, чтобы спасти тебя, и ты остался в живых, какое чувство ты будешь питать к нему? и стал бы анализировать его поступки к другим? И еще вопрос, насколько эти слухи были справедливы относительно Вемберга⁵⁰. Была минута, когда он и Головня считали меня в гробу, и их слезы, рыдания похожи были, – лучше сказать, напоминали картину, описанную тобою: «За ними шла, шатаясь, мать, – Надгробное рыданье! – и мне казалось, так легко и самое страданье»⁵¹. Согласись, что за человек был бы я, если и после этого не сохранил бы к ним искреннего чувства признательности, любви»⁵².

Возможно, не без влияния Ревелиоти в «Ранних годах...» впоследствии появилось такое рассуждение о Вейнберге: «И поныне не могу забыть великодушного порыва Вейнберга, подтвердившего истину, что среди самых непохвальных наклонностей человека, в душе его могут таиться перлы, каких не найдется в душе

самого строго нравственного человека. Это отчасти и понятно. Так как всякий хороший или дурной порыв представляет самобытную деятельность, тогда как безупречность – условие только отрицательное»⁵³.

Таким образом, сохранившийся черновой набросок плана воспоминаний, относящийся примерно к 1878 – 1880 гг., раскрывает первоначальные намерения Фета-мемуариста. Согласно этому плану, воспоминания должны были открываться описанием событий 1848 г. и завершаться событиями 1853–1854 гг.; в них совмещались периоды кирасирской и уланской службы поэта. Не исключено, что это был набросок плана отдельной (начальной) главы воспоминаний. Однако в таком виде замысел воспоминаний не был осуществлен. Впоследствии Фет отошел от предварительно намеченного плана и начал свои воспоминания с событий 1852–1853 гг. (знакомство с Тургеневым и последовавшими вскоре после него хлопотами о переводе в лейб-гвардии уланский полк).

Намерение Фета написать мемуары, появившееся в конце 70-х гг., было реализовано спустя почти десятилетие. О времени начала работы над воспоминаниями поэт писал во вступлении к их первой журнальной публикации: «Радуюсь, что настоящие записки не дневник, а воспоминания с высоты шестидесяти семи годовых ступеней, откуда знакомые предметы хотя и не теряют ясности очертаний, но далеко не кажутся такими огромными, какими казались, когда я стоял с ними рядом»⁵⁴. Вступление в окончательный текст мемуаров не вошло. Вместо него появилось «Предисловие». Но и в нем поэт повторил: «Если не таково побуждение, заставившее меня на 67-м году оглядываться на прошлую жизнь, то нельзя ли поискать других, более существенных»⁵⁵.

Итак, Фет начал писать мемуары на 67 году жизни, т.е. в 1887 г. В письме к С.В. Энгельгардт от 3(15) июня 1887 г. он сообщал: «Примусь, может быть, от скуки, в свободные от удушья часы, писать мемуары»⁵⁶. Следовательно, в июне 1887-го он еще только намеревался приступить к работе. В ответном письме от 10(22) июня 1887 г. Энгельгардт приветствовала это начинание: «Вы хорошо придумали писать Ваши мемуары»⁵⁷.

В это время резко ухудшилось состояние здоровья поэта. К стремительной потере зрения, из-за которого пришлось прибегнуть к помощи секретаря⁵⁸, добавилось обострение хронического заболевания органов дыхания⁵⁹. Это побудило поэта найти занятие, способное удовлетворить выработанную годами привычку к умственному труду. Во вступлении к журнальной публикации воспоминаний Фет писал: «Увеличивающаяся болезненность глаз лишает меня возможности продолжать работу над переводами; диктуя, уловлять мгновенные лирические вспышки, если бы такие и появлялись, – я не умею: для этого мне нужен карандаш; эпического таланта я в себе не сознаю, и вот я остановился на мысли оглянуться,

по возможности беспристрастно, на далекий и трудный путь моей долголетней жизни. Я решился диктовать свои воспоминания в их совокупности не с целью обнародования, хотя бы после моей смерти, а только чтобы сознательно снова пройти тот жизненный лабиринт, который пришлось проходить в неведении следующего дня»⁶⁰.

Возможно, его вдохновительницей была С.В. Энгельгардт, начавшая писать воспоминания в 1886 г., а в 1887-м опубликовавшая первые главы в «Русском вестнике»⁶¹. В письме к Фету от 11(23) июня 1886 г. она делилась возникшими в связи с этой работой проблемами: «Надо Вам сказать, что, не зная, чем рассеять тоску, я начала писать свои воспоминания. К сожалению, у меня руки связаны: о живых говорить правду нельзя, нельзя даже говорить и об умерших, которые оставили семейство. Вспоминая о прежних встречах, я не могу умолчать о Василье Петровиче Боткине, и прошу Вас, при помощи Марьи Петровны, сказать мне, каких он был лет, когда начал учиться. – Я слышала от Грановского, что он выкупил из крепостных человека, у которого были большие музыкальные способности: надо было заплатить большую сумму; тогда Боткин получил от отца небольшое содержание и лишал себя целый год любимых удовольствий, чтоб внести эту сумму. Точно ли это так? Не перепутала ли я чего-нибудь? Как бы хотелось рассказать об отношениях Василья Петровича с Григоровичем, н<a>п<ример>. – Нельзя, а ведь это прелесть!»⁶²

Хотя отклик Фета на это письмо неизвестен, он скорее всего был: в воспоминаниях Энгельгардт содержится замечательный портрет В.П. Боткина. Уже через год и Фет, подобно своей корреспондентке, встанет перед проблемой: как совместить правдивость воспоминаний с этическими нормами и не обидеть оставшихся в живых людей или их потомков обнародованием каких-то подробностей их жизни; как добиться объективного изображения событий прошлого при неизбежной субъективности их освещения?

Публикация фетовских мемуаров началась в августовском номере журнала «Русский вестник» за 1888 г., продолжилась в последующих номерах «Русского вестника» и «Русского обозрения». В 1890 г. «Мои воспоминания» вышли отдельным изданием. Предварительные заготовки мемуаров, связанные с периодом кирасирской службы поэта, позднее вошли в книгу «Ранние годы моей жизни» (1893).

Примечания

- ¹ Бухштаб Б.Я. Судьба литературного наследства А.А. Фета // Лит. наследство. М.; Л., 1935. Т. 22–24. С. 596.
- ² Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. / Гл. ред. В.А. Кошелев. СПб., 2002. Т. 1.
- ³ Бухштаб Б.Я. Указ. соч. С. 596.

- ⁴ Цит. по: Григорович А. История 13 Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. 2. 1809–1860 г. СПб., 1912. С. 149.
- ⁵ И.П. Новосильцов (1827–1890) – друг детства Фета, был шталмейстером императорского двора. Его отец П.П. Новосильцов был соседом Шеншиных по имению: Новоселки Мценского уезда Орловской губернии находились в нескольких верстах от с. Воин, родового поместья Новосильцовых.
- ⁶ Далее зачеркнуто: оба с Петей.
- ⁷ благим пожеланием, заветной мечтой (лат.).
- ⁸ Предложение обрывается.
- ⁹ Здесь конец страницы. На обороте этого листа находится план воспоминаний, за которым следует продолжение письма.
- ¹⁰ *Фет-Шеншин А.А.* Письма к Новосильцову И.П. // ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 3–3 об.
- ¹¹ *Фет А.А.* Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 275.
- ¹² ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 14. Ед. хр. 50.
- ¹³ К.Ф. Ревелиоти, сослуживец Фета по кирасирскому полку, умер 1 (12) августа 1880 г. См. о нем дальше.
- ¹⁴ См.: Блок Г.П. Летопись жизни А.А. Фета / Публ. Б.Я. Бухштаба // *Фет А.А.* Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 176.
- ¹⁵ Последнее письмо К.Ф. Ревелиоти к Фету было написано 20 июля 1880 г. В нем он сообщал о внезапной смерти своего родного брата Аристида Ревелиоти, а 1 августа он умер сам. Текст письма хранится в РГБ (Ф. 315. Оп. II. Картон 10. Ед. хр. 58. Л. 27–30 об.). Фет узнал о смерти Ксенофонта Ревелиоти из письма своего сослуживца по кирасирскому полку А.А. Кази от 17 ноября 1880 г. «Дорогой Афанасий Афанасьевич, – обращался к нему Кази, – если Ревелиоти до сего времени на твои два письма не ответил, то это потому, что с того света не пишут, он вслед за его братом вскоре и сам умер; жаль очень его, но что же делать? Это участь всех смертных. Теперь же Марья Степановна (жена К.Ф. Ревелиоти. – Л.Ч.), вероятно, уже несколько успокоилась и, если еще не писала тебе, то, наверное, скоро напишет». (ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 8. Ед. хр. 15. Л. 1).
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 5. Ед. хр. 58. Л. 1–1 об.
- ¹⁷ А.Л. Бржеская – давняя приятельница Фета; с нею и с ее мужем А.Ф. Бржеским он познакомился летом 1845 г., во время кирасирской службы в Херсонской губернии. Супруги Бржеские жили в своем имении Березовка Александровского уезда, в котором частым гостем был Фет. Приезжали туда и другие сослуживцы поэта (см. об этом: Блок Г.П. Фет и Бржеская // Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. 1922. № 2. С. 106–123).
- ¹⁸ Цитируется по автографу, начальный фрагмент которого воспроизведен в книге А.И. Григоровича, историографа и офицера 13 Драгунского полка (бывший кирасирский Военного Ордена полк). См.: *Григорович А.И.* История 13 Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. 2. 1809–1860 гг. СПб., 1912. С. 163.
- ¹⁹ Неточная цитата. В стихотворении куплет о Ревелиоти выглядит так:
А тут, лишь клетку повернете,
Для крошки в ящике простор;
Та крошка Фонька Ревелиоти,
Мала, но ноготок востер.
- См.: *Фет А.А.* Соч. и письма: В 20 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1839–1863 гг. СПб., 2002. С. 342.
- ²⁰ Этот факт (как и содержание самого письма) заставляет усомниться в верности датировки первого письма Фета к Ревелиоти в «Летописи жизни А.А. Фета». Вероятно, оно было написано не 12 июня, а 12 июля 1879 г. В книге А.И. Григоровича письмо Фета к Ревелиоти датируется 12 июля 1879 г. (см.: *Григорович А.И.* Указ. соч. С. 163).
- ²¹ «К.Ф. Ревелиоти из юнкеров полка произведен в корниеты в 1844 году, в феврале 1851 года уволен от службы штабс-ротмистром и поселился в своем родном имении Акточи, Симферопольского уезда» (*Григорович А.И.* Указ. соч. С. 157).
- ²² Н.И. Небольсин служил в Орденском полку в 1841–1853 гг. В 1849 г. Фет сменил его на посту полкового адъютанта: Небольсин получил назначение на должность старшего адъютанта штаба корпуса. В 1853 г., будучи переведен в уланский полк, Фет неожиданно встретил Небольсина в старинном монастыре Коренная пустынь (в Курской губернии): «В церкви я неожиданно встретил бывшего нашего полкового любимца Н.И. Небольсина, от которого я принял должность полкового адъютанта. Я встретил его уже предводителем Щигровского уезда, а в настоящее время прах этого вполне прекрасного человека покоится в ограде Коренного монастыря, в котором мы встретились в последний раз» (*Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 18).
- ²³ А.Б. Энгельгардт – полковник, командовал кирасирским Орденским полком с 11 мая 1834 г. по 6 февраля 1847 г.
- ²⁴ К.Ф. Бюлер командовал кирасирским Орденским полком с 21 апреля 1848 г. по 16 апреля 1853 г.
- ²⁵ *Ревелиоти К.Ф.* Письма к Фету-Шеншину А.А. 1879 – 1880 // ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 10. Ед. хр. 58. С. 3–7 об.
- ²⁶ Письмо от 27 июля 1879 г. // Там же. Л. 1.
- ²⁷ Письмо от 4 августа 1879 г. // Там же. Л. 11 об.
- ²⁸ Далее следовал текст письма А.Б. Энгельгардта к отцу Ксенофонта Ревелиоти: «Оставляя в скором времени полк, которым имел счастье командовать почти целых тринадцать лет, скажу в похвалу сына вашего, что в продолжение всей нашей совместной службы я всегда в нем имел самого усердного и ревностного сотрудника, – что я его, сверх сего, любил и люблю как человека благовоспитанного, нравственности безукоризненной (чего о тебе нельзя было сказать), сердца доброго и наклонностей самых благородных. 24 марта 1847 г. <нрзбр> Александр Энгельгардт. Г. Новогеоргиевск» (Там же. Л. 14 об.).
- ²⁹ Письмо от 20 августа 1879 г. (датируется по почтовому штампу) // Там же. Л. 12 об., 14, 14 об.
- ³⁰ См.: *Фет А.* Мои воспоминания: В 2 ч. М., 1890. Ч. II. С. 372–380.

- ³¹ Далее зачеркнуто: Березовки.
³² Зачеркнуто: Бал.
³³ Далее зачеркнуто: Софи.
³⁴ Далее зачеркнуто неразборчиво написанное слово.
³⁵ *Фет-Шениин А.А.* Письма к Новосильцову И.П. // ОР РГБ. Ф. 315. О. II. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 3 об.
³⁶ *Блок Г.П.* Летопись жизни А.А. Фета. С. 150.
³⁷ Там же. С. 151.
³⁸ *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 302.
³⁹ Начальный отрывок этой повести опубликован в издании: *Фет А.А.* Соч. и письма: В 20 т. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. СПб., 2006. С.149–155.
⁴⁰ *Фет А.* Мои воспоминания. Ч. I. С. 9.
⁴¹ Комментируя непростые отношения Фета с младшим офицерским составом полка, А.И. Григорович, бывший офицер и историограф этого полка, писал: «Некоторая шероховатость в течение первого года адъютантства Афанасия Афанасьевича в отношении с товарищами, раздутая фантазией поэта, отмечена им в воспоминаниях, записанных много лет спустя. Сохранившаяся в семейных архивах переписка Фета с бывшими однополчанами, а также рассказы И.П. Бернарди, Н.И. Гиржева, барона Ю.П. Толя и др. старых кирасир-орденцев устанавливают вполне дружеские товарищеские отношения». (см.: *Григорович А.И.* Указ. соч. С. 162).
⁴² Речь, вероятно, идет о В.П. Пилипенко, служившем в полку с 1845 по 1858 г. (см.: *Григорович А.И.* Указ. соч. С. 198).
⁴³ Прототипом его стал корнет К.А. Гревс, служивший в полку в 1848–1851 гг.
⁴⁴ Речь, вероятно, идет о В.В. Кашенко, служившем в полку в 1832–1854 гг.
⁴⁵ *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 437–438.
⁴⁶ Там же. С. 449–454.
⁴⁷ Этот сюжет впоследствии вошел в главу LVII воспоминаний под названием «Офицерское собрание в саду» (см.: *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 457–462).
⁴⁸ *Фет А.* Ранние годы моей жизни. С. 547.
⁴⁹ Там же. С. 547–548.
⁵⁰ В письмах Ревелиоти фамилия этого человека Вемберг.
⁵¹ Неточная цитата из стихотворения Фета «Был чудный майский день в Москве...». У Фета: «За гробом шла, шатаясь, мать, – / Надгробное рыданье! – / Но мне казалось, что легко / И самое страданье» (см.: *Фет А.А.* Соч. и письма. Т. I. С. 300).
⁵² ОР РГБ. Ф. 315. Оп. II. Картон 10. Ед. хр. 58. Л. 13–13 об.
⁵³ *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. С. 465.
⁵⁴ *Фет А.А.* Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. Т. 197. Август. С. 3. Это вступление в окончательном тексте мемуаров заменено «Предисловием», хотя в указателе содержания главы это слово осталось, возможно, по технической ошибке Фета или издателя.
⁵⁵ *Фет А.* Мои воспоминания. Ч. I. С. IV.
⁵⁶ *Фет А.А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 393.
⁵⁷ Письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету. Часть III (1884–1891) / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 129.
⁵⁸ Секретарь Фета Е.В. Федорова писала А.В. Жиркевичу: «<...> я была у Афанасия Афанасьевича секретарем, заменяла ему глаза 6 лет и привязалась к нему всюю душой, всем сердцем» (Письма секретаря А.А. Фета Екатерины Владимировны Федоровой к А.В. Жиркевичу / Публ. Н.Г. Жиркевич–Подлесских // А.А. Фет и русская литература: Материалы Всерос. науч. конф. «XV Фетовские чтения». Курск, 2000. С. 20).
⁵⁹ В письме к Энгельгардт от 3 (15) июня 1887 г. поэт признавался: «Чтобы коротко объяснить сущность дела, скажу, что я совершенно болен и у постели моей уже стоит кресло, чтобы сидеть на нем ночью, когда удушье поднимет из постели» (*Фет А.А.* Стихотворения. Проза. Письма. С. 392).
⁶⁰ *Фет А.А.* Из моих воспоминаний // Русский вестник. 1888. Т. 197. Август. С. 3.
⁶¹ Из воспоминаний Ольги Н. // Русский вестник. 1887. № 10. С. 690–715; № 11. С. 159–180.
⁶² Письма С.В. Энгельгардт к А.А. Фету. Часть III (1884–1891). С. 125.

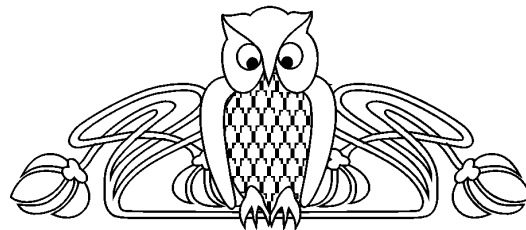
УДК 821.161.1.09-3+929 [Чернышевский + Чехов]

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЧЕХОВ: КРИТИКА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»

Н.В. Новикова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье рассматривается эволюция представлений Чернышевского о герое гоголевской «Шинели» (от апологетики гуманистического чувства к тому, «который нуждается в защите», до отрицания его права на сочувствие, до высказывания «невыгодной правды» о нём) с целью показать рецидивы подобного толкования маленького человека в отечественном чеховедении.

Ключевые слова: русская литература, Гоголь, Чернышевский, Чехов, «маленький человек», критика.

Chernyshevsky and Chekhov: Criticism of «the Little Man»

N.V. Novikova

The article examines the evolution of Chernyshevsky's views on the hero of Gogol's novella «The Greatcoat» (starting from humanistic compassion for «the one who needs protection» and finally arriving

to denial of his right to compassion, to telling «the unfavorable truth» about him) – in order to show the recurrence of such interpretation of «the little man» in our Chekhov studies.

Key words: Russian literature, Gogol, Chernyshevsky, Chekhov, «little man», criticism.

Для Чернышевского, чья литературно-критическая деятельность приходилась в основном на 1853–1863 гг., маленький человек существовал в обличье прежде всего гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина. Назвав его создателя в «Очерках гоголевского периода» (1855) «без всякого сравнения величайшим из русских писателей по значению»¹, подчеркнув, что «он первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление в столь плодотворном направлении, как критическое» (418), Чернышевский касался прежде всего «Ревизора» и «Мёртвых душ». Вторая часть труда, с обзором «деятельности русских поэтов и беллетристов, начиная с Гоголя» (502), где можно было бы предположить и обращение к «Шинели», не была сделана. Однако уже в первой части мелькало сочувственное: «Гоголю многим обязаны те, которые нуждаются в защите» (421). Критик разделял гуманистический пафос писателя. Такое отношение к Гоголю сохранилось у него на протяжении по крайней мере ещё нескольких лет. В 1857 г., в статье «Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Издание П.А. Кулиша» Чернышевский задавался вопросами: «Что же за человек был он (Гоголь. – Н.Н.) в последнее время своей жизни?» «Чего теперь хотел он в жизни для тех меньших братьев своих, которых так благородно защищал прежде?»² Критик склонялся к тому, что «человек, так сильно любивший правду и ненавидевший беззаконие, как автор “Шинели” и “Ревизора”, не способен был никогда, ни при каких теоретических убеждениях окаменеть сердцем для страданий своих ближних» (187).

Резкая перемена во взгляде Чернышевского на гоголевского маленького человека – в статье 1861 г. «Не начало ли перемены?» Статья, собственно, не о маленьком человеке, а, как известно, о намечающихся переменах в изображении народа. Критик усматривал у «мальчишек, вроде г. Успенского» (217), новый – «отрадный», по его мнению, – подход к коренной теме отечественной литературы, поскольку «наши прежние отношения к народу, как будто к невинному в своем злосчастии Акакию Акакиевичу, никуда не годятся» (217). Образ гоголевского героя мифологизировался и приносился в жертву более насущной задаче, ибо, считал Чернышевский, прошло время сострадательного внимания к забитому сословию, когда можно было «говорить о нём только то, что нужно для возбуждения симпатии к нему» (216). Близилось «время нужды в героическом», возрастала потребность «писать о народе правду без всяких прикрас» (214), «говорить о мужиках без церемоний» (254), «беспристрастно вникать в обстоятельства, от которых происходит его (народа. – Н.Н.) беда», «не конфузиться укоризнами»: «вы чувствуете, что в суровых ваших словах

слышится любовь к нему и что они полезны для него, – гораздо полезнее всяких похвал» (214). «Мы замечали, – писал Чернышевский, – что резко говорить о недостатках известного человека или класса, находящегося в дурном положении, можно только тогда, когда дурное положение представляется продолжающимся только по его собственной вине и для своего улучшения нуждается только в его собственном желании изменить свою судьбу» (248–249). В связи с этим Чернышевский побуждал писателей «отстать от идеализирования народа» (214), от писания «панегириков ему»: «Если положение представляется безнадежным, вы толкуете только о том, какие хорошие качества находятся в несчастном, как безвинно он страдает, как злы к нему люди, и так далее. Порицать его самого показалось бы вам напрасною жестокостью, говорить о его недостатках – пошлою бесчувственностью <...> говорить в ином тоне было бы вам совестно» (214).

Вслед за этим и появилась тирада о гоголевской трактовке образа Акакия Акакиевича: «Упоминает ли Гоголь о каких-нибудь недостатках Акакия Акакиевича? Нет, Акакий Акакиевич безусловно прав и хорош; вся беда его приписывается бесчувствию, пошлости и грубости людей, от которых зависит его судьба <...> Акакий Акакиевич страдает и погибает от человеческого жестокосердия. Так, подлецом почел бы себя Гоголь, если бы рассказал нам о нём другим тоном» (215). С точки же зрения критика, «причина бедствий и унижений» Акакия Акакиевича заключалась в «нём самом, только в нём самом» (215).

Заметим, кстати, что до этого Чернышевский неоднократно, в том числе размышляя о Гоголе и его героях, ссылаясь на довлеющий характер общественных обстоятельств, препятствовавших нормальному человеческому существованию: «Лучше всего подумать о том, какими обстоятельствами и отношениями порождены и поддерживаются в нашем обществе пороки, которыми мы недовольны, и каким образом можно было бы отстранить эти обстоятельства и улучшить эти отношения» (156). «Кто поручится за человека, живущего в нашем обществе? – вопрошал критик. – Кто поручится, что самое горячее сердце не остынет, самое благородное не испортится?» (187).

Чернышевский «выставлял» «невыгодную для Акакия Акакиевича часть правды»: тот, как оказалось, «имел множество недостатков, при которых так и следовало ему жить и умереть, как он жил и умер. Он был круглый невежда и совершенный идиот, ни к чему не способный. Это видно из рассказа о нём, хотя рассказ написан не с тою целью» (216).

Думается, сюжет с Акакием Акакиевичем, опосредованно относившийся к теме статьи, появился здесь как наиболее убедительная персонафикация, подходящая для публицистического заострения мысли. Народ, по Чернышевскому, «являлся перед нами в виде Акакия Акакиевича, о котором можно только сожалеть <...>, писали о

народе точно так, как написал Гоголь об Акакии Акакиевиче. Ни одного слова жестокого или порицающего. Все недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Налегается только на то, что он несчастен, несчастен, несчастен» (216).

Чернышевский весьма критично отозвался о послегоголевской литературе, посвящённой теме народа, поскольку она, с его точки зрения, «насквозь пропитана запахом “шинели” Акакия Акакиевича» (217)³. Характеризуя положение дел на важнейшем участке литературы с помощью уподобления – изображение мужика сродни изображению маленького человека, – критик ограничился самым выразительным примером – гоголевским. «Бедные люди» Достоевского, присутствуя подспудно, в оценках Чернышевского не фигурировали. Думается, это объяснялось и универсальностью приведённого аргумента, и неприязнью к чрезмерной «умилённости» автора главным героем, и пониманием принципиальных различий Башмачкина и Девушкина. Последний был иной природы⁴.

Когда Чернышевский нелюбезно отзывался о гоголевском герое, Чехов только родился. Ко времени вхождения его в литературу – к началу 80-х гг. – традиция изображения маленького человека обрела классические формы. Тип как таковой остался, поскольку иерархические отношения в обществе сохранились, но под пером Чехова первой половины 80-х гг., в изменившихся условиях, он получает новые черты, которые корреспондируют, скорее всего, с результатами художественных исканий предшественников, а не с интерпретациями их в критике. Во всяком случае, никаких свидетельств о знакомстве Чехова с рассматриваемой позицией Чернышевского, тем более об ориентации на неё, нет⁵. И тем не менее в научный оборот давно вошло суждение такого рода: «Чеховское отношение к “маленькому человеку” совпадает с мыслями, высказанными Чернышевским»⁶. Материал ранних рассказов Чехова убеждает исследователя в том, что писатель «прежде всего решительно отказывается от каких бы то ни было иллюзий, стремясь противопоставить им нагую правду жизни», что, «рисую действительное положение вещей, Чехов показывает не только умственное убожество своих героев, не только отсутствие у них чувства собственного достоинства, элементарнейшего самосознания, но и их кровную связь с тяготеющим над ними деспотизмом»⁷. По логике Г. Бердникова, воссозданная Чеховым картина падения маленького человека объективно восходит к развенчанию его Чернышевским. Иными словами, обвиняя маленького человека, дабы таким образом «пробудить у него стремление бороться за своё человеческое достоинство»⁸, Чехов идёт вслед за великим демократом. При этом исследователь ссылается, как в своё время Чернышевский, и на давление общества, видя в этом одну из причин падения известного героя: «Дело не в особенностях характера Червякова,

а в господствующих нравах»⁹, «мы сознательно выделили те юмористические рассказы Чехова, в которых особенно ясно и отчетливо проявляется связь между общественным устройством и явлениями нравственного мира»¹⁰.

Что же на самом деле сказал Чехов о маленьком человеке? В чеховских героях такого плана, безусловно, проглядывают черты, ухватки, узнаются интонации, преимущественно воспринятые от предшественников, поскольку они многократно подтверждены жизненной практикой. Маленький человек ранних рассказов Чехова входит в поле зрения практически всех исследователей его прозы, реже – в аспекте традиции. Сошлёмся для начала только на один варьирующийся сюжет – так называемую «праздничную повинность»¹¹. У Чехова своеобразный цикл таких рассказов («Пережитое» – 1883, «Лист» и «Либерал» – 1884, «Праздничная повинность», «Мелюзга», «Восклицательный знак», «Новогодние великомученики» – 1885 и т.д.).

Рассмотрим мотив хамелеонства, наследующий как минимум вековую традицию и оказавшийся одним из ключевых в чеховском слове о маленьком человеке. Герой-хамелеон, антигерой – постоянный персонаж ранней прозы Чехова. Не менее шестидесяти случаев обращения к нему можно насчитать в чеховской «мелочишке» 1880-го – начала 1886 гг. Пик приходится на 1883–84 гг. и увенчивается «эталонными» «Хамелеоном» и «Маской». Видимо, исчерпывающая завершенность этих образов компенсировала потребность оглянуться на их многочисленные предвращения.

В историко-литературной ретроспекции мотива и образа – знаковые и хрестоматийно знакомые эпизоды из жизни гоголевских и щедринских героев, персонажей Достоевского. Чеховская интерпретация распространённых коллизий генетически восходит к ним, в частности, к сравнительному описанию двух родов мужчин – «тоненьких» и «толстых» – в первой главе «Мёртвых душ»¹²; к первому же авторскому отступлению – «об умении обращаться» – со знаменательно хамелеонским «превращением» правителя канцелярии, «Прометей», «орла» в «куропатку», «муху» и даже «уничтожением» «в песчинку»¹³; к всё тому же «умению обращаться», которое материализовано в заглавной метафоре щедринского цикла «Помпадуры и помпадурши»: образу «молота плющильного», способного – после внушения «правил учтивости» – разбивать не только «целые кувалды чугунные», но и «кедровый орешек, положенный на стекло карманных часов»¹⁴.

То, как вырабатывается ввевшаяся привычка мимикрировать, показано уже в первом рассказе щедринского цикла – «Прощаюсь, ангел мой, с тобой!» Предыстория отставного генерала – настоящие хамелеонские прописи. Пробным камнем для его подчинённых становятся проводы старого помпадура. От вице-губернатора заглазно он по-

лучает «дурака»), а на прощальном обеде – «горячие дары, которые безмолвно, но красноречиво пламенеют в наших сердцах» (19). Под стать остальным и рассказчик, «человек преданный», как он себя аттестует: осмотрительно ведёт себя при вице-губернаторе, за счастье почитает быть допущенным к важной особе («первый раз в жизни я шёл рядом с начальником, а не следовал за ним “петушком”: несчастья уравнивают все ранги») (12), но выйдя на улицу, этот господин резко меняется, грубо кричит на «мужичьё проклятое», «свою обязанность» исполняет и его рука, обрушиваясь на «дерзкого» (13-14).

«Разночинец» Чехов героями ранней прозы избирает преимущественно не «толстых», а ближе стоящих к нему «тонких», находящихся у подножия пирамиды и потому в большей степени обречённых на поиски разного рода приспособительных, защитных приёмов. Ситуация провоцирует на хамелеонство в его неисчислимых формах и оттенках. Само слово «хамелеон» в чеховской прозе впервые появляется в рассказе «Двое в одном» (1883). В самом начале из уст героя, «высокопоставленного лица», звучит решительный и безжалостный приговор: «Не верьте этим иудам, хамелеонам!» Это «значительное лицо» едет в битком набитом вагоне конки и рассматривает «сих малых». В одном из пассажиров Оно с трудом узнает одного из своих канцелярских: «Человечек в заячьей шубёнке ужасно походил на Ивана Капитоньча <...> маленькое, пришибленное, приплюснутое создание, живущее для того только, чтобы поднимать уроненные платки и поздравлять с праздником. Он молод, но спина его согнута в дугу, колени вечно подогнуты, руки запачканы и по швам <...> лицо его кисло и жалко. <...> При виде меня он дрожит, бледнеет и краснеет, точно я съест его хочу или зарезать, а когда я его распекаю, он зябнет и трясётся всеми членами. Приниженнее, молчаливее и ничтожнее его я не знаю никого другого»¹⁵. Виденное – разительный контраст с примелькавшимся: «человечек не был так согнут», «не казался пришибленным, держал себя развязно и, что возмутительнее всего, говорил с соседом о политике. Его слушал весь вагон». Потом «он набросился на кондуктора за то, что в вагоне было темно» («Что это за беспорядки? Проучить вас некому!...»), взвился на замечание кондуктора о том, что «здесь курить не велено» («Кто это не велел? Кто имеет право? Это посягательство на свободу! Я никому не позволю посягать на свою свободу! Я свободный человек!») (2, 10).

Но голос этого «свободного человека» дрогнул, как только он узнал смех своего начальника. Весь он «моментально изменился», «сел и спрятал свой носик в заячьем меху». Начальник недоумевает, как «дрянь этакая» умеет говорить слова «филистер» и «свобода»: «Верь после этого жалким физиономиям этих хамелеонов!» (2, 11). Приговор, прозвучавший дважды, приходится

принимать с поправкой на того, кто его произносит. Причина гнева «высокопоставленного лица», вполне вероятно, в том, что оно увидело себя введённым в заблуждение «жалкой физиономией» подчинённого, обманутым и даже преданным: образ заурядного хамелеона ассоциируется у него с библейским героем. Но, очевидно, и автор не одобряет подобного раскрепощения, и ему хамелеонство представляется не столь безобидным, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что поведением героя обесценивается само понятие свободы. Громогласное заявление его о правах и свободах демагогично и поэтому не возвышает, а ещё более унижает: за образец им принято, судя по замашкам, безраздельное желание эти свободы попирает. Роль с чужого голоса, к тому же дурно исполненная, производит отталкивающее впечатление своей карикатурностью, свидетельствует о рабской психологии разбушевавшегося крикуна, что не может вызывать к нему сочувственного отношения. Чехов не наделяет героя действительной внутренней свободой, которая и делает человека человеком. Хамелеонство выступает здесь как примитивнейшая двойственность («двое в одном»), бесконечно далёкая от раздвоенности, двойничества с его «светлой»¹⁶ идеей.

Писатель не щадит коллежских регистраторов: они, на его взгляд, «среди великих мира сего то же, что пескарь среди рыб» (2, 182)¹⁷; «среди экспонентов, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме», коллежские регистраторы, по Чехову, отмечены «за эластические спинные хребты» (1883); «если бы мужчины одевались по-женски, – не успокаивается художник, – то – коллежские регистраторы носили бы ситцевые платья и, пожалуй, по высокаторжественным дням – барежьевые» (3, 7)¹⁸. И было за что их так высмеивать, а то и низводить, особенно в тех случаях, когда они предосудительными способами пытались продемонстрировать своё равенство со всеми, тем паче – превосходство.

Герой рассказа «Орден» (1884) – коллежский регистратор, учитель военной прогимназии Лев Пустяков – нашёл простой способ возвысить себя как в собственных глазах, так и в глазах окружающих: «сжульничал», раздобыл орден, чтобы произвести надлежащее впечатление на обеде у купца Спичкина. Не замедлила появиться и перемена в самоощущении: «Как-то и уважения к себе больше чувствуешь! <...> Маленькая штучка, а какой фурор производит!» (2, 302) – говорит он о заимствованном Станиславе. Но от самодовольного чувства Пустякову пришлось быстро отказаться, убоявшись разоблачения и срама: среди гостей он увидел своего коллегу. Комический эффект усиливается тем, что учитель французского языка, оказывается, поддался тому же соблазну покрасоваться. Следовательно, «оба грешны одним грехом, и некому, стало быть, доносить и бесславить» (2, 304). Нравственному

суду эти пошляки хамелеонские наклонности не подвергают.

Не приходится ждать этого и от героев таких рассказов, как «Исповедь», «На гвозде», «Торжество победителя», «Рассказ, которому трудно подобрать название», «Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало», «Толстый и тонкий», «Братец» (все рассказы – 1883 г.), «Хамелеон» (1884), «Вверх по лестнице» (1885).

Герой рассказа «Исповедь» вспоминает, как его, по всей видимости, мелкую сошку, незаметное безобидное существо лакейской должности, повысили по службе, хотя и с ничтожной прибавкой к жалованью: «меня, человека, переделали в кассира!» (2, 26). Радовался он этому событию безмерно, «чувствовал себя на шестнадцатом небе», но уровень притязаний говорит сам за себя: «На душе было волготно, хорошо, как у извозчика, которому по ошибке вместо двугривенного золотой дали». Эйфория застилает глаза, и новоявленный кассир упивается тем, как все вокруг переменялись: «Я увидел в человеке такие чудные качества, каких ранее и не подозревал» (2, 26).

Вместе со всеми – что особенно отрадно для героя – «изменился и З.Н. Казусов, один из членов правления, человек гордый, надменный, игнорирующий мелкую рыбицу». Ради того, чтобы можно было беспрепятственно пожить, Казусов совершил подвиг хамелеонства: «лазково улыбаясь, начал хлопать» новоявленного кассира по плечу и, желая подольститься, попенял: «Горды вы, батенька, не по летам. <...> Нехорошо! Отчего никогда не зайдёте? Грешно, сударь! А у меня собирается молодёжь, весело так бывает. Дочки всё спрашивают: “Отчего это вы, папаша, не позовёте Григория Кузьмича? Ведь он такой милый!” Да разве затаишь его? Впрочем, говорю, попробую, приглашу. Не лямаетесь же батенька, приходите!» (2, 26).

К герою, ставшему кассиром, протянул руки и брат, который до этого «терпеть его не мог», и «душечка» открыла ему свои объятия. Все беззастенчиво пользовались мягкостью, уступчивостью человека, который не мог отказать более сильному и вошёл во вкус, ворую: Казусову тому же «нельзя не дать. Он у нас воротила, и может каждую минуту спихнуть с места». За неделю до ареста по просьбе сослуживцев растратчик казённых денег устраивает вечер: «Все мои девять комнат были запружены народом, – вспоминает он. – Были старшие и младшие. <...> Были и такие, пред которыми гнул в дугу даже сам Казусов. <...> И все эти кричавшие, подносившие, лобызавшие шептались и показывали мне кукиш, когда я отворачивался» (2, 28). Налицо обоюдное хамелеонство: с одной стороны, того, кто, «вознесённый» из грязи, пользуется преимуществами своего нового положения, а потом падает в пропасть, с другой стороны, – тех, кто его к этой пропасти, «злорадно ухмыляясь» за спиной, подталкивает.

От подобных героев даже внешне выгодно отличается Максим Кузьмич Салотов («Женщина без предрассудков» – 1883). Его чин тоже «невелик», но, казалось бы, ничего общего с «человеком-ветошкой»¹⁹ обладатель такой фамилии и внешности иметь не может: «высок, широкоплеч, осанист <...> Сила его чрезвычайна. <...> Он храбр и смел. Не видели, чтобы он когда-нибудь чего-нибудь боялся. Напротив, его самого бояться и бледнеют перед ним, когда он бывает сердит. <...> Сила человек!» (2, 52). Однако и он не без изъяна: «Сила его стужёвывалась²⁰, и большое тело обращалось в большой пустопорожний сосуд», когда он объяснялся в любви. Слабое место Салотова – его прошлое. Он стесняется признаться в том, что «родители были не знатны и страшно бедны», что сам «был нищим»: «Будучи мальчиком, я продавал яблоки, груши. <...> Я был клоуном в цирке!» (2, 54). Память о прошлом порождает гипертрофированную неуверенность героя в сердечных делах. Но, к счастью, рудиментарное чувство незащищённости, забитости преодолевается любовью и пониманием Елены Гавриловны.

А какая участь может быть уготована гувернантке, героине рассказа с красноречивым названием «Размазня» (1883)? На умышленный произвол хозяина она «молчит», «не протестует». «Разве можно на этом свете не быть зубастой?» – возмущается тот. – «Она кисло улыбулась, и я прочёл на её лице: “Можно”» (2, 63). К слову сказать, только несколько героев ранних рассказов Чехова, как и все поставленные в зависимость от иерархических отношений, лишены лакейского инстинкта, сохраняют человеческое лицо, не желая пресмыкаться. Это, к примеру, объездчик Трифон из одноименного рассказа (1884) и Машенька Павлецкая из «Переполоха» (1886). «Молоденькая институтка, едва только кончившая курс», не задумываясь покидает дом Кушкиных, где она служила в гувернантках, после оскорбительного подозрения в краже хозяйской брошки. «Ученая беднячка» низость и подлость называет своими именами и умеет их презирать, не считая для себя возможным претерпевать обстоятельства. Эти персонажи – антиподы разнокалиберных хамелеонов, носители не умогнательного, а воплощаемого нравственного идеала. В сравнении с ними бросается в глаза, что хамелеонство свойственно натурам мелкотравчатым, какой бы пост ни занимал человек, кем бы в табели о рангах ни числился. У Чехова от хамелеонства не застрахован никто.

Среди чеховских героев начальной поры «тузы» с безнравственной привычкой к хамелеонству – не исключение. Помимо названного Казусова, это герой рассказа «Речь и ремешок» (1882). «Он собрал нас к себе в кабинет, – повествует рассказчик, – и голосом, дрожащим от слез, трогательным, нежным, приятельским, но не допускающим возражений, сказал нам речь» (1,

432). Герой мастерски вошёл в роль, обращаясь к подчинённым «не как начальник, а как человек», с просьбой отрешиться от либерализма, если «читаешь Щедрина», «читаешь тоже что-то такое», «сочиняешь... тово... статьи... и вольно держишь себя». Сцена была сыграна настолько артистически, что отеческий тон «пронял всех»: «Душа наша мылась в его словах. Нам хотелось умереть от раскаяния. Нам хотелось облобызать его, пасть ниц... зарыдать...» (1, 432). Но оказалось достаточно «ничтожества» – случайно выпавшего из кармана ремешка, – чтобы «здание рухнуло», «апофеоз не удался»: чиновники прыснули, «впечатление, произведённое речью, исчезло», и «всё погребло». Раздался «громовой голос», метнулся устрашающий взгляд. «Его глаза глядят на меня, только на меня... в упор!» – ужасается рассказчик. Маска сорвана, мгновенная перемена открывает истинное лицо начальника: «Где ты находишься? А? Ты в портерной? А? Забываешься? Подавай в отставку! Мне либералов не надо» (1, 433). От того, что сначала герой показан в уязвимой, слабой для себя позиции, и только потом – молниеносно вернувшимся к привычной, сильной, в хамелеонской его натуре ничего не меняет. Просто с этого момента заигрывание с подчинёнными может не произвести желаемого эффекта, или он достижим при более изощрённом артистизме, цинично подерживающем власть.

Генерал Шмыгалов из рассказа «Опекун» (1883) тоже резко меняется на наших глазах, но уже в ситуации домашней, частной жизни, хотя власть чина распространяется и на эту сферу. Генерал, в ответ на предложение молодым человеком руки и сердца его племяннице, сначала – сообразно статусу – обрушивает на него начальственный гнев: жених – «не пара» его племяннице «ни по состоянию», «ни по общественному положению». «Вы рехнулись что ли?» – кричит он, «топнув ногою». «Вы рехнулись, я вас спрашиваю? Вы... осмеливаетесь? – прошипел он, багровея. – Вы осмеливаетесь, мальчишка, молокосос?!» (2, 259). И далее – по нарастающей, «так грозно, что даже стёкла зазвенели», – характерные окрики: «Встать!! Вы забываете, с кем вы говорите! Извольте-с убираться и не показываться мне на глаза! Извольте выйти! Вон-с!» (2, 259). Но безродный жених, сумевший побороть робость и стойко продержавшийся перед лицом такой грозной силы, – редкий случай отпора ей – сумел вогнать генерала в краску, заставил сконфузиться и даже принести извинения: «Шмыгалов глубоко вздохнул и заморгал глазами. По лицу его разлилось выражение пришибленности, забитости. <...> Он стал казаться таким несчастным, обиженным! На лбу и на носу выступил крупный пот» (2, 261). Немыслимая метаморфоза объясняется просто: необходимость так яростно отстаивать честь семейства отпала, поскольку опекун был уличён в растрате и прощён. Оказывается, моло-

дой человек совершенно искренне собрался жениться не ради денег и карьеры, а по любви.

В «Альбоме» (1884) действительный статский советник Жмыхов в честь юбилея принимает подарок от своих подчинённых. Выведен он в роли «страдательной», как объект «традиционного низкопоклонства». Однако формальное по сути и сбивчивое по форме поздравление сослуживцев юбиляра взволновало: «По левой морщинистой щеке поползла слеза. – Господа! – сказал он дрожащим голосом. – ...Я тронут... даже... весьма... и верьте, друзья, что никто не желает вам так добра, как я... А ежели что и было, то для вашей же пользы» (2, 380). Прилично случаю, неприменная для чиновника четвёртого класса устрашающая властность здесь обозначена только намёком, но каждый помнит о своём месте даже в апогее торжеств: «Жмыхов, действительный статский советник, поцеловался с титулярным советником Кратеровым, который не ожидал такой чести и побледнел от восторга». Для чиновника десятого класса это – событие. Несмотря на то что «юбиляр ещё несколько раз принимался плакать от наплыва неизведанных доселе радостных чувств» (2, 381), остаётся повторить гончаровское: «А человек где? Человека забыли». Изъявлены и приняты на веру верноподданнические чувства. Каждая сторона счастлива по-своему, но что за всем этим стоит, объяснять не приходится.

Итак, Чехов художнически живописует хамелеонство явное и не проявленное (случай не представился), хамелеонство превосходительств нынешних и потенциальных, но справедливости ради требуется сказать, что чаще и беспощаднее всего – хамелеонство бесправных низших чинов, людей «подножия», придавленных иерархической громадой.

Маленький человек Пушкина, Гоголя, «униженные и оскорблённые» Достоевского были ограждены от подозрений в авторской немилости, утверждены в правах на гуманное к себе отношение. Достоевский, как известно, пошёл дальше и в первом своём романе показал маленького человека личностью, способной в стеснённых обстоятельствах сохранять чувство собственного достоинства, заговорил о превосходстве в нём нравственного над социально обусловленным. Правда, после таких «бедных людей» появились Голядкин, в котором это нравственное было драматически потеснено и едва не загублено, «обитатели» села Степанчикова под тиранией Опискина, человек «подполья»... Чехов вслед за Достоевским, который низверг с пьедестала им же возвеличенного маленького человека, посягает на святое: за редким исключением маленький человек у него без всяких поправок таковой: ничтожество, нолик, червяк, пигмей, «мелюзга». Другое дело, что «мелюзговость» могла быть присуща всем – независимо от исходной сословной прикреплённости и сословных перегородок – как характеристика

нравственно-психологического порядка, точнее – безнравственного.

Этапным моментом в развитии мотива хамелеонства «мелюзги» является философская миниатюра «Человек» (декабрь 1886). «Тяжело и скучно быть человеком! <...> О, как я буду счастлив, когда перестану быть человеком!» – в устах официанта, осознающего своё приниженное, рабское положение и тяготящегося им, это звучит более чем достойно, если бы не финал: «Молодой пессимист <...> сделал почтительное лицо, рванулся с места и побежал» (4, 461) ... прислуживать, а судя по готовности и рвению – «прислуживаться». По всей видимости, нежелание «быть человеком» в узком смысле слова оборачивается для него тем же самым и в переносном²¹. Устремление, идеальное с философской точки зрения, окарικатурируется ресторанным «человеком», но от этого в авторском видении оно не перестаёт быть идеальной целью²². И хотя «смешное» в рассказе преобладает, за ним уже угадывается «трагическое», пронизывающее в том числе и характерно чеховские размышления о счастье.

Сказав своё слово о хамелеонстве, Чехов постепенно вступает в иную полосу творческого осмысления действительности. Любопытно и, на наш взгляд, показательное, что с начала 1886 г. писатель покидает обкатанную колею. В гораздо большей степени его начинает занимать другое, вызревшее в недрах неисчерпаемой темы: «томление о счастье и бессмыслие жизни», один за другим будут появляться «рассказы о тоскующем человеке» и среди них, открывая список, – «Мелюзга» (1885)²³.

Думается, такой поворот намечается не только потому, что в декабре 1885 г. состоялась поездка писателя в Петербург, произошло знакомство с Сувориным и возникло ощущение перспектив. Более значительными представляются причины внутренние. Чехов предъявил хамелеонству не столько социальный, сколько нравственный счёт, в том числе личный. Видимо, 1886-й год стал переломным для писателя ещё и потому, что к этому времени, неустанно «дрессируя» себя, «выдавливая из себя по каплям раба», он как человек с родовым наследием крепостного, детство и раннюю юность проведший в унижениях, чувствует, что «в его жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая человеческая»²⁴. Обретая наконец желанное чувство внутренней свободы, он не забудет того, через что прошёл.

В этом же ряду следует рассматривать и многократно цитировавшийся совет Чехова в письме к старшему брату Александру от 4 января 1886 г.: «Брось ты, сделай милость, своих угнетённых коллежских регистраторов! Неужели ты нюхом не чуешь, что эта тема уже отжила и нагоняет зевоту? <...> Реальнее теперь изображать коллежских регистраторов, не дающих жить их превосходительствам» (I, 176).

Итак, публицистическая критика маленького

человека Чернышевским была неслучайной, исходила из революционно-демократической логики его понимания развивающейся действительности. Речь шла о соответствии или несоответствии человека назревающим преобразованиям. В оценке героя Чернышевский руководствовался социально-историческим критерием, винил маленького человека за то, что он не может и не хочет осознать себя человеком.

Для Чехова критика маленького человека тоже была неслучайной. Самую невыгодную его сторону – хамелеонство как добровольное самоуменьшение, самоуничижение – художник изображал, располагая опытом предшественников и своим собственным житейским опытом, не ограниченным одними наблюдениями. В свою очередь «дискредитируя» героя, писатель оценивал его «мелюзговость» с точки зрения нравственно-этической, нравственно-философской. При этом он концентрировал внимание не на пресловутой «среде», не на объективных причинах, а на субъективном факторе: в одних и тех же обстоятельствах разные люди ведут себя по-разному, в большинстве своём – не заботясь о сохранении человеческого облика. Примеры обратного, показанные Чеховым, в контексте его раннего творчества и в дальнейшем выполняли функцию нравственной константы.

Однако было бы несправедливым отрицать, что критическое переосмысление маленького человека как типа было начато в «Двойнике» Достоевского, критика этого феномена Чернышевским совпала по времени с появлением целого ряда хамелеонствующих героев того же писателя. Чеховские персонажи довершают представление об индивидуально-авторской специфике классического характера.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Избранные эстетические произведения. М., 1973. С. 416. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.
- ² Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 186. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.
- ³ Попутно отметим, что в ряд таких писателей вместе с Григоровичем помещён Тургенев, о котором ещё Белинский сказал, что он «зашёл к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто ещё не заходил» (Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 832). Видимо, Чернышевский, поставив «Записки охотника» на одну доску с «Шинелью», имел в виду опять-таки идеализацию, только иного рода, чем в случае с Акакием Акакиевичем, – когда «изображали нам простолыдинов такими благородными, возвышенными, добродетельными, кроткими и умными, терпеливыми и энергичными, что оставалось только умиляться над описаниями их интересных достоинств и проливать нежные слёзы о неприятностях, которым подвергались иные такие милые существа, и подвергались всегда без всякой вины или даже причины

- в самих себе» (248). В описании этом угадывались в большей степени «бедные люди» Достоевского, чем Тургенев, косвенным образом характеристика касалась их. Нельзя не вспомнить при этом известного признательного высказывания Достоевского о том, насколько сильным было гоголевское воздействие на него самого и писателей «натуральной школы»: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»».
- 4 О сложном, переменчивом отношении Чернышевского к Достоевскому см.: *Егоров Б.Ф.* Чернышевский о Достоевском // *Чернышевский*. Статьи, исследования и материалы. Саратов. 1978. Вып. 8. С. 120–126.
 - 5 Известно только об одной «встрече» критика с писателем: Чернышевский после возвращения из Сибири прочёл «Степь» и некоторые рассказы уже состоявшегося художника и благожелательно отозвался о них в письме Барышеву-Мясницкому, о чём сам автор знать никак не мог. Подробнее об этом: *Свердлина С.В.* Чернышевский читает «Степь» А.П. Чехова // *Чернышевский*. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1997. Вып. 12. С. 36–45.
 - 6 *Бердников Г.П.* А.П. Чехов, идейные и творческие искания. 3-е изд., дораб. М., 1984. С. 28.
 - 7 Там же. С. 29.
 - 8 Там же. С. 28.
 - 9 Там же. С. 30.
 - 10 Там же. С. 34.
 - 11 *Борисов Ю.Н.* Грибоедовские мотивы в прозе А.П. Чехова (рассказ «Праздничная повинность») // *Изучение литературы в вузе: Учеб. пособие*. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 68–76.
 - 12 На это обратил внимание М. Громов (см.: *Громов М.* Поэтика традиции (Чехов и Гоголь) // *Громов М.* Книга о Чехове. М., 1989. С. 147–149). По мнению исследователя, у Чехова «традиция реализуется зачастую в формах травестирования и пародии, как это произошло с классическим типом «маленького чиновника»: в истории Червякова «переосмыслен не только сюжетный конфликт, но весь художественный мир гоголевской «Шинели»» (Там же. С. 147).
 - 13 *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1978. Т. 5. С. 47–48.
 - 14 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1969. Т. 8. С. 9. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте. Отметим, что сатирик работал над этим циклом рассказов с 1863 по 1874 г., т.е. описанное им приходилось на годы первых жизненных уроков будущего писателя Чехова.
 - 15 *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1975. Т. 2. С. 9. Далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте.
 - 16 В начале 1870-х гг. Достоевский занёс в записную тетрадь свои мысли о «Двойнике», появившемся вслед за «Бедными людьми»: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея её была довольно светлая, и серьёзное этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 489). Как известно, в центре внимания автора – мотив внутреннего раздвоения героя, борьбы противоположных побуждений, приводящей к возобладанию в нём нравственного начала. Чеховская реминисценция с внешними элементами характеристики Голядкина-младшего – не в пользу собственного героя.
 - 17 Из рассказа «3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка» (1883).
 - 18 Из рассказа «Несообразные мысли» (1884).
 - 19 Этот выразительный образ встречается в «Бедных людях». Нельзя не согласиться с тем, что Достоевский «наполнил эту формулу глубоким трагическим содержанием, превратив её в обобщённое выражение судьбы забитого и униженного человека, страдающего от потери своих человеческих прав» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 487).
 - 20 Как указывают комментаторы, это словечко в своё время было усвоено Достоевским «из полушутливого жаргона учащихся Главного инженерного училища». В цитированной выше записной тетради Достоевского есть такие слова: «Я изобрёл или, лучше сказать, ввёл одно только слово в русский язык, и оно принялось, все употребляют: глагол «стусеваться» (в Голядкине)» (Там же. С. 489). В чеховском контексте этот глагол невольно воспринимается отсылкой к «источнику».
 - 21 Через четверть века И. Шмелёв в своём «Человеке из ресторана», через голову Чехова, сосредоточившегося на неблагодарном материале, в духе «Бедных людей» Достоевского возродит безоговорочно уважительное отношение к «малым сим».
 - 22 Такой приём скрытой характеристики героя Чехов будет использовать не менее концептуально и впредь – применительно ещё к одному «человеку». Беликов – исключительная карикатура на «влюблённого антропоса», но именно это, недоступное «человеку в футляре», состояние души и есть авторский критерий прекрасного.
 - 23 Из черновых записей А.П. Скафтымова о Чехове / Сост., вступ. заметка, подготовка текстов, примеч.: А.А. Гапоненкова // *Филология: Межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 1998. Вып. 2. С. 174–177, 180.
 - 24 Из письма Суворину от седьмого января 1889 года (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 133). Далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте.

УДК 821.112.2.0931+929 Дёблин

БЕРЛИНСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ А. ДЁБЛИНА «БЕРЛИН, АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ»

А.Г. Кабисов

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: kabisov.alex@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению документальных и псевдодокументальных элементов образа Берлина в романе А. Дёблина «Берлин, Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе» (1929). Рассматриваются возможности «нового конструктивизма» и техники монтажа для создания образа мегаполиса, «берлинский дискурс» романа и его функции.

Ключевые слова: немецкая литература, Берлин, Дёблин, документализм, урбанизм, монтаж.

Berlin Discourse in A. Döblin's «Berlin Alexanderplatz»

A.G. Kabisov

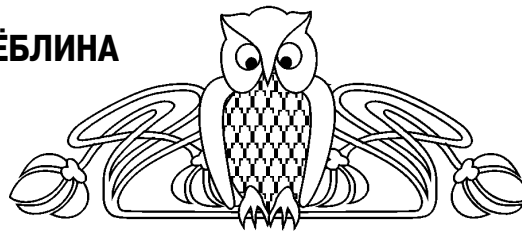
The article considers documentary and pseudo-documentary elements in the image of Berlin in Döblin's classic novel, the connection between «Neue Sachlichkeit», montage technique and the literary picture of the metropolis, the functions of “Berlin discourse” in the novel.

Key words: German literature, Berlin, Döblin, documentary writing, urbanism, montage.

Роман Альфреда Дёблина «Берлин, Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе» (Alfred Döblin *Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf*, 1929), как и другие произведения этого великого писателя, признанного в Германии ведущим представителем «нового конструктивизма» XX в., недостаточно изучен в отечественной германистике. В отдельных наблюдениях Н.С. Лейтес, Н.С. Павловой, В.Д. Седельника¹, как и в работах зарубежных исследователей², упоминается значение образа Берлина в романе, будь то в качестве социокультурного контекста, среды или силы, влияющей на Биберкопфа, или даже действующего лица, что вплотную подводит к мысли о необходимости более подробной разработки этого вопроса.

Мы выделяем в образе Берлина у Дёблина три структурообразующих пласта: Берлин глазами главного героя Франца Биберкопфа, авторское описание города и то, что станет предметом данной статьи, – собственно берлинский дискурс в романе, или введение в роман документального материала из жизни города.

Для создания «самоописания» Берлина Дёблин активно пользуется техникой монтажа, вставляя в роман фрагменты городской реальности или псевдореальности. В этом заключается стилевая близость романа к новому конструктивизму, популярному в немецкой литературе 20-х гг. и открывшему возможность сосуществования документального и фикционального начал.

Прежде всего, Берлин постоянно присутствует в тексте на уровне языка. Персонажи часто употребляют в речи слова или выражения из берлинского диалекта, что способствует той точности и объективности изображения, к которой стремился Дёблин. К сожалению, эта особенность романа неизбежно теряется при переводе, но остается эффект, на который обратил внимание еще Вальтер Беньямин, сказав о том, что даже самые неожиданные события в романе кажутся давно подготовленными.³

Дискурс Берлина состоит из отрывков газетных и журнальных статей, официальных документов, политических речей, рекламы, сводок погоды, городских сплетен и т.д. Он выполняет не только функцию декораций для создания атмосферы городской жизни, но и вносит свой вклад в смысловое наполнение романа.

Если в первой книге Дёблин показывает Берлин преимущественно глазами Франца, то в первой главе второй книги читатель сталкивается с обширным фрагментом «самоописания» Города. Начинается он с перечня отраслей городского хозяйства. В немецком издании романа он предварен гербом Берлина, и каждая из его десяти строк снабжена соответствующим изображением, напоминающим дорожный знак. Это своего рода визитная карточка Берлина. Затем следует объявление «О публикации плана земельного участка», разрешение на отстрел кроликов за подписью бургомистра, газетное сообщение об отставке мастера скорняжного цеха, сводка погоды для Берлина. Город как бы возражает Францу или убеждает читателя: никакого хаоса, везде порядок, все регламентировано, все работает, как часы. Продолжение того же парадно-приличного, цивилизованного тона – объявление, по всей видимости, в трамвае № 68 или на остановке о маршруте, тарифах, количестве мест. Вот только конечная у него, как у Франца Биберкопфа, – психиатрическая лечебница, а «вход и выход во время движения сопряжены с опасностью для жизни»⁴. Трамвай, относительно новый вид транспорта, стал одним из символов Берлина 20-х гг. Трамвай – символ Города и в романе. Франц передвигается по городу либо пешком, либо на трамвае (автомобиль для него роскошь, позволительная только при ограблении или доставке его покалеченного или сонного). Причем пользуется он им по преимуществу в каком-то полусознательном состоянии.

Трамвай просто подбирает его на остановке и везет либо туда, куда Франц не хочет (в начале «На 41-м – в город»), либо туда, куда его тянет что-то непонятное ему (Город) – обратно к тюрьме, т.е. трамвай выступает курьером Города. А также и его глашатаям: «А билеты эти прокомпостированы четыре раза в определенных местах, и на них значится на том же самом немецком языке, на котором написаны библия и гражданский кодекс: «Годен на одну поездку в одном направлении, одним маршрутом, без права пересадки» (4, с. 196). Надпись на трамвайном билете можно спокойно перенести на Франца, на человека вообще. Человеческая жизнь – это и есть такая поездка.

Иногда текст Города прямо влияет на развитие событий. Так, Франц взял на реализацию журналы, посвященные гомосексуальной тематике, что чуть не привело к разрыву с подругой. На следующий день она «с размаху шваркнула под ноги своему противнику (торговцу) пачку журналов... Дальнейшее затерялось в шуме и грохоте уличного движения» (4, с. 84). Дёблин явно иронизирует над содержанием этих журналов и над тем, как Франц их читает: «Но у безотрадной тишины не было ни слуха, ни сердца (а ноги у нее были или нос?)... Взор ее лихорадочно блестящих глаз блуждал в темноте, губы ее дрожали, двоеточие, кавычки, о Лора, тире, тире, Лора, тире, кавычки, точка – точка, точка, запятая, вышла рожица кривая...» (4, с. 83). Кроме того, журнал содержит историю об отношениях почтенного «лысого господина» и «красивого мальчика, который сразу взял его под руку» (4, с. 81), а также объявление «Внимание гермафродитов!». Все это дает представление о Берлине как логове греха и разврата и тесно связано с символическим образом вавилонской блудницы, в котором переплетаются морально-религиозный и социальный смысловые пласты произведения.

Часто появляющиеся заметки о бытовых убийствах и других преступлениях напоминают об убийстве, совершенном Францем за четыре года до начала повествования, и предвещают убийство Мицци, ставшее для героя финальным ударом судьбы, переломным моментом в его развитии. Объекты этой криминальной хроники являются, с одной стороны, прототипами-двойниками Франца, а с другой – указывают на массовый характер влияния Берлина на людей, придавая роману социальный пафос.

Эти двойники Биберкопфа – Иоганн Кирбах, паралитик, который ездит по городу в коляске с ручным приводом (возникают параллели с увечьем и трагедией Франца); бывший летчик, ставший убийцей, – Безе, чья линия подкрепляет мотив насильственной смерти, все более ясно звучащий ближе к финалу романа.

С ним тесно связан мотив телесных повреждений. Он тоже объединяет субъективный, «францевский» и объективный, «самоописательный» компоненты образа Берлина. Причем в дискурсе

Города травматизм почти всегда связан с несчастными случаями и катастрофами техногенного характера: трамвайная авария, газетное сообщение о гибели подлодки, обрушение новостройки в Праге и т.д., т.е. помимо символического наполнения «документальная» часть образа Берлина имеет функцию расширения художественного пространства. Берлин Дёблина – это и маленькая пивная, и Александерплац, и зловещие скотобойни, и развитый современный мегаполис – политический центр Германии, культурный центр Европы и Мира. Ведь и Вавилон – не только «жена на звере багряном, упоенная кровью праведников», но и башня до небес – по сути дерзкая попытка подняться до уровня Бога с помощью инженерной мысли и объединенных усилий огромного количества людей. Тем же самым занимается человек уже может уничтожить жизнь на Земле и вот-вот создаст клон «по образу и подобию своему». Имя современной вавилонской башне – «технический прогресс». Берлин 20-х гг. во многом был его воплощением, и Дёблин, вводя «объективные» вставные фрагменты, осознанно или нет, предоставляет читателю шанс разобраться самому, чего мегаполис заслуживает больше – восхищения, страха, отвращения или чего-то другого.

В Библии Бог наказал людей Вавилона, сделав их, если пользоваться лингвистической терминологией, носителями разных языков. В космополитичном Берлине уживаются носители разных языков, представители разных этносов и национальных культур (Франц общается с евреями, поляками), в пространстве романа фигурируют русские эмигранты, знаменитые французы, американцы. Самая молодая европейская столица «переманивает» важных персон у своих старших братьев – мировых городов – Лондона, Парижа, Нью-Йорка.

Но мощный негативный фон, присутствующий в образе города, пронизанном мотивом смерти, жертвы, фрагментами описания скотобоен и вавилонской блудницы, пьющей человеческую кровь, показывает читателю обратную сторону этой парадной медали с изображением мирового города. Люди приезжают в Берлин, ничего не подозревая о своей участи, как скот, который до последнего момента не знает, что его зарежут. Ведь рефреном звучит в произведении тезис «что человек, что скотина – все равно».

Все это создает образ Города, питающегося человеческими жизнями и специально заманивающего жертв в себя. Для подвоза «продовольствия» и нужна такая развитая транспортная система. На первый взгляд, образ антиутопичен и не может иметь ничего общего с реальностью. Но большой город действительно привлекает к себе людей. Об этом говорит процесс урбанизации, идущий уже 200 лет. Город не может экономически развиваться без притока рабочей силы (как и без поставок продовольствия из сельской местности, в том

числе мяса). Питается же город трудом, нервами, эмоциями и стремлениями своих обитателей. Из этого и складывается энергетика мегаполиса.

Итак, «самоописательный» компонент образа Берлина достаточно объективен и рационалистичен. Он содержит в себе большое количество вариантов интерпретации. Вместе с тем дискурс Города абсолютно органично вливается в общую концепцию романа, подхватывая и развивая все основные мотивы произведения, создавая уникальную атмосферу действия и расширяя художественное пространство.

Примечания

¹ См.: *Лейтес Н.С.* О некоторых особенностях становления жанра романа в немецкой пролетарской литературе 1918–1933 гг. // Учен. зап. Уральского ун-та. № 44. Сер.

филол. 1966. Вып. 1; *Лейтес Н.С.* К вопросу об эволюции жанра немецкого романа в немецкой литературе 20-х годов // Науч. доклады высшей школы: Филологические науки. 1968. № 4; *Седельник В.Д.* Немецкий роман между двумя мировыми войнами // Зарубежная литература XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.М. Толмачёва. М., 2003. С. 210–227.

² См.: *Kreutzler L.* Alfred Döblin: Sein Werk bis 1933. Stuttgart, 1970; *Schröter K.* Alfred Döblin. Reinbek bei Hamburg, 1988; *Ziolkowski T.* Berlin Alexanderplatz // Zu Alfred Döblin. Stuttgart, 1980. S. 128–148.

³ См.: *Benjamin W.* Krisis des Romans // Gesammelte Schriften. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1972. S. 230–236.

⁴ *Дёблин А.* Берлин, Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе: Роман / Пер. с нем. Г. Зуккау; Под ред. Н. Португалова. СПб., 2000. С. 51. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

УДК 821.161.1.09-1+929 Пушкин

ПУШКИН В ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ

Е.Б. Ракитина

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: kathrakit@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые механизмы формирования культурной памяти в медийной (секундарной) поэзии, опубликованной в Интернете. Материалом исследования послужили особенности восприятия творчества и биографии Пушкина в произведениях сетевых авторов и дискуссиях, ведущихся на крупнейшем русскоязычном поэтическом ресурсе Стихи.ру. Предметом анализа является специфика освоения классического наследия в медийной (секундарной) поэзии, его мифологизация, а также отражение устойчивых представлений интернет-поэтов о поэзии в трактовке традиции.

Ключевые слова: интернет-поэзия, культурная память, Пушкин, классическое наследие, мифологизация, традиция.

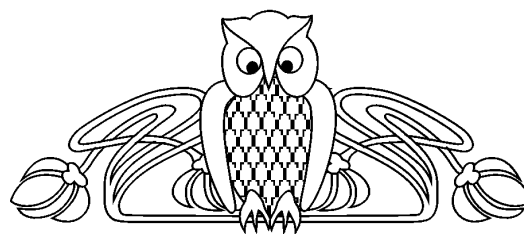
Pushkin in Russian Internet Poetry

Е.Б. Rakitina

The article deals with the problem of cultural memory in media (secondary) poetry. The materials are taken from the biggest Russian-language Internet poetry resource, www.stihi.ru, which hosts the poems by unprofessional poets and their discussion forums. The analysis focuses on the secondary poetry attitudes to classical tradition, mechanisms of mythologizing it, and on Internet-poets collectively assumed views on poetry and tradition.

Key words: Internet-poetry, cultural memory, Pushkin, classical legacy, mythologization, tradition.

Публикация в Интернете в последнее время стала одной из самых доступных и популярных форм выхода текста к читателю¹, и поэтический текст – не исключение. Для непризнанного автора, любителя Интернет порой оказывается единствен-

ным пространством, в котором он может реализовать свои авторские амбиции, найти единомышленников и влиться в ту особую среду, которая позволяет ему ощутить себя литератором, поэтом, частью «поэтического народа», как это называет в статье «Народный сюрреализм» Олег Аронсон.

Предлагая это определение сетевых поэтов, Олег Аронсон пишет: «Смысл его (понятия «народ»). – *Е.Р.*) пуст и наполняется всякий раз той или иной идеологией, использующей «народ» в качестве заданного риторического образа. <...> Однако для нас ценен именно этот пустой смысл «народа», который означает, что здесь имеется в виду любой, какой угодно индивид <...>. Народ, таким образом, используется как категория, несущая в себе идею универсальности: каждый причастен «народу», но и «народ» есть часть каждого. Это не народ государства или местности, <...> не масса и не коллектив, но некоторое событие причастности каждого любому другому»².

Определение «поэтический народ» представляется нам очень точным, поскольку описывает сразу все уровни поэтического творчества, саморепрезентации и общения в Интернете, что вполне позволяет использовать его в качестве термина.

Специфика культуры «поэтического народа» обусловлена особым восприятием поэзии. Для сетевого автора поэзия – речь не только с проявленной, но и с повышенной ценностью, статусная форма высказывания. Непризнанный автор не просто пишет стихи – он общается к

чему-то априори значимому, вступает в ряды избранных (ср. «он пишет стихи», характеристика, в бытовом общении безусловно выступающая как положительная, признак «неординарного», «интересного» человека). Подобное место поэзии в иерархии культурных практик отчасти объясняется тем, что в сознании даже мало начитанного человека, получившего образование в советской и российской школе, присутствует ряд конструктов и шаблонов, связанных с остаточной литературоцентричностью русской культуры: это и «образ поэта», всегда мифологизированный, будь то Пушкин, Есенин или Высоцкий, и позитивистская неразрывность «жизни и творчества», и традиционная фокусировка ученического внимания на личности автора с автоматическим повышением статуса поэта по сравнению с не-поэтом (ср. «поэт-пророк», «поэт – выразитель эпохи», «история народа принадлежит поэту», «поэт в России больше, чем поэт» и т.д.).

Зависимость от условной и обобщённой традиции, представление о повышенной ценности и значимости поэтической речи, сознательная ритуализация поведения и общения на поэтическом ресурсе – всё это позволяет говорить о том, что поэзия в сознании «поэтического народа» предельно мифологизирована. Взаимоотношения коллективного сетевого автора с поэзией выстраиваются по законам мифологического мышления: универсальная и слабо дифференцированная традиция выступает в роли предания, обладающего символической ценностью и моделирующим потенциалом, творчеству сообщается сакральный смысл. Оно не отделяется от эмоционального импульса, а его результат – одновременно и демонстрация статуса, и приношение поэзии.

Система мифологических представлений об образе поэта выступает в культуре «поэтического народа» в роли своеобразной матрицы, позволяющей воспринимать самостоятельные явления литературного процесса как постоянно повторяющиеся элементы традиции-предания. Для интернет-поэта конкретный автор важен не только как творческая индивидуальность, но прежде всего как воплощение некой платонической идеи: поэт-пророк, поэт-мученик, поэт-избранный. Осмысление творчества как производной от биографии побуждает «поэтический народ» искать в жизни автора объяснение, а порой и продолжение текста. Текст, в свою очередь, прямо связывается с обстоятельствами жизни, отражает их и переводит в область поэтического – почти не преображая, поскольку является прямым выражением чувств.

Таким образом, биография конкретного автора сводится к набору архетипических сюжетов, подгоняется под законы поэтической мифологии. Поэт становится символической фигурой, персонажем поэтического пантеона. Именно условный образ поэта, функциональный мифологический конструкт востребован традицией-преданием, поскольку принципиально воспроизводим: «при-

мысливание» себя к чужим текстам и биографии – постоянная ритуальная практика «поэтического народа», «чужое» присваивается, личное в данной системе представлений выступает как частный случай универсального, единого для всех, частных поэзии.

Героем традиции-предания, мифологический образ которого разработан наиболее полно и подробно, безусловно является Пушкин. Подобная востребованность фигуры Пушкина обусловлена не только собственно текстами поэта и постоянным обращением к ним в системе российского дошкольного и школьного обучения, но и особым пушкинским мифом, функционирующим на самых разных уровнях мышления человека, говорящего по-русски и воспитанного в русской культурной традиции: от цитат, не нуждающихся в указании автора, до сакрализованных фактов биографии, от хрестоматийного «солнце русской поэзии» до анекдотов Хармса, от вошедшего в поговорку «наше всё» до бытового иронического «кто делать будет? Пушкин?».

«Поэтический народ» активно использует пушкинский миф, обогащая его собственными мифологическими представлениями. Размышления о Пушкине, своего рода медитация на тему пушкинского мифа, вполне могут быть названы жанром сетевой поэзии. Трактовка биографии поэта, «примысливание» себя к обстоятельствам его жизни, собственное видение места Пушкина в русской культуре – всё это становится предметом осмысления «поэтического народа». «Мой Пушкин» – вслед за Цветаевой могли бы назвать свои произведения многие авторы сайта Стихи.ру.

В стихотворении Юрия Влодова пушкинский миф, с которым по умолчанию знаком читатель, по замыслу автора должен возникнуть сам, на пересечении ассоциативных линий, намеченных в тексте:

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берет.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берез.
<...>
Она все ближе – теплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопушки,
Где в синий снег падет руками Пушкин,
И из под рук вдруг вырвется земля...
<...>
Ну а пока – туманная пора.
Все в липкой паутине бабье лето.
И небо – в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...³

Набор клише и шаблонов, общих мест, с помощью которых автор создаёт необходимый ассоциативный ряд, выступает в данном тексте как атрибут ритуальной практики – «письма о Пушкине».

Такой же ритуальной практикой становится своего рода «равнение на Пушкина», сверка собственного поэтического образа по наиболее почи-

таемому образу мифологического поэтического пантеона. Подобное «примысливание» себя к Пушкину происходит, например, в тексте Юрия Зубкина:

Я начинаю каждый день
С исканья тем и впечатлений,
Проблем решенья злая тень
Иль с чтенья Пушкинских творений.

Оттачивая мысль и слог,
В потоке пламенных фантазий,
Ровняю, как бы Пушкин смог
Отдать стихам пути мечтаний.
<...>

Мне не до сказок ныне явно,
Прошёл я юности порог,
Хотя ласкают душу славно
И я бы написать их смог.
<...>

О том, как давнею порою
Бредущий в поле эмигрант
В стогу иль, может, под сосною
Нашёл вдруг Пушкинский талант!⁴

Основанием для подобного сопоставления является не только личное отношение автора к Пушкину, но и принимаемое в поэтической мифологии как данность единство всех поэтов в поэзии, общее пребывание в области дара, не уравнивающее, но устанавливающее особые ритуальные связи между всеми пишущими, обеспечивающее столь ценимую «поэтическим народом» творческую эмпатию.

Подчас творческая эмпатия настолько акцентируется, что сетевой автор выстраивает предельно личностную систему взаимодействия с персонажем поэтического пантеона. Так происходит в цикле Игоря Белкина «Пушкиниана», в котором биография автора не просто переплетается, но сплавляется с пушкинской:

В шуршащей ночи есть своя печаль,
Есть неизбежность, строгость и волненье
За нас, вошедших в соприкосновенье
С одним из повторившихся начал.

Ты боль моя. Мне до истомы жаль
Твоё неповторимое смятенье
На полке быть единственным явлением
И снять с неё других, ушедших вдаль.

Пусть постоят пронзительные фото,
В них вечно зажигающее что-то,
Как и в тебе, когда ты смотришь так.

Волнующе в шуршанье белой ночи,
Что Пушкин слова вымолвить не хочет,
Прижав к скуле не судящий кулак⁵.

Двоение лирического героя, его финальная подмена Пушкиным очень характерны для по-

добной лирики, основанной на эмпатии – осознанно вторичной и существующей за счёт этой вторичности.

Однако лирическое «я», стремящееся к чужому образу, может подменяться в текстах-приношениях, посвящённых мифологизированным поэтам, лирическим «мы». В этом случае сетевой автор говорит не только от своего лица, но и от лица всех причастных к поэзии, подчёркивая универсальную значимость избранной части традиции-предания. Такое лирическое «мы» используется, например, в произведении «Пушкину посвящается» автора, пишущего под псевдонимом P-Ich. Начиная свой текст с цитаты из Жуковского, автор дополнительно маркирует принадлежность к области дара, лирическое «мы» обретает смысл «мы, поэты»:

Его стихов немеркнущая младость
Преодолела даль завистливых веков.
Мы слухом вновь внимаем сладость,
Величие и стройность русских слов...
Печаль утешится украдкой вздоха,
Резвее прежнего возрадуется миг,
Душа с душой бес всякого подвоха
В любви и радости познают счастья пик...⁶

Примечательно, что посвящение Пушкину в данном тексте абсолютно условно, адресатом мог бы выступать любой персонаж поэтической мифологии, т.е. мы имеем дело с ритуальной формулой, описывающей базовые представления поэтической мифологии.

Более развёрнутым воплощением той же ритуальной формулы является текст Сергея Тверского «Что сделал Пушкин?».

Елозят Именем от века,
И трудно нам уже понять,
За что вцепились в человека,
И как он всех сумел обнять.

Своею Музой?.. Пушкин снова
Не тонет в пропасти времён.
Так что ж наделал он такого,
Что гонит прочь покой и сон?

Он хулиганил? Портил девок?
Он властимущим портил кровь?
Да. Но, превыше всех проделок,
Любил и дрался за Любовь!
<...>

И с постаментов поколенья
Он призывает вновь и вновь –
Любите! До самозабвенья!
И насмерть бейтесь за Любовь!⁷

Подзаголовок «Ко дню рождения Поэта» указывает на весьма популярную у сетевых авторов практику публикации стихов ко всевозможным датам и юбилеям, что позволяет говорить о су-

ществовании у «поэтического народа» повторяющихся календарных праздников, характерных для любой мифологической культуры.

Однако в интернет-поэзии возможно и неформальное взаимодействие с традицией, воплощённой в образе мифологизированного поэта. «Пушкин и я» для «поэтического народа» – такая же устойчивая тема, как «Мой Пушкин». В текстах подобного рода на первый план выходит личное переживание автора, возникшее в результате чтения Пушкина или размышления о нём.

В тексте Лалы Тарапкиной «Я, дура» изображается отношение обобщённой и абстрактной современной девушки к традиции-преданию вообще и Пушкину в частности:

А знаешь, Пушкин, ты не мой поэт.
Увы, мой скромный вкус простого плебса
Ни разу не вписался в интернет –
Я слушаю Никольского и Лепса.

<...>

И с юности – мне не постичь причин,
Поступков в целях соблюдения лоска...
Я, дура, жду из тысячи мужчин
Того, кто скажет – «Маша, я Дубровский».

А он всё не идет да не идет –
А каждый компромисс – всего лишь «вместо».
И день, и месяц, и прошедший год
Я чья-то несбежавшая невеста –

В простецком платье Лизы (в васильках),
В соломенных лаптях на босу ногу.
... Пригоршня леденцов в твоих руках
Сейчас куда желанней – мне и Богу...⁸

Отказ от Пушкина, ритуальное поругание сакрального в начале стихотворения уже предполагает возвращение к нему в финале, однако подобный приём позволяет автору продемонстрировать в связи с Пушкиным и собственный противоречивый внутренний мир, свойственный, согласно представлениям «поэтического народа», всем поэтам.

Такая же сознательная амбивалентность присутствует в тексте «Сукин сын (А.С.П.)» автора, пишущего под псевдонимом Авов Аволог. Пушкин в этом произведении появляется в образе собаки.

Подругу, мою добрую женщину
(в прошлом девушку),
Укусила собака за что – не знаю, короче, за ляжку.
И вот, посочувствовав доле женской подружкиной,
Пошел я в гаражный свой кооператив
и замахнулся на Пушкина.
Так собаку зовут сторожевую, цепную,
особо-то и не злую,
И даже смешную, не глупую,
черно-рыжеватую и ужасно лохматую,
С глазами такими проникновенными
и бакенбардами необыкновенными,

С подозрительной абиссинской
породистой кучерявостью
И даже с дворя-, нет, все же дворянской
легавостью,
Прозванного так неинтеллигентными сторожами
Не столь за похожесть, сколь за способность лаять
в рифму, почти стихами.

<...>

А вдруг это...
собачьими глазами глядит на меня
переселившаяся душа поэта?
Который столько провидел и говорил про себя:

Ай да сукин сын...

Который учил: Чем меньше женщину мы любим...

И я всегда соглашался с ним,
И был большим любителем женских ножек,
Всё совпадает – мурашки побежали по коже...
Спрашиваю – Пушкин, хорошо быть собакою?

– Гав, гав, гав...

И ушел я так, ничего не поняв...

А вдруг и мне быть собакой?⁹

Намеренное снижение образности, разговорный язык и свободный метр точно так же не отрицают Пушкина, как ритуальный разрыв с ним в приведённом ранее тексте.

Для интернет-поэта Пушкин – одновременно точка отсчёта в мире поэтического, авторитетнейший персонаж традиции-предания и воплощение этой традиции, поэт вообще.

Именно как синоним поэта фигурирует Пушкин во многих произведениях Интернет-поэтов. Валерий Алейников, обращаясь к читателям на авторской странице сайта Стихи.ру, пишет:

Я далеко не Пушкин, но поэт.
Конечно, я не Лермонтов, но все же.
Стихи пишу я уже много лет,
И Вам судить, на что они похожи¹⁰.

Пушкин в данном тексте – эталон поэта, некая поэтическая константа, позволяющая структурировать область дара. Именно поэтому Пушкин как символ может быть легко заменён либо дополнен другими персонажами поэтической мифологии.

В тексте Юрия Семецкого «Классик» герои поэтического пантеона рассматриваются прежде всего как обладатели условной биографии поэта-мученика, которую автор легко присваивает.

Ночь на дворе, а под глазами тени.
Пишу стихи, как будто я поэт.
А были Пушкин, Лермонтов, Есенин...
Но все они ушли в расцвете лет.

Дуэль была или петля на шее,
Стрелялся сам, застрелен был в упор –
Неважно. Мог погибнуть за идею,
А также мог свершиться приговор.

Но у людей теперь сложилось мнение,
Хоть в убеждениях люди не тверды,
Что если пал поэт, раб вдохновенья,
Тогда он точно классик, без балды.

Мысль заскребла, как по стеклу стамеской, –
Как раньше я не смог понять, debil?
Вам классик нужен? Вот он я – Семяцкий,
Меня ленивый только не убил¹¹.

Подобная лирическая дерзость, посягательство на место в поэтическом пантеоне используются многими сетевыми авторами как сознательный приём, призванный продемонстрировать особый темперамент, свойственный, по мнению «поэтического народа», причастным области дара. Эпатажные высказывания, однако, не означают неуважения к традиции-преданию, наоборот, отрицание выступает как форма ритуального поклонения.

Пушкин и прочие почитаемые фигуры поэтического пантеона часто оказываются в интернет-поэзии указателями на принадлежность к области дара, ориентирами для «поэтического народа» – и одновременно маркерами границ, которые устанавливает для себя сетевой автор. В обращении к читателю на авторской странице Светлана Морозова пишет:

Пусть говорят, не станешь знаменитой.
И не прославишь стих, как Пушкин или Блок.
Да разве ж я мечтаю быть великой?
Ведь я народа своего простая дочь.
Стихи пишу свои не для корысти.
О славе не мечтаю я, друзья.
А просто не хочу духовно нищей
Когда-нибудь войти в свет неба я¹².

«Поправка на Пушкина» в этом обращении – очень распространённый в практиках «поэтического народа» вид ритуального самоуничижения. Важно и то, что отказ от претензий – лишь тезис, антитезисом к нему всегда выступает авторское утверждение: я искренен, я «пишу сердцем», я – поэт.

Обозначение поэтических ориентиров и предела собственных творческих претензий неизменно осуществляется в интернет-поэзии путём сравнения с мифологизированными, отчасти даже канонизированными поэтами. Эти образы сугубо функциональны, они воспринимаются как самодостаточные и потому порой редуцируются до имени. Осмысление уступает место ритуальному перечислению. Так, в тексте Владимира Кушнира «Соловьиная песня» Пушкин – первый, но не единственный в ряду «поэтов вообще»:

Не Пушкин, Лермонтов, Есенин...
Лишь рифма держится в строке.
Да, я не Пушкин, я не гений,
И не перо держу в руке.

По клавишам стучу умело,
Лишь голос ваш звучит в ушах.
В душе давно уже созрело,
Осталось выразить в словах.¹³

Показательно, что этот условный ряд подчинён принципу мифологической упорядоченности: именно Пушкин здесь выступает синонимом гения, Пушкин бесспорно ставится выше прочих авторов в символической иерархии – подобно тому, как перо, традиционный ритуальный атрибут поэзии в текстах сетевых авторов, выше компьютерной клавиатуры.

Определение иерархии, упорядочение поэтического пантеона, своеобразное распределение статусных мест среди поэтов – как классиков, так и современников, признанных и непризнанных, – является одной из устойчивых тем интернет-поэзии. Секундарная словесность постоянно уточняет своё место по отношению к традиции, структурирует себя и вписывает в историко-литературный контекст. Неслучайно авторы сайта Стихи.ру так привержены идее классификации.

В стихотворении «Мечта рифмоплёта, или Попытка классификации поэтов» Сергей Галин создаёт свою собственную систему оценки поэтов, традиционно принимая за абсолютную величину Пушкина.

Пишущие ямбом и хореем,
Мастера рифмовки, ритма асы,
Все творцы любых стихотворений
Делятся на классы и подклассы.

Выше всех стоят они – Поэты.
Те, что с буквы «П» большой, заглавной.
Каждый стих – шедевр, как вспышка света;
Каждый – гениален и прославлен.

Первый среди них, конечно, Пушкин.
Александр Сергеевич – это сила!
Выпьем за Поэта – где же кружка? –
Он был больше чем поэт. В России¹⁴.

В данном тексте присутствуют сразу несколько конструктов, характерных для мифологии «поэтического народа»: «поэт с большой буквы», «поэт больше, чем поэт» и т.п. Таким же конструктом, условной фигурой оказывается и Пушкин.

В качестве условной фигуры поэта выступает Пушкин и в тексте Бориса Полякова «Рассказали поэты...». Персонаж поэтической мифологии, Пушкин здесь – лишь пример судьбы поэта, которую автор примеряет на себя:

Рассказали поэты о прошлом, нет ничего,
Что я смог бы добавить, просто эхом не став.
Что за время такое: гения – ни одного!
И киньте в меня булыжник, если я не прав.

Может, будущее развернется, разродится ещё,
Выплонет Пушкина на поругание нам –
И будет тот, прежний Дантес прощён,
И будет в честь Иуды построен храм¹⁵.

Показательно, что переход от идеи поэта вообще к образу автора осуществляется именно посредством образа Пушкина: мифологическое мышление требует посредника между божественной силой и участником ритуала. Неслучайно здесь и упоминание имени Иуды, поскольку поэт-мученик в мышлении «поэтического народа» часто ассоциируется с Христом.

Именно на этой ассоциации построен текст автора, пишущего под псевдонимом Глафира:

В маршрутке, углом корабле,
Плывём куда-то
По нашей горестной земле,
Где всё нужны солдаты.
Где кто-то плачет на заре,
обняв подушку,
Но торжествует,
в январе
Убитый Пушкин.
Всё так же нищ и гол поэт –
Не кормит слово!
А обывателей толпа на всё готова.
И вот опять ведут Христа,
Вдали – Голгофа...
Вселенная там разъята
И оттого нам плохо...¹⁶

В данном тексте происходит очень показательное наделение мифологизированного образа Пушкина, приравненного к поэту вообще, божественными чертами. Такое расширение символики – одна из характерных примет мифологического мышления сетевых авторов.

Творчество осмысливается как творение, текст становится магической формулой. Реальность воспроизводит созданное обожествлённым поэтом. «Три дня, как в сказке, чудо длится – знать Пушкин делал календарь»¹⁷, – читаем в стихотворении Геннадия Банникова «Третье сентября».

Осень, воспетая Пушкиным, превращается в стихотворении Вячеслава Куприянова в осень, созданную Пушкиным:

Свежо над морем древнего Гомера,
и кажется, еще не пала Троя,
но в Дантов ад заходит наша эра
и ввысь летит. И здесь передо мною
вновь осень Пушкина, и вновь по всей округе
летит листва в туманный омут Блока <...>¹⁸

В этом тексте пантеон поэтической мифологии существенно расширен, в него, помимо традиционных для русскоязычных авторов фигур Пушкина и Блока, включены Гомер и Данте, однако принцип остаётся тем же: на-

званное поэтом осмысливается как созданное им и принадлежащее ему.

Трансформация – и даже деформация – реальности путём слова описывается и в стихотворении Юрия Лореса «Четырёхстопный ямб»:

Россия – мать бездорожья:
колдобин, рытвин, пней и ям.
И в этой пади, как нарочно,
Возник четырёхстопный ямб.

До самых пяток от макушки
он ловок, строен, в общем, хват.
Державин, Батюшков, но Пушкин
всех паче в этом виноват.

<...>

Россия ищет слова Божья
и... света Ильичевских ламп!
Но виновато бездорожье
и Пушкин. Потому что ямб!¹⁹

Данный текст, размещённый автором в разделе «Иронические стихи», демонстрирует тем не менее фундаментальный принцип мифологического мышления «поэтического народа»: литература обладает магической природой, творчество – ритуальное действие, пишущий, независимо от того, поэт он или прозаик, выступает в роли жреца и мага.

Другой важнейшей темой, намеченной в произведении Юрия Лореса, является функционирование поэта как символа национальной культуры и нации вообще. Ирина Ящинок в своём тексте осмысливает эту символику на примере Пушкина и Москвы.

Нет, не с Москвы Россия началась,
Не с Пушкина поэзия ведется.
Еще Гомер созвучный слог слагал,
И Киевскою Русь моя зовется.

Но сколько ни писали б мы стихов,
А каждый город чем-то да гордится –
Поэт России – Пушкин, а Москва,
Как ни крути, и сердце и столица²⁰.

Показательно, что и в данном произведении мы видим характерное для мифологического мышления иерархическое восприятие: Пушкин – главный поэт России, Москва – главный город.

В тексте Сергея Тверского «Больной сон» Пушкин не только главный поэт России, но и её символ, заступник и учитель. Пушкинский миф, публицистический пафос и наивная назидательность соединяются в этом стихотворении, рождая весьма специфическую образность.

Сон приходит и не лечит:
Вижу – Пушкин на коне,
Бледный и без дара речи,
Муза плачет в стороне.

Он явился краем глаза
На свободный мир взглянуть,
Что воспел, клеймя проказу –
Крепостной кровавый кнут, –
И застыл от грохотанья
Новой жизни и идей,
Где посуточно закланья
В сотни, тысячи людей.
<...>
Пушкин, Русь преобразилась,
Удивила шар земной:
От безграмотья отмылась,
Вышла в космос, Боже мой.
<...>
Нет, любовь не потеряли.
Сгинь же, сон, больнои, не вещей.
Ты мне кара за печали,
Ты на Пушкина клеветишь...²¹

Данное стихотворение – пример нового мифотворчества интернет-поэтов, материалом для которого становятся как уже мифологизированные исторические и культурные факты, так и не подвергнутая ни малейшей критической рефлексии повседневность. Гротескный образ святого Пушкина, возникающий в тексте, вполне может стать предметом отдельного культурологического исследования, поскольку иллюстрирует многие процессы, происходящие в общественном сознании.

Разнообразие и обилие обращений к образу Пушкина в сетевой поэзии, безусловно, свидетельствует о том, что Пушкин неизменно важен для «поэтического народа». Он осмысливается как вечная фигура, априорно значимая и по умолчанию присутствующая в области поэтического. Не случайно общение авторов Стихи.ру в комментариях и конференции сайта изобилует ссылками на Пушкина и спорами о нём.

В дискуссии о поэзии «Как читать? Письмо всем-всем-всем...» Михаил Гофайзен замечает, говоря о формировании читательских пристрастий: «Всем в школе объяснили, «что такое хорошо и что такое плохо» и что Пушкин – гениален»²². «Пушкин – гений» здесь – аксиома, фундаментальное положение поэтического мышления, изначально определяющее систему координат, в которой существует высказывание.

Подобный ориентир задаёт в своей реплике под текстом автора Яннис и Валентин Шишков: «Потребность выразить это чувство (любовь. – Е.Р.) стихами дало начало поэзии. А, если поэт ещё и мудростью наделён, то это уже и Пророк, как Пушкин, например»²³. Иными словами, Пушкин – частный и наиболее показательный для автора случай мифологического поэтического канона: поэт-пророк, поэт, в основе творчества которого лежит прежде всего эмоциональный импульс.

В беседах о стихотворной технике упоминания Пушкина так же часты. К примеру, рассуждая о традиционно порицаемых на сайте Стихи.ру

глагольных рифмах, авторы апеллируют именно к Пушкину. Показательно, что контраргументом выступает также обращение к Пушкину: «Чтобы узнать, что там Пушкин говаривал о глагольной рифме, надо хотя бы этого самого Пушкина прочитать»²⁴, – пишет в «Записках о стихирной поэзии. Часть 1» автор Элефф.

Пушкин и современное состояние поэзии – ещё одна важная тема для сетевого поэтического сообщества. Актуальность или неактуальность Пушкина неизменно вызывает горячие споры. Посягать на столь значимую фигуру поэтического пантеона отваживаются немногие, и посягательства эти имеют чаще ритуальную природу, о чём уже упоминалось ранее, однако Пушкин часто выводится за рамки современного чтения. Данную точку зрения высказывает, к примеру, Руслан Биба в одном из комментариев: «Пушкин – более чем велик, он внес невероятную лепту не только в развитие русской поэзии, но и в развитие русского языка. Я понимаю это рассудком и всегда буду трепетать от благоговения при упоминании его имени, но искренне полюбить его стихи всем сердцем не смогу никогда. Я люблю его скорее за то, что он – один из первых (а первым быть всегда сложнее всего), чем за то, что он лучший. А все потому, что поэзия идет вперед. <...> Если бы Александр Сергеевич жил в наше время, он едва ли приобрел бы заметную известность»²⁵.

Пушкин и современная поэзия зачастую сопрягаются на сайте Стихи.ру в ироническом ключе. Интересно то, что современность не выдерживает по мнению интернет-поэтов, «пробу Пушкиным». Так, в тексте автора Reiter «Если бы Пушкин жил в наши дни»²⁶ проводится пародийный разбор письма Татьяны в стилистике критических отзывов на сайте Стихи.ру. Безапелляционные суждения, критический апломб, очевидно безграмотные замечания и надуманные претензии – все эти характерные черты рецензии-отзыва в тексте Reiter'a утрированы и доведены до абсурда. Именно пушкинский текст выявляет всю несостоятельность подобной критики, оказываясь некоей безусловной ценностью, эталоном и ориентиром.

Елена Зейферт также сталкивает в своей эпиграмме сетевой литературный процесс и Пушкина:

Мальчик Пушкин, открывший в Стихире окошко,
Тщётно ждёт номинаций, вникая в игру,
И, побит за глагольные рифмы немножко,
Возвращается мирно на «Классика.ru»²⁷.

«Классика.ру», сайт-спутник Стихи.ру, выступает в данном случае не только как сетевая библиотека поэзии, но и как область традиции-предания, взаимоотношения с которой являются одним из важнейших элементов самоидентификации сетевого поэта и всей интернет-поэзии.

Таким образом, можно говорить о том, что мифологизированный Пушкин для сетевого поэтического сообщества – не только часть традиции-предания, архетип поэта-певца, наделённого всей совокупностью истинно творческих черт в понимании интернет-авторов, но и знак, устойчиво соотносящийся с самой мифологизированной поэзией, и в силу этого – один из важнейших инструментов поэтической самоидентификации, создания своего виртуального лирического «я», причастного области дара.

Примечания

- ¹ См.: Митренина М. Интернет и русский литературный процесс // <http://www.netslova.ru/mitrenina/rlp.html>
- ² Аронсон О. Народный сюрреализм. Синий диван. 2006. Вып. 8. Цит. по: <http://www.polit.ru/research/2006/08/04/aronson.html>
- ³ <http://www.stihi.ru/poems/2006/02/24-2335.html>
- ⁴ <http://www.stihi.ru/poems/2007/11/06/1435.html>
- ⁵ <http://www.stihi.ru/poems/2006/09/30-411.html>
- ⁶ <http://www.stihi.ru/poems/2007/02/10-955.html>

- ⁷ <http://www.stihi.ru/poems/2006/06/04-2078.html>
- ⁸ <http://www.stihi.ru/poems/2007/09/15/1663.html>
- ⁹ <http://www.stihi.ru/poems/2006/04/12-1509.html>
- ¹⁰ <http://stihi.ru/author.html?vboy>
- ¹¹ <http://www.stihi.ru/poems/2008/02/03/680.html>
- ¹² <http://stihi.ru/author.html?morozova>
- ¹³ <http://www.stihi.ru/poems/2006/08/29-1584.html>
- ¹⁴ <http://www.stihi.ru/poems/2005/03/14-904.html>
- ¹⁵ <http://www.stihi.ru/poems/2007/04/02-1407.html>
- ¹⁶ <http://www.stihi.ru/poems/2008/02/16/3962.html>
- ¹⁷ <http://www.stihi.ru/poems/2007/09/03/765.html>
- ¹⁸ <http://www.stihi.ru/poems/2004/10/29-199.html>
- ¹⁹ <http://www.stihi.ru/poems/2003/02/07-525.html>
- ²⁰ <http://www.stihi.ru/poems/2005/02/08-1354.html>
- ²¹ <http://www.stihi.ru/poems/2006/03/21-2250.html>
- ²² <http://www.stihi.ru/poems/2001/09/14-432.html>
- ²³ <http://www.stihi.ru/rec.html?2005/12/15-2206>
- ²⁴ <http://www.stihi.ru/poems/2005/11/01-660.html>
- ²⁵ <http://www.stihi.ru/rec.html?2008/02/18/3529>
- ²⁶ <http://www.stihi.ru/poems/2003/09/18-610.html>
- ²⁷ <http://www.stihi.ru/poems/2002/08/31-356.html>

ЖУРНАЛИСТИКА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

УДК 070(47+57) «Правда» «1938»

ТУРЦИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» 1938 ГОДА

А.В. Багиев

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: art-bagiev@yandex.ru

Работа посвящена важному эпизоду в истории русской советской журналистики – интерпретации советско-турецких отношений в 1938 г. – последнем году жизни президента Ататюрка. Рассматриваются проблемы создания имиджа крупного политического деятеля, представлявшего иностранное государство.

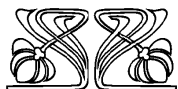
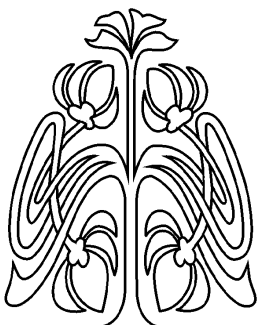
Ключевые слова: журналистика, газета «Правда», советско-турецкие отношения, Ататюрк, имидж политического деятеля, пропаганда.

Turkey in «Pravda», 1938

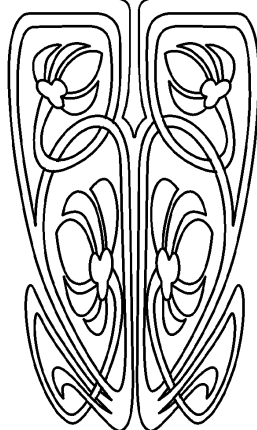
A.V. Bagiev

The article deals with an interesting episode in the history of Russian Soviet journalism – the coverage of Russian-Turkish relations in 1938, in the last year of President Atatürk's life. The ways of creating the image of the prominent foreign political leader come under close consideration.

Key words: journalism, the «Pravda», Soviet-Turkish relations, Atatürk, political leader's image, propaganda.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Журналистская информация помогает нам быть в курсе событий, происходящих во всех сферах жизни. Но существует еще одна особенность этой информации: с ее помощью правительства готовят принятия важных решений, взаимодействуют финансовые и политические силы, формируется общественное мнение. Пропаганда, объединяющая в себе искусство общения с людьми и знание человеческой психологии, является частью журналистской информации. Воспринимается она не всегда однозначно. В западной традиции пропаганда строго ассоциируется у обывателя с техниками манипулирования сознанием, на этом фоне политический «пиаром» (PR – англ. – связи с общественностью) и различного рода рекламные технологии стабильно функционируют и даже развиваются. Иными словами, пугает всех только сам термин. В российской традиции пропаганда воспринимается более спокойно. Это связано с тем, что в Советском Союзе пропаганда была частью государственной идеологии, а само слово «пропаганда» в сочетании со словами «советский образ жизни» и «социалистическая» имело исключительно положительную коннотацию.

Рассматриваемая в этой работе практика создания имиджа страны, безусловно, была функциональной частью системы пропаганды. Парадоксально, но она долгое время не изучалась, хотя сам имидж существовал всегда. В 1960-х гг. с эволюционным развитием информационных процессов появилось множество исследований как у нас, так и за рубежом. Если западные рекламисты вскоре выделили понятие имиджа в отдельную ветвь социальной психологии, то советские ученые вплоть до развала Советского Союза приписывали практику «создания образов» психопрограммированию в буржуазной пропаганде¹.

Газета «Правда», выбранная предметом исследования, интересна для этой работы как печатный орган КПСС, т.е. один из главных инструментов советской массовой пропаганды, функционирующий в «идеальных» условиях отсутствия конкуренции за умы читательской аудитории. Если же говорить о ее ценности вообще, то это целая эпоха в жизни несуществующей ныне страны, газета, ставшая для исследователей различных областей науки значимым историческим документом.

Актуальность темы имиджа в советской прессе складывается из нескольких аспектов. Во-первых, нашей работой мы надеемся внести свой вклад в изучение истории русской журналистики. Ведь именно пропагандистская ее сторона и по сей день остается малоизученной. Проблемам пропагандистских технологий и имиджа посвящено множество книг, но все они, как правило, изучают западный опыт и зачастую к газетной журналистике непосредственного отношения не имеют. В многочисленных серьезных работах теоретиков социалистической пропаганды имиджу, а тем более имиджу, создаваемому средствами массовой информации, тоже уделяется мало внимания. Во-вторых, выделим то, что одновременно является и целью исследования – определение наличия либо отсутствия тенденций в построении имиджа иностранного государства или лидера в советском массовом сознании через СМИ (в нашем случае – печать), что в современном информационном обществе представляется еще более важным, чем когда-либо. В то же время следует понимать, что уровень развития политической пропаганды в 1920–1930-х гг. значительно ниже уровня, например 1960-х гг., когда началось повсеместное активное изучение массовых информационных процессов. Существенно также идеологическая обусловленность пропаганды и ее исторический контекст. Опираясь на определенный исторический опыт, мы пытаемся проанализировать факты и понять технологии создания образов пропагандистским аппаратом.

В новейшей российской истории взаимоотношения с Турцией отведено видное место. Активно развивается сотрудничество в экономической, политической и культурной сферах. 2008 год официально объявлен годом Турции в России.

Говоря об имидже, необходимо вспомнить некоторые термины. Имидж – это основанное на стереотипах представление об объекте, призванное сфокусировать внимание аудитории на определенных чертах личности своего носителя, максимальное обобщенное и упрощенное в соответствии со свойствами массового сознания, в котором ему предстоит функционировать. Под массовым сознанием подразумевается организованный коллективный разум, потому что разобщенная неуправляемая толпа, как правило, не имеет общей объединяющей ее идеи². Это явление общественной психологии характеризуется в первую очередь стремлением к упрощению

происходящих процессов и автоматизмом реакций, т.е. массы предпочитают упорядоченную картину мира, причем им будет еще комфортнее, если и упорядочит ее кто-то другой. Психологические установки в обществе тоже играют значимую роль, особенно на этапе создания имиджа. Большую часть установок мы с детства получаем в семье – нам объясняют, что можно, а что нельзя, что плохо, а что хорошо. В процессе вхождения в человеческое общество (социализации) диапазон установок расширяется. В теории пропаганды установки рассматриваются как плацдарм для начала пропагандистской коммуникации, а ее сверхзадачей является способность к воспроизводству психологических установок для общества. В работе часто употребляется слово «пропаганда» и сопутствующая ему терминология. Обусловлено это очевидной связью имиджевых технологий с теорией и практикой пропагандистской деятельности.

В ноябре 1938 г. умирает идеолог и первый президент республиканской Турции Мустафа Кемаль Ататюрк. Это событие может быть расценено как конец первого этапа советско-турецких отношений и темы «новой Турции», о которой писала «Правда» на протяжении 15 лет. Ведь именно Кемаль инициировал диалог с советской Россией и на протяжении всего своего пребывания у власти определял внешнеполитический курс страны. Контакты начались еще в 1919 г. На Эрзурумском конгрессе он приволил пример «русского народа, который, видя, что его национальная независимости угрожает опасность и что со всех сторон на него надвигается иностранное нашествие, единодушно поднялся против этих попыток мирового господства»³. Позднее, в 1920 г., через три дня после открытия первого съезда Великого национального собрания в Анкаре, Кемаль отправил в Москву на имя В.И. Ленина письмо, в котором предложил установить между обеими странами дипломатические отношения и просил оказать Турции помощь в её борьбе против империализма. Результатом этого сближения стал советско-турецкий договор «о дружбе и братстве», подписанный в Москве 16 марта 1921 г. и действующий по сей день. Примером пропагандистско-информационного обеспечения двусторонних отношений служит реакция «Правды» на избрание Ататюрка президентом в 1923 г.: «...Председатель ЦИК СССР тов. Калинин обратился к турецкому народу и правительству со следующим приветствием: «Горячо приветствую от имени народов СССР и союзного правительства братский турецкий народ и дружественное правительство Турции по случаю окончательного провозглашения Турецкой республики, навсегда положившей конец деспотическому монархическому режиму. Поздравляю вас, маршал Гази-Мустафа-Кемаль-паша, по случаю вашего избрания президентом Турецкой республики, приветствуя в вашем лице выдающегося руководителя героической борьбы турецкого народа против нашествия иностранных поработителей и избранного им главу дружественной Турецкой

республики. Выражаю горячую уверенность, что неразрывные узы дружбы между народами и правительствами Турции и СССР будут становиться все более тесными и содействовать процветанию обоих государств». Полпред СССР в Ангоре тов. Суриц указал, что русско-турецкая дружба будет крепнуть и развиваться, так как Кемаль был одним из основателей ее. Коснувшись русско-турецких отношений, он (Кемаль. – А.Б.) заявил о необходимости для Турции укрепления и развития дружбы с Россией⁴. Причиной сближения Турции с Советской Россией послужили коренные преобразования в обеих странах. В СССР произошла революция и Гражданская война, в Турции – распад империи и борьба с интервенцией. Общества обеих стран претерпели колоссальные изменения в своем жизненном укладе. Вместе с этим было потеряно политическое влияние на мировой арене, что едва ли допустимо для стран с подобным геополитическим положением. В 1920-х гг. двум государствам приходится доказывать сначала свою жизнеспособность, затем заново налаживать контакты с другими странами.

Коль скоро мы рассматриваем имидж иностранного государства, то важно понять основы его внешнеполитической стратегии. «Для турецкой внешней политики, – пишет историк Б.М. Поцхверия, – со времен национально-освободительного движения были характерны реалистичный подход, гибкость, использование противоречий между великими державами. Тактика Мустафы Кемала, как подчеркивают турецкие историки, “поддержку США” в ее противоборстве с европейскими странами, “поддержку Франции” против Англии. Реалистичным подходом определялось и установление Мустафой Кемалем в 1920-е годы, в “черные дни Турции”, диалога с Советской Россией»⁵. Охарактеризовать турецкую политику того периода можно одним очень точным в данном контексте словом – прагматичность. И хотя Турция позиционировалась как дружественная страна, ее маневрирование находило отражение на страницах газеты: «В Стамбуле арестован по обвинению в коммунистической деятельности известный турецкий поэт Назым Хикмет»⁶.

Общественное мнение формируют не только с помощью аналитической подачи информации, но и с помощью новости, выбранной в качестве наиболее ценной из огромного количества фактов. В этом случае сама новость должна нести в себе не только собственно информационную, но и убеждающую нагрузку. Интересны мысли В.Г. Костомарова, изложенные в его монографии: «Будучи главным средством формирования мнения, объективная и целенаправленная новость еще не исчерпывает проблемы воздействия на читателей. В основе общественного мнения лежит не только структура человеческого общества, определяющая обязательно социальный характер и идей, и информации, но и психология (престиж “лидеров мнения”, ситуация восприятия, совокупность све-

дений по всем каналам и “фактор соответствия”, форма высказывания и т.д.) и другие вплоть до чисто инструментальных»⁷. Новость об аресте Назыма Хикмета отвечает всем требованиям пропагандистского воздействия, ведь фигура известного политического и литературного деятеля выступает в роли психологического «лидера мнения» – он известен, его произведения пользуются успехом у советского читателя.

Отметим, что Турция представлена читателям в основном через призму новостей. Новости из рубрики «иностранная хроника» составляют большинство информации о Турции в 1938 г.

Изучение «новостей» и «мнений» и их взаимодействия лежит в основе теорий массовых информационных процессов⁸. Существуют различные взгляды ученых на функцию и характер новости. Одни склонны считать, что сама по себе новость лишь констатация факта, другие считают, что деятельность пропагандиста или специалиста по рекламе способна «нагрузить» новость определенным посылом. Нам же представляется, что новость, как и любая другая информация, может подвергаться обработке с целью воздействия на общественное мнение. Это отнюдь не значит, что пропагандистский посыл следует искать в любой информации, но с большой долей уверенности можно говорить о том, что в «Правду» новости просто так не попадали. «Турецкие газеты на видном месте помещают выдержки из речи тов. Литвинова на 100-й сессии Совета Лиги наций в Женеве. Газета «Улус» жирным шрифтом выделила часть речи тов. Литвинова о жизнеспособности Лиги наций и ее роли в противодействии агрессорам». Перед нами пример настоящей имиджевой рекламы. Аудитории демонстрируется внимание, которое уделяется советской позиции. Структура новостей разнообразна. Присутствуют сообщения, носящие явно пропагандистский характер: «Турецкий флот пополнился четырьмя новыми подводными лодками. Двое из них построены на заводе Крупа в Германии»⁹. События интерпретируются в связке с познавательной аналитической нагрузкой.

«Турция предлагает ассигновать 25 млн лир на нужды обороны сверх 82 млн лир, предусмотренных бюджетом на 1938 год. Военные ассигнования в 107 млн лир – самые большие за все время существования Турецкой республики»¹⁰. С точки зрения теории пропаганды читатель, сопоставляя факт с уже имеющимися установками и актуальными событиями, о которых он узнает из той же газеты и из прочих источников, составляет для себя картину происходящего. То есть «оказывается, что Турция еще никогда не тратила столько денег на вооружение»!.. Задача пропагандиста в данном случае таким образом дать познавательную и аналитическую части новости, чтобы спровоцировать необходимую реакцию у реципиента. «В Турции закончено составление проекта постройки военно-морских верфей в Измирском заливе. Подписано новое

турецко-итальянское соглашение»¹¹. Прочитав всего два предложения, читатель узнает о новом факте и сразу же может составить свою оценку действиям турецких властей, сопоставить прочитанное с новостями о гражданской войне Испании, о «зверствах итальянских фашистов», о милитаризации Германии.

Всего в «Правде» 1938 г. было опубликовано 32 новости. Приведенные примеры показывают, что в построении сообщений присутствует четкая схема: факт плюс сопроводительная информация.

Особую роль в имиджевой коммуникации играют так называемые «мнения», или политическая аналитика. В большинстве случаев материал представлен в жанрах комментария и статьи. «По данным, заслуживающим доверия, на днях в Испании раскрыта и арестована крупная подпольная фашистская организация, ставившая себе задачей свержение республиканского правительства в момент предполагаемого наступления Франко. По тем же данным, главный штаб фашистского подполья находится в Мадриде в турецком посольстве. В момент раскрытия заговора на территории турецкого посольства арестовано значительное количество офицеров, в том числе два генерала, несколько полковников и др. Большинство арестованных было в полной форме с фашистскими повязками на рукавах. У заговорщиков была сильная охрана из бывшей штурмовой гвардии (жандармерии), вооруженная винтовками и ручными пулеметами. На территории турецкого посольства во время обыска обнаружены окопы с пулеметными гнездами»¹². Комментарий, пример которого был приведен, как правило, требует минимального размера и обычно выстраивается вокруг стержневого факта или цепи однозначных фактов. В свою очередь, жанр статьи, предназначенной, для удовлетворения специального интереса, подразумевает подробный анализ явления, взгляд на него с разных сторон, привлечение вспомогательных фактов и заключительную оценку. Следующая статья, приведенная, кстати, с большими сокращениями, поможет составить представление о языке и стиле аналитики того времени. «Германо-итальянские фашистские любители поудить рыбу в мутной воде потерпели не одно разочарование в своих расчетах на то, что итоги 100-й сессии Совета Лиги наций неблагоприятно отразятся на сотрудничестве и взаимоотношениях мирных держав. В частности, большие надежды возлагались Берлином и Римом на франко-турецкий спор об Александреттском санджаке. Спор между Турцией и Францией об Александреттском санджаке (санджак – административная единица бывшей Оттоманской империи, возник осенью 1936 года и с того времени уже четыре раза обсуждался Советом Лиги. Александреттский санджак, входивший до мировой войны в состав Оттоманской империи, был уступлен Турцией Франции по договору 1921 года, который Турция заключила в самый раз-

гар своей национально-освободительной борьбы против иностранных интервентов, теснивших ее со всех сторон. <...> Александреттский порт представляет собой естественный выход для экспорта из прилегающих районов Турции; кроме того он – единственный порт для экспорта из Северной Сирии. <...> По некоторым данным мировой печати, в Александреттском районе обнаружена нефть. <...> В течение 1921–1936 гг. санджак входил в состав Сирии, на которую Франция получила мандат от Лиги наций. Когда в сентябре 1936 г. Франция заключила договор с (подмандатной ей. – А.Б.) Сирией, согласно которому, санджак в дальнейшем должен был подчиняться власти арабского правительства Сирии, Турция тотчас же заявила протест. Она потребовала, чтобы Франция предоставила Александреттскому санджаку такую же независимость, какую она согласилась предоставить Сирии и Ливану. Полное удовлетворение этого требования означало бы отторжение санджака от Сирии, и Франция, опасаясь вызвать неудовольствие арабов Сирии, отказалась пойти навстречу этому требованию. Германия и Италия всеми силами старались раздуть конфликт и толкнуть Турцию на агрессивные действия. Эта провокационная политика не прекратилась и тогда, когда Франция и Турция в декабре 1936 года договорились передать вопрос на рассмотрение Совета Лиги наций. Она продолжалась и во время сессии Совета Лиги в декабре 1936 и в январе 1937 г., когда совет занимался рассмотрением этой проблемы. Именно в этот период германские и итальянские фашистские газеты усиленно раздували слухи о концентрации турецких войск на границах с санджаком и о том, что Турция собирается решить вопрос силой и поставить Лигу наций перед “совершившимся фактом”. Однако Турция не пошла по опасному пути, на который ее толкала “ось Берлин-Рим”, и предпочла мирный способ разрешения вопроса.

<...> Однако за последние месяцы возник ряд инцидентов, вызвавших новое обострение франко-турецкого конфликта. Особенное неудовольствие в Турции вызвала деятельность нейтральной комиссии, посланной лигой наций в октябре 1937 г. в санджак для подготовки выборов в парламент.

<...> По некоторым сведениям, римские и берлинские советчики Турции снова рекомендовали ей вооруженный захват санджака.

Но Турция и на этот раз, так же как и в январе 1937 г. не пошла по этому пути.

Сообщение о том, что в Женеве Франция и Турция договорились о выборах в санджаке... должно вызвать удовлетворение всех подлинных сторонников мира»¹³. «Правда» 1920-х–1930-х гг. использует достаточно тяжелый официально-деловой стиль. Нагромождения сложных предложений длиной в 3-4 строки создает определенные трудности для понимания текста. Турция показана, с одной стороны, страной, подверженной влиянию

агрессивного блока. С другой стороны, турецкое руководство все же придерживается собственной позиции. Существенным моментом является заключительная оценка, данная в последнем абзаце. Эта оценка призвана однозначно обеспечить нужную реакцию аудитории на статью.

Причины такой имиджевой стратегии кроются в историческом фоне проблемы. К 1930-м гг. Турция урегулировала в основном свои отношения с европейскими и соседними странами, а в середине 1930-х гг. даже стала устанавливать с ними союзнические отношения, что, впрочем, не мешало ей сохранять курс сотрудничества с Советским Союзом. «В результате обострения международной обстановки из-за агрессивной политики Германии и Италии, в которых в Турции видели угрозу стране, в турецкой внешней политике во второй половине 30-х годов стал явственно наблюдаться крен в сторону военно-политического сотрудничества с державами, бывшими противниками в Первой мировой войне и во время национально-освободительного движения в Турции»¹⁴. В условиях постоянной напряженности в Европе обеим странам все же было выгодно сохранять партнерские отношения. Потому пропагандистским путем обеспечивалось разрешение возникающих противоречий во внешнеполитических курсах двух государств. Турция последовательно декларирует дружбу с СССР, широко используя свои каналы внешней пропаганды, применяет различные ее виды. «Турецкие газеты отмечают успех советского фильма «Петр I», просмотр которого был организован генеральным консульством СССР в Стамбуле в здании консульства»¹⁵. В системе общей дипломатии культурная пропаганда играет не менее важную роль, чем политическая. Всевозможные культурные мероприятия с участием двух стран повышают их имидж в глазах друг друга и демонстрируют характер отношений. Следующий пример иллюстрирует взаимодействие турецких и советских СМИ в течение месяца: «Турецкие газеты поместили подробное сообщение о советском павильоне на открывающейся 20 августа в Измире международной выставке»¹⁶. Затем следует оценка действиям японской дипмиссии в Стамбуле: «Возвращаясь к конференции японских дипломатов, происходящей в японском посольстве в Стамбуле, газета «Улус» пишет: «Заинтересованные лица утверждают, будто эта конференция занимается обсуждением экономических вопросов, но в таком случае непонятно, почему в конференции принимают участие военные атташе». «Мы, турки, – пишет газета, – народ гостеприимный, но республиканская Турция никогда не будет очагом антисоветских происков. Искренность и сила советско-турецкой дружбы составляет целую главу нашей республиканской истории. Те, кто готовит войну в широком масштабе, начиная с Дальнего Востока, не найдут для себя опоры ни в странах Балканской Антанты, ни в странах

Ближнего Востока. В этом уверено турецкое общественное мнение»¹⁷.

Свою позицию Турция подкрепляет официальной нотой, что дает основание утверждать о целенаправленной пропагандистской акции: «Анатолийское агентство передает следующее сообщение: «Турецкое министерство иностранных дел направило японскому посольству в Анкаре ноту в связи с появившимися в печати сведениями о том, что ряд японских дипломатов собирается в Стамбуле на конференцию с антисоветскими целями. Министерство иностранных дел заявляет в этой ноте, что оно не может верить в точность этих сведений, поскольку трудно себе представить, чтобы турецкая территория была избрана для собраний такого рода, в то время как Турция поддерживает с СССР особо дружественные отношения»¹⁸.

Отразив турецкую позицию, «Правда» дополняет ее репортажем с культурного мероприятия: «Городской голова Измира в своей речи выразил благодарность правительствам стран, участвующих в ярмарке, отметив в первую очередь СССР. Джелиаль Байяр в сопровождении министров народного хозяйства и юстиции, а также представителей измирских властей и печати осмотрел советский павильон, подолгу останавливаясь возле отдельных экспонатов. Особое внимание турецкого премьера привлекли новая легковая машина «ЗИС – 101», комбайн и ряд сложных станков новых моделей»¹⁹.

Таким образом, мы можем наблюдать практику корректировки имиджа страны, который в предыдущих публикациях явно был смещен в сторону негативных оценок действий турецкого правительства. Ведь систематическое сближение Турции с европейскими державами оказывало косвенное или прямое влияние на отношения с Советской Россией. Примечательна в этой связи одна из последних речей Атаюрка, зачитанная в турецком парламенте. Текст речи в сокращении был напечатан в «Правде»: «В разделе речи, посвященной внешней политике, Кемаль Атаюрк заявляет: «Наша глубоко мирная политика направлена к усилению мощи нашего государства, дабы подготовить его ко всяким случайностям. Мы не думаем, что можно рассматривать как вполне действительные и способные гарантировать сохранение мира только всеобщие соглашения и союзы».

Касаясь отношений с СССР, Кемаль Атаюрк заявляет: «С нашим великим соседом и другом – СССР – мы подписали в прошлом году новое пограничное соглашение на основе опыта, приобретенного той и другой стороной. Мы ожидаем, что это соглашение вступит скоро в силу»²⁰. Это своеобразное политическое завещание точно составляет приоритеты турецкой внешней политики. Все же уход Кемалья Атаюрка с политической арены мог вызывать вопросы относительно дальнейшего развития русско-турецких отношений. В «Правде», кроме стандартных писем с соболез-

нованиями от Калинина, Молотова и Литвинова, ежедневно в двух строках сообщается о действиях малопредставительной советской делегации, направленной на похороны турецкого президента: о том, что прошли через Босфор, что были встречены на вокзале почетным караулом, что «вчера на похоронах Ататюрка в Анкаре команда моряков советского эсминца продефилировала перед гробом покойного. В этнографическом музее, где временно установлен гроб Ататюрка, на видном месте возложен венок с надписью: «От Союза Советских Социалистических республик»²¹. Нетрудно догадаться, что целью делегации, кроме репрезентативной, было также получение подтверждения президентом Иненю продолжения взятого ранее курса. Что касается пропагандистского обеспечения, то в «Правде» новый президент назван «...наиболее выдающимся деятелем возрожденной Турции. Его плодотворная деятельность способствовала развитию и укреплению советско-турецкой дружбы. В апреле 1932 г. он возглавил турецкую делегацию, посетившую СССР»²². Образ Ататюрка, мифологизированный еще при жизни и перешедший в разряд сакральных после смерти, отныне представляет хороший плацдарм для критических сравнений и аналогий с действиями следующих руководителей Турции. Этот тенденциозный прием будет наблюдаться и в Америке с образом Кеннеди, и в самом СССР с отходом от культуры личности Сталина и возвращением к ленинским традициям. «Газеты публикуют заграничные отклики на избрание, биографию Исмета Иненю, а также многочисленные фотографии, показывающие его совместно с Кемалем Ататюрком»²³. Миф – это уже целая история объекта, в которой упорядочены факты, расставлены акценты и даны определенные оценки его деятельности²⁴.

Итогом поездки советской делегации можно считать распространенное по официальным каналам заявление: «Наша дружба с великой соседней страной – не политическая фикция, а реальный факт, берущий свое начало в важнейших событиях, происшедших с момента установления новых режимов в Турции и в СССР. Я особенно счастлив заявить, что не только внешняя политика моей страны, но и глубокие чувства турецкого народа не подверглись каким-либо изменениям по отношению к СССР».

Сегодня все турецкие газеты поместили на видном месте заявление турецкого министра иностранных дел Шюкрю Сараджоглу корреспонденту ТАСС по поводу турецко-советских отношений. Газеты отмечают незыблемость турецко-советской дружбы»²⁵. Комментарий еще раз напоминает нам о важности пропагандистской составляющей визита.

Подводя итоги исследования, мы в соответствии с заявленной целью должны ответить на вопрос, каким же был имидж Турции и какими методами он формировался. Рассматриваемый

нами 1938 год относится к периоду становления образа новой Турции в Советской России. В этот период и формируются установки, определившие характер создаваемого положительного образа страны, близкой СССР по своему революционному духу и миролюбивой политике. И в то же время интересна динамика имиджа, отражающая проблемные моменты двусторонних отношений. Собственно, понятие имиджа долгое время не вычленилось из теории политической пропаганды. Активное ее изучение и накопление научной базы началось с 1960-х и продолжалось вплоть до 1980-х гг. Именно тогда обстоятельно начали разрабатываться психологические, социальные аспекты пропагандистской деятельности, появились теоретические обоснования проблемы. В этой связи естественным выглядит то, что, рассматривая 1938 год, мы в своих выводах приходим к тому, что в создании имиджа используются в основном правильно выстроенные факты, дополненные направляющим комментарием, что и создает суггестивное воздействие. С современных позиций такой арсенал инструментов в борьбе, особенно на фоне информационных войн второй половины XX в. может показаться довольно скудным. Во многих работах ученых – представителей соцлагеря советская пропаганда характеризуется своей ставкой на убеждение реципиента, побуждением его к самостоятельному мышлению в отличие от западной пропаганды с ее манипулятивным характером и «созданием образов»²⁶. Все же практика «холодной войны», когда на страницах газеты применялся целый набор психологических средств воздействия на массовое сознание, заставляет сомневаться в правдивости этого утверждения. Однако проанализированные нами материалы конца 1930-х свидетельствуют, что в основе огромных пластов теории лежит убеждающее воздействие публицистики.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Беглов С.И.* Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980; *Беглов С.И.* Монополии слова. М., 1972; *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981.
- 2 Подробнее см.: *Бехтерев В.М.* Сознание и его границы // Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. СПб., 1999.
- 3 *Кемаль Ататюрк.* Избранные речи и выступления. М., 1966. С. 12.
- 4 Турция – республика // *Правда.* 1923. 2 нояб.
- 5 *Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами. М., 1992. С. 5.
- 6 *Правда.* 1938. 26 янв.
- 7 *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971. С. 42.
- 8 Там же. С. 40.
- 9 Иностранная хроника // *Правда.* 1938. 8 февр.
- 10 Иностранная хроника // Там же. 19 окт.

- 11 Иностранная хроника // Правда. 1938. 19 окт.
- 12 Фашистское гнездо на территории турецкого посольства в Мадриде // Правда. 1938. 2 февр.
- 13 *Нэджибе*. Александреттский санджак // Правда. 1938. 3 февр.
- 14 *Поцхверия Б.М.* Указ. соч. С. 5.
- 15 Правда. 1938.22 февр.
- 16 Иностранная хроника // Правда. 1938. 8 авг.
- 17 Турецкая газета о японских происках на Ближнем Востоке // Правда. 1938. 11 авг.
- 18 Турецкая нота японскому посольству в Анкаре // Правда. 1938. 8 авг.
- 19 Международная выставка в Измире большой интерес к павильону СССР // Правда. 1938. 23 авг.
- 20 Речь президента Турции Кемаля Ататюрка // Правда. 1938. 3 нояб.
- 21 Советская делегация на похоронах Ататюрка // Правда. 1938. 23 нояб.
- 22 Исмет Иненю – президент Турецкой Республики // Правда. 1938. 12 нояб.
- 23 К избранию Исмета Иненю президентом Турецкой республики // Правда. 1938. 15 нояб.
- 24 Подробнее см.: *Цуладзе А.* Политическая мифология. М., 2003.
- 25 Шюкрю Сараджоглу о турецко-советских отношениях // Правда. 1938. 30 нояб.
- 26 Подробнее см.: *Беглов С.И.* Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980.

УДК 050-057.875 (470+571)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ В РОССИИ

А.Н. Болкунов

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: bolkunov@sgu.ru

В статье представлена история зарождения и становления российской студенческой периодики. Первые проявления жизни студенческой прессы России автор рассматривает в неофициальной «самиздатской» периодике, выходящей в учебных заведениях; в стенгазетах, одобряемых администрацией высших, средних и среднеспециальных учебных заведений; в вузовских периодических изданиях; в общественно-политической прессе, уделяющей внимание студенческой тематике.

Ключевые слова: история журналистики, студенческая пресса, молодежная проблематика, научно-просветительские издания, самиздат, учебная газета.

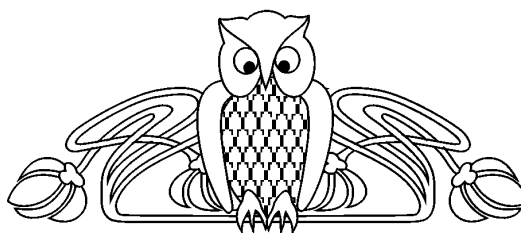
The Rise and Formation of Students' Periodicals in Russia

A.N. Bolkunov

The article describes the rise and formation of student periodical press in Russia. The author traces it back to unofficial "samizdat"-like publications within educational institutions: to stand-papers, approved by administrations of colleges, institutes and universities, to HE periodicals, to the national and regional press covering student problems.

Key words: journalism history, student periodicals, youth problems, popular science publications, «samizdat», student newspaper.

Периодика в России всегда была так или иначе связана со студенчеством. Рождение российской журналистики (выпуск первой русской печатной газеты «Ведомости») в январе 1703 г. состоялось благодаря идеям просвещения, образования. Именно в просветительских целях по велению Петра Первого в марте 1703 г. «Ведомости» вышли небывалым тиражом в 4000 экземпляров,

что было сопоставимо с общим количеством грамотных людей в России того времени.

Всего через четверть века после своего появления – в 1727 г. – «Ведомости» были переданы в управление главному научно-образовательному центру страны – Академии наук (и переименованы в «Санкт-Петербургские ведомости»). Редактором главной газеты страны стал студент Академии немец Герхард Фридрих Миллер, в то время преподававший в академической гимназии и ставший впоследствии ректором Санкт-Петербургского университета.

Российской академии наук указом Петра Первого было предписано решать три задачи: «1) науки производить и совершить, однакож-де тако, чтоб они тем наукам 2) молодых людей публично обучали и чтоб они 3) некоторых людей при себе обучали, которые бы младых людей первым фундаментом всех наук паки обучать могли»¹. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» и появившееся в 1728 г. бесплатное приложение к ней «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (считающееся первым российским журналом) своей главной целью ставили просвещение.

Сам по себе выпуск печатных изданий не мог решить просветительские задачи, грамотных людей в России было немного. Петр Первый ввел обязательное обучение. По свидетельству историка В.О. Ключевского, «по указам 20 января и 28 февраля 1714 г. дети дворян и приказного чина, дьяков и подьячих должны обучиться цифири, т.е. арифметике, и некоторой части геометрии,

и полагался «штраф такой, что невольно будет жениться, пока сего выучится»².

С.М. Соловьёв указывает, что печатные издания использовались как просветительский инструмент: «Для распространения образования, налагавшегося как обязанность, требовались учебные книги; на русском языке их не было, надобно было переводить, и потому начались переводы книг инженерных, артиллерийских, механических, исторических; вместо прежних курантов, назначаемых только для правительства, начали для всего народа издаваться ведомости с изложением современных событий»³.

Показательно, что не только «Примечания к Ведомостям», но и следующие журналы также были связаны со студенчеством: «Вторым по времени появления был еженедельный чисто литературный журнал «Праздное время, в пользу употребленное» (1759–1760), составлявшийся и издававшийся в Петербурге воспитанниками привилегированного дворянского учебного заведения – Шляхетного кадетского корпуса, – первое в России частное периодическое издание»⁴.

В 1755–1764 гг. по инициативе М.В. Ломоносова Академия берётся выпускать новый журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», решив: «Журналу быть ежемесячным... допустить к сотрудничеству... лиц, хотя бы и не принадлежащих к Академии»⁵. Главенствующее положение в «Сочинениях» занимали статьи на научные темы. Художественная литература публиковалась не в каждом номере. Бессменным редактором журнала был Г.Ф. Миллер, ему помогали студенты и адъюнкты Академии. «По свидетельству П.П. Пекарского, ни одна статья не печаталась без разрешительной подписи редактора. Были у него помощники. Менялись они довольно часто. Ушёл в монахи адъюнкт Олег Шестаковский. В распоряжении редактора остались два студента, и он жаловался, что ему приходится поправлять переводы, исполняя должность корректора... В разное время в подготовке журнала принимали участие студенты И.И. Голубцов, В.И. Лебедев, академик Н.И. Попов («поправки штиля»), студенты С.И. Волков и А.М. Разумов, адъюнкт Н.Н. Мотонис»⁶.

М.В. Ломоносов стал инициатором появления на свет и ещё одного периодического издания, в котором студенты играли важную роль. Вторая русская печатная газета «Московские ведомости» издавалась при Московском университете, добившемся привилегии держать свою собственную типографию и выпускать свою собственную газету. Её первый номер вышел 26 апреля 1756 г. – всего через год после образования университета. В газете сотрудничало большое количество преподавателей и студентов. Первым редактором «Московских ведомостей» был профессор словесности А.А. Барсов. До середины XIX в. «Московские ведомости» были самой крупной газетой в России, обгоняя по тиражу другие периодические издания.

Конечно, и московские, и тем более Санкт-Петербургские «Ведомости» нельзя считать студенческими изданиями – они были предназначены не для студентов, а для всех образованных россиян. И всё же студенчество составляло достаточно большую часть от постоянной читательской аудитории первых русских печатных газет.

Являясь единственными общенациональными газетами в России XVIII в., «Ведомости» в силу своей теснейшей связи с образовательными учреждениями (Академией наук и Московским университетом) много внимания уделяли студенческой жизни, авторами значительной части газетных материалов были студенты.

Первые сто с небольшим лет российской журналистики большинство газет и журналов создавалось именно при университетах и Академии наук, являвшихся тогда не только очагами образования, но и очагами культуры. Среди них можно назвать такие издания, как «Полезное увеселение» М.М. Хераскова, «Трудолюбивая пчела» А.П. Сумарокова, «Невинное упражнение» И.Ф. Богдановича, «Утренний свет» и «Вечерняя заря» Н.И. Новикова.

Именно студенты как люди, особенно заинтересованные в получении знаний, были в то время наиболее многочисленной и соответственно главной аудиторной группой, за внимание которой боролось каждое СМИ.

Интересно, что со студенчеством оказалась крепко связана история не только первых российских газет и журналов, но и история первых литературных альманахов. Обычно возникновение альманахов в России связывают с Н.М. Карамзиным, издавшим в 1794–1795 гг. две книжки альманаха «Аглая». Но за несколько лет до этого вышел другой сборник, структурно напоминающий альманах – «Распускающийся цветок», в котором были опубликованы литературные опыты питомцев Благородного пансиона при Московском университете.

Сборник «Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов, изданное питомцами учрежденного при Московском университете Благородного пансиона» был издан в 1787 г. под руководством пансионских наставников В.С. Подшивалова и М.М. Снегирёва. Этот сборник, посвящённый кураторам университета И.И. Шувалову, И.И. Мелиссино и М.М. Хераскову, имел большой успех. Через два года той же редакцией был выпущен сборник под названием «Полезное упражнение юношества, состоящее в разных сочинениях и переводах, изданных питомцами Вольного благородного пансиона, учреждённого при Императорском Московском университете».

В 1806 г. вышел в свет сборник «Сочинения студентов Санкт-Петербургского педагогического института, по части эстетики»⁷, один из экземпляров которого был подарен Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств,

основанному выпускниками Петербургской академической гимназии. В 1817 г. были выпущены «Сочинения студентов и вольнослушателей Императорского Харьковского университета».

Первые российские журналы были по направлению учёно-литературными, научно-популярными, просветительскими, поэтому студенчество не могло не оказаться и среди читателей, и среди авторов таких изданий. Студенты активно сотрудничали с различными журналами и газетами – как в то время, так и позже. Многие русские литераторы начинали публиковаться, ещё будучи студентами: Фёдор Тютчев в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1819), Виссарион Белинский в газете «Листок» (1831), Иван Гончаров в журнале «Телескоп» (1832), Пётр Ершов в журнале «Библиотека для чтения» (1834), Иван Тургенев в «Журнале Министерства народного просвещения» (1836), Николай Некрасов в журнале «Сын Отечества» (1838), Александр Пыпин в «Сборнике Академии наук» (1852), Николай Добролюбов в журнале «Современник» (1856), Анатолий Кони в «Приложении к Московским университетским известиям» (1865), Антон Чехов в журнале «Стрекоза» (1879), Викентий Вересаев в журнале «Модный свет и модный магазин» (1885).

Внимание студентов к прессе не могло не привести к появлению собственно студенческих (созданных самими студентами и направленных на студенческую аудиторию) журналов, альманахов, литературных сборников. Обычно они выходили в рукописном виде. Среди таких изданий можно назвать журналы «Смесь»⁸ (1812) и «Северное созвездие»⁹ (1830–40-е гг.) Казанского университета, газету «Слухи»¹⁰ Петербургского главного педагогического института (1855), сборник «Светоч»¹¹ Петербургского университета (1858).

Большинство из них выходило нерегулярно (многие закрывались после первого или второго номера), сверхмалым тиражом и в самодельном рукописном виде, что не позволяет рассматривать их как полноценные СМИ.

Появление собственно студенческих изданий выделило российское студенчество как особую социальную группу, имеющую необходимость в собственной прессе. Прессе, отвечающей информационным, эстетическим и политическим запросам учащихся высших учебных заведений.

В неофициальной «самиздатской» периодике, выходившей в учебных заведениях, практически всегда было заметно стремление походить на обычную «взрослую» прессу. Создателями «самиздатских» (как правило, рукописных) журналов, сборников, альманахов и газет обычно копируются черты наиболее популярных в их среде периодических изданий. Копируются (осознанно или неосознанно) не только элементы дизайна, но тематика, логика построения номера, его рубрикальное членение, жанровая палитра, методы работы редакции.

Лицейские рукописные журналы, с которыми сотрудничал А.С. Пушкин, были, по сути, пробными литературно-журналистскими СМИ, предназначенными для распространения в студенческой аудитории. В Царскосельском Лицее выходили рукописные журналы «Лицейский мудрец», «Неопытное перо», «Вестник», «Для удовольствия и пользы» и другие. «Поэтические опыты и всякого рода литературные упражнения лицеистов... регулировались... литературными предприятиями самих воспитанников, например, образовавшимся в первые же годы лицейским “литературным обществом” или кружком, к которому примкнули все юные литературные силы Лицея и которое имело задачей путем соревнования и “издания” (в своем кругу) сочинений своих членов, а также журналов, поощрять занятия поэзией и литературой»¹².

Чаще всего выпуск таких журналов был делом полулегальным, скрываемым от преподавателей и администрации. М.Ю. Лотман, описывая лицейские литературно-художественные журналы, альманахи, антологии и сборники, отмечает, что «сохранившийся небольшой и отрывочный материал... может быть подразделен на следующие категории: 1) упражнения в стихах и прозе...; 2) плоды свободного творчества, стихотворства или у иных просто стихоплетства, ходившие среди товарищей...; 3) плоды коллективного (анонимного) сочинительства чисто школьного – сатирического, шутовского и не всегда цензурного характера...; 4) наконец, издававшиеся воспитанниками – членами литературного сообщества – рукописные журналы с самым разнообразным содержанием, куда отчасти попадали иногда и произведения 2-х предыдущих категорий»¹³.

Самодельным периодическим изданиям, выпускаемым учащимися, при всём их стремлении походить на обычную «взрослую» прессу, свойственно некоторое противопоставление всему официальному, общепринятому. «Школьные и лицейские газеты, в основной своей массе, существуют полулегально (то есть почти никогда не регистрируются). Их тираж (всего несколько сот экземпляров) и распространение (на очень небольшой территории и в короткое время) свидетельствуют об их неустойчивом, эфемерном характере, то есть их как бы и нет вовсе»¹⁴, – свидетельствует один из наиболее известных исследователей самиздатской лицейской прессы французский педагог Жак Гонне.

«Самиздат существовал всегда»¹⁵, – утверждает Д.С. Лихачёв, – «Самиздат имеет в общественной жизни большое значение – особенно в пору неправильных ужесточений: цензурных, редакторских»¹⁶. В парижском журнале «Синтаксис» (правопреемнике московского самиздатского) в 1979 г. публикуется статья «В защиту русской цензуры. По случаю её первого тысячелетия»¹⁷, в которой история цензуры ведётся со времён «Слова о полку Игореве» и «Новгородской летописи».

Проследив историю развития самиздатовской периодики, вышедшей в учебных заведениях России, можно заметить, что особое значение неформальная пресса получала в периоды ужесточения цензуры. Учебные заведения же всегда были и будут местом, где молодёжь получает знания и учится думать самостоятельно, где учащиеся активно откликаются на общественные процессы – в том числе и посредством выпуска неформальных «полуподпольных» изданий.

Первый всплеск активности самиздата приходится на первую половину XIX в. – «в 1820–1850-х годах в связи с усилением реакции после восстания декабристов и ужесточением правительственных мер к выпуску печатных периодических изданий»¹⁸. Выпускник Московского университета А.И. Герцен в «Былом и думах» вспоминает: «Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто всё, что приходило в голову; тетрадки запрещённых стихов ходили из рук в руки, запрещённые книги читались с комментариями, и при всём том я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства»¹⁹.

В 1860–1890-х гг. в России выходит несколько десятков студенческих журналов и сборников: «Свободное слово», «Студенчество», «Союз», «Голос молодёжи», «Объединение», «Студенческий вестник»... Большинство из них выпускается небольшими тиражами, некоторые существуют только в рукописном виде.

В 1884 г. в России был введён новый университетский устав, упразднявший былую автономию университетов и запрещавший любые студенческие объединения как «рассадники вольнодумства». Это послужило толчком к развитию нелегальной студенческой периодики, распространению листовок и прокламаций. Российское студенчество начинает осознавать себя серьёзной общественной силой. В 1890 г. в Санкт-Петербурге выходит «Студенческий вестник», в Москве – «Журнал московского студенчества». К 1910 г. в стране насчитывается до 20 общих студенческих периодических изданий и 5 сборников²⁰.

В предреволюционные годы студенческий самиздат в России получил особое значение, активно участвуя в жизни страны. В начале XX в. в Санкт-Петербурге выходил «Студенческий листок» и «Студенческая мысль», в Москве – «Студенческая жизнь» и «Студенческое слово». Новые студенческие газеты и журналы появлялись довольно часто, но жизнь их обычно была недолгой вследствие дороговизны производственного процесса и ужесточения цензурных условий.

В советские годы (когда, собственно, и появилось понятие «самиздат») рукописные газеты и журналы в вузах были одним из главных источников свободомыслия для интеллигенции. «В России почти всегда существовала более или менее жёсткая цензура, и поэтому со времен Радищева запрещённые к публикации произведения

ходили по рукам в списках. Но они лишь дополняли литературу и публицистику. Как массовое явление, как основное средство самопознания и самовыражения общества самиздат – явление уникальное. Оно характерно для постсталинской эпохи в СССР и странах со сходной социально-экономической системой»²¹.

Показательно, что первые образцы советского самиздата появились именно в вузах: «Они появились в Ленинграде, в студенческой среде: в Химико-технологическом институте в 1956 г. вышел первый номер газеты “Культура” со стихами Евгения Рейна, Дмитрия Бобышева, Анатолия Наймана. Формально кустарная издательская деятельность не противоречила существующему Закону о печати. Но через пару недель грянули венгерские события, и бдительность компетентных органов резко возросла»²².

Следующий всплеск самиздата в учебных заведениях приходится уже на эпоху перестройки – конец 80-х и начало 90-х гг. Повышенный интерес к выпуску неформальных изданий в средних и высших учебных заведениях в 2000-е гг. обусловлен новым этапом научно-технического прогресса – компьютерная и множительная техника стала доступна практически каждому грамотному человеку.

Ещё одно направление развития студпрессы в России связано со студкордовским стенгазетным движением (движением студенческих корреспондентов).

О выпуске стенгазет в учебных заведениях как массовом российском явлении можно говорить относительно 20-х гг. прошлого века. Тогда по всей стране организовывалась сеть кружков юнкоров (юных корреспондентов). В это время «наблюдается появление десятков газет и журналов, создаваемых разного рода организациями школьников, союзами молодёжи и т.п. Часто “юнкоры” и “деткоры” объединялись в кружки, в которых профессиональные журналисты обучали их готовить материалы для газет и журналов»²³. Бумажные стенгазеты сменялись фанерными, имеющими постоянный заголовок и специальное место для наклейки периодически обновляемых страниц.

Стенная пресса воспринималась властями как мощный инструмент идеологического управления массами – это нашло отражение и в Большой советской энциклопедии: «... Стенгазеты появились одновременно с рабселькоровским движением как его опорные пункты. КПСС рассматривает стенную печать как важный участок своей идеологической и организационной работы. Парткомитеты, бюро непосредственно направляют деятельность редколлегий стенгазет»²⁴.

Учебные заведения живо откликнулись на призыв партии и организовали работу самостоятельных редакций: «Многотиражная пресса, стенгазеты в 20-е годы выпускались коллективами учащихся практически во всех российских городах той эпохи»²⁵. Однако выходили подобные

газеты крайне нерегулярно, не имели постоянных типологических и видовых признаков и лишь в редких случаях идентифицировали себя как студенческие издания.

Некоторые стенгазеты выпускались на довольно высоком журналистском уровне: достаточно регулярно и с большим объёмом. Например, на филологическом факультете МГУ выходила стенгазета «Комсомолия», каждый номер которой был 30–40 метров длиной и занимал стены коридора.

В вузовской прессе – газетах и журналах, официально издающихся и распространяющихся преимущественно в пределах одного вуза, студенческая жизнь всегда была одной из важнейших тем.

Первые десятилетия своего существования «Московские ведомости» были, согласно современной нам классификации СМИ, вузовским изданием – в нём печатались сообщения о новых курсах и лекциях, о научных разработках, о вышедших диссертациях, о прошедших в университете торжественных мероприятиях. В газете публиковались списки студентов, награждённых за успехи в науках и переводимых с курса на курс. Освещали «Московские ведомости» и деятельность Академии наук, регулярно печатая сообщения о её заседаниях. «Нередко к номерам газеты прилагались “Прибавления”, подробно освещавшие различные торжественные мероприятия в Московском университете, содержавшие отчёты о лекциях новых профессоров университета»²⁶.

Будучи по сути вузовским изданием, «Московские ведомости» в то же время имели российское значение, выходя дважды в неделю и распространяясь далеко за пределами вуза. В издании «чётко прослеживается “университетский” уклон в отборе материала. Это был своеобразный симбиоз вузовской многотиражки и общественно-политической общенациональной газеты»²⁷. На страницах «Московских ведомостей» рассматривались вопросы внешней и внутренней политики, публиковалась официальная государственная информация. Особое место занимали сообщения о книжных новинках и других существенных литературных событиях.

Проводимая в то время реформа образования, вследствие которой в России и появились университеты, нуждалась в информационной поддержке и нашла эту поддержку на страницах газеты. Университеты того времени представляли собой основные национальные центры просвещения и играли определяющую роль в развитии культуры.

Особую популярность «Московские ведомости» получили в 1779–1789 гг. под руководством Н.И. Новикова – тираж газеты возрос с 600 до 4000 экземпляров, её стали читать не только в просвещённых кругах общества, но и в народе (тогда стали популярны своеобразные «читки вслух», когда один грамотный человек зачитывал статьи вслух для нескольких неграмотных). Но-

виков, арендовавший типографию Московского университета, развернул широкую издательскую деятельность и наладил выпуск нескольких журналов, привлекая к этой работе студентов, многие из которых впоследствии возглавили свои собственные печатные СМИ.

Например, студенты активно сотрудничали с журналом Новикова «Покоящийся трудолюбец»: «Он издавался не помесечно, а частями, причём две части вышли в 1784 г. и две – в 1785-м. Журнал этот называл себя продолжением «Вечерней зари», но по сравнению с ней был гораздо меньше связан с мистикой и отличался литературным оформлением. Участвовали в нём студенты Московского университета: Антон и Михаил Антонские, Подшивалов, Сохацкий, Благодаров, Голубовский и др.»²⁸.

В изданиях принимали участие не только студенты, но и преподаватели – например, ставший впоследствии ректором Московского университета А.А. Антонский-Прокопович «принимал участие в издававшихся Н.И. Новиковым при университете студенческих журналах “Вечерняя заря”, “Покоящийся трудолюбец”»²⁹.

В 1857 г. необходимость существования в российском высшем образовании студенческих СМИ была осознана на правительственном уровне. 30 января 1857 г. министр народного просвещения России разрешил студентам Санкт-Петербургского университета официально издавать свой сборник учебно-литературных трудов. Издание вышло три раза – под заглавием «Труды студентов Императорского Санкт-Петербургского университета»³⁰ – в 1857, 1860 и 1866 г. Главным редактором был адъюнкт Санкт-Петербургского университета по кафедре русской литературы М.И. Сухомлинов, ему помогали редакторы-студенты.

Первым в России периодическим изданием, которое своим названием претендовало на статус студенческого, стала газета Санкт-Петербургского университета «Студенческий мир»³¹. Её первый номер вышел 16 ноября 1857 г. «Газета внутренней жизни университета» была рукописной, её век оказался недолгим – всего вышло шесть номеров. Эту газету с некоторыми оговорками (тематика издания была чересчур широка) можно считать первым студенческим периодическим изданием России.

Расцвет официальной вузовской прессы в России приходится на 1920-е. Это было связано с политической советского государства, усилением роли партийно-государственной пропаганды в обществе. Студческое движение было ответвлением рабселькорского – с соответствующими указаниями от различных партийных и комсомольских органов и чётким контролем соблюдения этих указаний.

Почти в каждом университете и институте издавалась своя газета или журнал. По большей части это были стенные газеты, но были и печатные. На-

пример, в Саратове выпускался журнал «Студенческая мысль», в Перми – «Студент-пролетарий», в Томске – «Рабочий-студент», в Казани – «Голос пролетарского студенчества»³².

Студенчество первых лет советской эпохи отличалось от дореволюционного и требовало новых СМИ. Центральный журнал «Красная новь» приветствовал появление новой студенческой периодики: «Перевернувшая всё вверх дном революция перевернула также и студенчество. Она создала среди него новую формацию, новый тип студента... Поэтому нужно приветствовать появление в Москве нового небольшого журнала “Пролетарское студенчество”, являющегося “органом Московского Бюро студенческой фракции Р. К.П. и революционного студенчества”»³³. В феврале 1922 г. в Москве вышел первый номер журнала «Пролетарское студенчество», рассчитанного на охват всей страны. Вскоре начинают выходить «Вестник рабочих факультетов» и «Рабфаковец».

Выпускать газету тогда было проще и дешевле, чем журнал, поэтому большую часть вузовской прессы послереволюционных лет в России составляли именно газеты. Часто свою собственную газету выпускали отдельные факультеты, отделения и даже курсы. Так, в Московском университете в 1926/27 учебном году выходило около 30 факультетских и курсовых стенгазет, усилия которых в мае 1927 г. было решено объединить для выпуска одной общей печатной газеты – «Первый университет» (затем «Московский университет»).

Особенное развитие получила учебная составляющая деятельности вузовской периодики в профильных вузах, преподающих журналистику. Здесь история студенческой периодики смыкается с историей журналистского образования. В России первые опыты преподавания журналистики были связаны с «Научными и практическими курсами по журналистике», открывшимися в Москве 1 февраля 1905 г. и просуществовавшими всего 10 месяцев. «Интенсивная подготовка кадров началась лишь после октября 1917 г.: 15 сентября 1919 г. открылась Школа журнализма при Московском отделении Российского телеграфного агентства, а 20 декабря 1920 г. – Институт журнализма при Петроградском отделении РОСТА. 15 октября 1921 г. создаётся Институт красных журналистов с годичным сроком обучения, преобразованный в 1924 году в Государственный институт журналистики (трёхгодичный, он просуществовал до 1938 г.)»³⁴.

В 1930 г. в стране началось формирование сети «коммунистических институтов журналистики» (КИЖ). В сентябре 1947 г. на филологическом факультете Московского государственного университета было создано отделение журналистики, преобразованное в 1952 г. в факультет журналистики. Отделение журналистики Санкт-Петербургского государственного университета начало свою работу в апреле 1946 г. и преобразовалось в факультет журналистики в 1961 г.

Практически во всех этих учебных заведениях выпускались свои периодические издания, выполнявшие роль не только органа вуза, факультета, отделения или курса, но и роль учебного полигона для студентов, изучающих журналистику. Обычно эти газеты и журналы были посвящены вузовской жизни, в том числе и студенческой.

Однако главным, базовым назначением газет, выпускавшихся в вузах, было назначение корпоративное. В первую очередь это были вузовские СМИ и лишь отчасти – студенческие. В случае внутреннего «конфликта интересов» (ситуации противоречия студенческой и «вузовской» составляющих концепции издания) приоритет всегда отдавался главной – вузовской.

С 1924 г. ведёт свою историю редакция наиболее известного студенческого СМИ России – журнала «Студенческий меридиан», всесоюзного печатного органа ЦК ВЛКСМ. Первые пять номеров вышли под заглавием «Красная молодёжь», редактором был В.М. Молотов. С шестого номера название журнала изменилось на «Красное студенчество». Современный нам главный редактор «Студенческого меридиана» рассказывает, что первые номера были изъяты решением ЦК ВКП (б) и до наших дней не дошли: «Товарищ Сталин лично почтил редакцию своим вниманием, провёл заседание редакционного совета “Красное студенчество” и заодно просветил коллектив в политграмоте и остроте момента, о чём имеется соответствующая стенограмма в его ПСС. Видимо, следствием столь необычного разговора по душам и стала смена руководства. У штурвала беспокойного коллектива встала первая леди революции Крупская Надежда Константиновна»³⁵. В 1936 г. у издания появилось новое название – «Советское студенчество». Во время Великой Отечественной войны журнал не издавался.

В период с 1967 по 1973 г. «Студенческий меридиан» выходит в формате ежегодного общественно-политического и литературно-художественного альманаха, выпускающегося один раз в год. С 1974 г. «Студенческий меридиан» начинает выходить как ежемесячный журнал: «Новая жизнь редакции всколыхнулась вместе с возникновением и развитием в стране стройотрядовского движения. “Студенческий меридиан” (новое имя пошло от Валерия Евсеева, ныне гл. редактор газеты “Вечерняя Москва”) в 70-е гг. набирает стремительные обороты и в середине 80-х имеет свой рекордный тираж – почти полтора миллиона экземпляров»³⁶.

При рассмотрении становления студпрессы в России нельзя не отметить постоянный интерес к студенческой тематике, проявляемый нестуденческими газетами и журналами. Многие общественно-политические периодические издания внесли свой вклад в развитие студпрессы, обращаясь к соответствующей тематике. Ведь студенческое периодическое издание – это изда-

ние, главная тема которого – студенческая жизнь, а главная целевая аудитория – студенты.

Студенческая жизнь как тема присутствует в российской журналистике с самого начала – с выхода первого печатного номера «Ведомостей» в 1703 г. Первое сообщение номера посвящено военной мощи государства, второе – образованию: «Повелением Его Величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили. В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют»³⁷. Такое расположение (всего в номере опубликовано одиннадцать новостных сообщений) показывает важность, приоритетность темы образования над другими.

В газетах и журналах общественно-политической направленности студенческая тематика встречается довольно часто. Редкое периодическое издание обходит вниманием темы, волнующие учащихся высших и среднеспециальных учебных заведений. Это обусловлено тем, что студенты всегда были и будут одной из самых активных, информационно-восприимчивых, интересующихся новостями текущей жизни социальных групп.

Таким образом, история студенческих периодических изданий (т.е. история газет и журналов, ставящих своей главной целью освещение студенческой жизни и направленных преимущественно на студенческую аудиторию) уходит своими корнями в четыре смежных области. Первые проявления жизни российской студенческой периодики можно увидеть:

- в неофициальной «самиздатовской» периодике, выходившей в учебных заведениях (обычно рукописные «самодеятельные» газеты, журналы, альманахи и сборники полулегально или нелегально выходили в студенческих кружках, объединениях и группах);

- в одобряемых администрацией стенгазетах высших, средних и среднеспециальных учебных заведений (пресса вузов, школ и училищ, обычно выпускаемая в формате стенных газет, помогала руководству учебных заведений в воспитательной работе со студентами);

- в вузовских периодических изданиях (каждый российский университет и большинство институтов по сей день старается выпускать как минимум одну свою газету, освещающую жизнь вуза);

- в общественно-политической прессе, уделяющей внимание студенческой тематике («взрослые» газеты и журналы, заинтересованные в студенческой аудитории, публикуют материалы соответствующей тематики на своих страницах).

Сегодня студенческая пресса России переживает расцвет – практически каждую неделю в том или ином городе появляются всё новые и новые газеты и журналы, адресованные учащимся высших и среднеспециальных учебных заведе-

ний. Предпосылками для современного расцвета российской студпрессы оказались две исторические реалии: распространение общедоступных компьютерных технологий (процесс подготовки, издания и тиражирования газет и журналов стал гораздо доступнее и проще) и улучшение экономической ситуации в стране (многие вузы и факультеты, находясь в условиях конкуренции, могут себе позволить выпускать собственную студенческую периодику, а рекламодатели готовы оплачивать выход к студенческой аудитории).

Процесс становления студенческой прессы в России продолжается – он принципиально бесконечен, ведь остановка в развитии неприемлема для любого СМИ (и особенно связанного с молодой активной аудиторией). И вместе с тем можно утверждать, что к настоящему моменту российская студпресса преодолела начальный этап формирования и вышла на новый этап развития, связанный с осознанием себя как отдельного типа периодики. В XXI в. российские студенческие газеты и журналы впервые в своей истории почувствовали необходимость в объединении и совместном решении проблем современной студпрессы.

В октябре 1999 г. в Москве (в Российском университете дружбы народов) прошла первая Международная научно-практическая конференция «Вузовские и студенческие средства массовой информации: возможности, задачи, перспективы», на которой впервые было заявлено о существовании в России студенческой прессы как отдельного типа СМИ. В итоговом документе – обращении к вузовским, студенческим и молодёжным СМИ с предложением объединиться в Ассоциацию – обозначалась цель этой Ассоциации: «объединение средств массовой информации вузов для обмена опытом работы и информацией, организации межвузовской практики для студентов-журналистов, совместного решения общих проблем и других насущных задач»³⁸. Необходимость объединения была осознана многими сотрудниками студенческих газет и журналов уже тогда, но в тот раз замысел Ассоциации в жизнь не воплотился, что было констатировано на второй конференции РУДН «Вузовские и студенческие СМИ: возможности, задачи, перспективы», прошедшей в 2002 г.

В феврале-марте 2001 г. в Новосибирске (в Новосибирском гостехуниверситете) прошла первая Межрегиональная конференция студенческих, вузовских и учебных СМИ «Актуальные проблемы студенческих, вузовских и учебных СМИ, способы их решения и перспективы». Участники, приехавшие на конференцию из разных регионов России, обменивались опытом по вопросам решения проблем организации эффективной работы студенческой редакции, рекламно-маркетинговой деятельности, новостной политики, интернет-журналистики.

Весной 2001 г. московское движение «Первое свободное поколение» и общественная организа-

ция «Медиасоюз» учреждают Гильдию студенческой прессы. В «Меморандуме» о создании Гильдии среди основных целей организации называется «усиление позиций студенческих изданий на информационном рынке»³⁹. В августе того же года в Москве прошел Форум Гильдии студенческой прессы, участие в котором приняли лишь некоторые региональные студСМИ. Гильдией были задействованы студенческие и молодежные СМИ более 40 регионов России, однако процессу объединения всех студенческих СМИ мешало открытое противостояние Медиасоюза и Союза журналистов России.

В Санкт-Петербурге в 2001 г. прошла конференция «Студенческая пресса Санкт-Петербурга», собравшая сотрудников городских и вузовских студенческих газет и журналов. Став ежегодной, с 2002 г. конференция получила статус всероссийской. До 2005 г. под названием «Студенческая пресса: прорыв на рынке традиционных изданий» конференцию проводила газета «Gaudeamus» при поддержке Комитета по молодежной политике Санкт-Петербурга. С 2006 г. конференция проходит под названием «NextDayMedia», сохранив в качестве целевой аудитории сотрудников студпрессы.

В декабре 2004 г. состоялась первая межвузовская конференция студенческой прессы Москвы, в январе 2005 г. открылся портал российских студенческих СМИ www.studsmi.ru.

В июле 2005 г. при поддержке московского комитета по делам семьи и молодежи состоялась встреча главных редакторов студенческих СМИ и было принято решение о создании региональной молодежной общественной организации «Союз студенческих средств массовой информации города Москвы». Показательно, что московская организация, как отмечают ее участники, «имеет принципиальное отличие от всех предыдущих “Пресс-клубов” и “Клубов редакторов”, т.к. была создана не “сверху”, а “изнутри”. Основной целью Союза является развитие студенческих СМИ города»⁴⁰.

В мае 2006 г. Союз студенческих СМИ Москвы провёл трехдневную Всероссийскую конференцию «СМИ для студентов», показавшую, в том числе, что «в регионах студенческие средства массовой информации часто развиты гораздо лучше, чем в Москве»⁴¹.

Одним из последних мероприятий, связанных с развитием студенческой прессы России, стал «круглый стол» «О проблемах студенческих СМИ. Что можно и что нельзя молодому журналисту», проведённый Медиасоюзом в Общественной палате РФ 16 июня 2008 г. Участники из разных регионов России поддержали решение организаторов о создании сайта сообщества студенческих СМИ. Сейчас ведутся работы по созданию сайта, который будет способен стать корпоративной площадкой для решения сотрудниками студпрессы своих профессиональных задач. В пресс-релизе

Медиасоюза, посвященном этому «круглому столу», отмечается: «Студенческая пресса – важный инструмент информирования, обладающий стабильной целевой аудиторией, – пока не заявила о себе как о значительном сегменте медиарынка»⁴². Однако можно констатировать, что к настоящему времени российская студпресса сложилась как отдельный тип периодики, преодолев начальный этап формирования и прочно закрепившись в системе современных средств массовой информации России.

Примечания

- 1 Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 16.
- 2 Ключевский В.О. Русская история. М., 2005. С. 586.
- 3 Соловьёв С.М. Учебная книга по Русской истории. М., 2001. С. 168.
- 4 Журналы русские // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 4. С. 219.
- 5 Пекарский П.П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 гг. СПб., 1867. С. 4.
- 6 Лазаревич Э.А. Как началась российская журналистика // Природа. М., 1974. № 4. vivovoco.rsl.ru/vv/papers/history/jrn/rusjrn.htm.
- 7 См.: Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып. 1. С. 89.
- 8 См.: Студенческий рукописный журнал 1812 года «Смесь» // История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования: 1804–1904. Казань, 1902. Ч. 2, т. 2. С. 670–676.
- 9 См.: Ильенко Е.М. «Северное созвездие» // Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. 11. Неизвестные страницы литературной жизни Казанского студенчества 30–40-х гг. 19 в. Казань, 1962. С. 5–20.
- 10 См.: Эйдельман Н. Таинственный 19 век // Знание – сила. М., 1970. № 1 // http://www.znanie-sila.ru/projects/issue_134.html
- 11 РГАЛИ. Ф. 415. Оп. 1. Ед. хр. 6.
- 12 Лотман М.Ю. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1982. С. 10.
- 13 Там же. С. 156–157.
- 14 Гонне Ж. Школьные и лицейские газеты. М., 2000. С. 18.
- 15 «Столпы Отечества» – о самиздате // По страницам самиздата. М., 1990. С. 24.
- 16 Там же.
- 17 Мартинез Л. В защиту русской цензуры. По случаю её первого тысячелетия // Синтаксис. Париж, 1979. № 4. С. 46–55.
- 18 Грабельников А.А. Вузовская печать: прошлое, настоящее будущее // Вузовские и студенческие средства массовой информации: Возможности, задачи, перспективы: Материалы 1 Междунар. науч.-практ. конф. 19–20 октября 1999 г. Ч. 1. Доклады и сообщения. М., 1999. С. 10.

- ¹⁹ Герцен А.И. Былое и думы. М., 1958. Ч. 1–3. С. 101.
- ²⁰ См.: Путь студенчества. Пг., 1916. С. 213–247.
- ²¹ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР // <http://www.memo.ru/history/diss/books/alekseewa/index.htm>
- ²² Митрохина К. Самиздат: Неподцензурная журналистика в СССР // <http://his.1september.ru/2003/11/7.htm>
- ²³ Шариков А.В. Медиаобразование: Мировой и отечественный опыт. М., 1990. С. 30.
- ²⁴ Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 24. С. 483.
- ²⁵ Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность: Учеб. пособие для вузов. Таганрог, 2004. С. 59.
- ²⁶ Московские ведомости // 300 лет российской печати. М., 2003. С. 19.
- ²⁷ Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации: Учеб. пособие. Ульяновск, 2000. С. 7.
- ²⁸ История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. проф. А.В. Западова. М., 1973. С. 22.
- ²⁹ Андреев А.Ю. Антонский-Прокопович Антон Антонович // История Московского университета: Персоналии // <http://museum.guru.ru/personalii/articles/10/article.htm>
- ³⁰ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Ч. 93. Отд. 1. С. 39.
- ³¹ См.: Тишкин Г.А. Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. Т. 3. С. 72.
- ³² См.: Студпресса и студкоровское движение. Харьков, 1927.
- ³³ Мецзяков Н.Л. Новое студенчество // Красная новь. 1922. № 3. С. 241.
- ³⁴ Ворошилов В.В. История журналистики в России // Ворошилов В.В. Журналистика. СПб., 2001. С. 47.
- ³⁵ Ростовцев Ю.А. Студенческий меридиан (год основания – 1924, май) // http://www.stm.ru/glav_red/glav_red.php?file=1
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Русская литература XVIII века. 1700–1775 / Сост. В.А. Западов. М., 1979. С. 7.
- ³⁸ Обращение к вузовским, студенческим и молодёжным СМИ // Вузовские и студенческие средства массовой информации: возможности, задачи, перспективы: Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. 19–20 октября 1999 г. Доклады и сообщения. М., 1999. Ч. 1. С. 126.
- ³⁹ Меморандум о создании Гильдии студенческой прессы // <http://www.mediasouuz.ru/texts/index.php?id=674>.
- ⁴⁰ Пестов М. Студенческие СМИ объединяются // От винта. М., 2005. 13 июля. С. 2.
- ⁴¹ Сидоренко В. В регионах студенческие средства массовой информации часто развиты гораздо лучше, чем в Москве // <http://ipim.ru/persons/10.html> [Интервью президента Союза студенческих СМИ Москвы Владимира Кумова интернет-порталу ipim.ru]
- ⁴² Молодые журналисты обсудят проблему скучных студенческих СМИ в России // РИА Новости. 16.06.08, 03:11. // <http://www.rian.ru/society/media/20080616/110581506.html>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Науч. ред. С.Г. Ильенко. – М.: Изд. центр РГГУ. М., 2005. – 316 с.
ISBN 5-7281-0883-0

Проблема чужой речи в современной науке является одной из самых обсуждаемых и теоретически значимых. Она находится на стыке многих отраслей знания: общей теории языка, лингвистики текста, теории коммуникации, стилистики, синтаксиса, истории русского литературного языка.

Актуальные тенденции развития в этих науках методов антропоцентрического и коммуникативного анализа получают в монографии Н.В. Максимовой особое преломление.

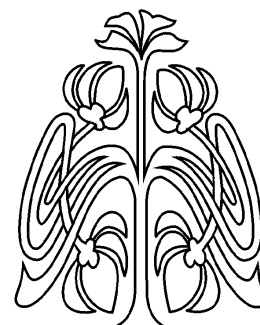
На фоне многообразных теорий чужой речи (ЧР), основанных на лексико-грамматическом, функционально-семантическом, стилистическом анализе, Н.В. Максимова разработала новый подход к ЧР, коррелирующий с существующими направлениями, но представляющий иное, чем ранее, понимание ЧР, и создала особую методику ее изучения. В основе нового подхода к ЧР – переход от изучения грамматических характеристик к коммуникативной сущности этого феномена.

ЧР предстает в работе как реализация диалогического взаимодействия «своего» и «чужого». Анализ ЧР в монографии ориентирован на современную тенденцию исследования не «речи», а «речевого поведения» и на учение о динамическом характере языковых феноменов, он опирается на идеи профессора С.Г. Ильенко и традиции возглавляемой ею Герценовской синтаксической школы, творчески преломля научные результаты изучения сложного синтаксического целого в структуре текста (работы М.Я. Дымарского).

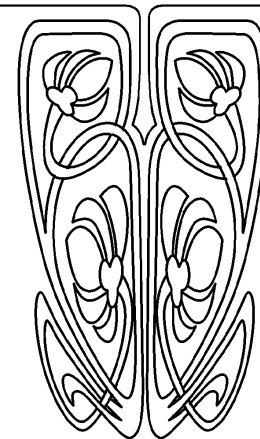
Выдвинутая автором гипотеза исследования: предположение о возможности построить целостную концепцию ЧР и проникнуть посредством описания системы коммуникативных стратегий ЧР в особенности картины мира говорящего, специфическое содержание которой составляет модель диалогического взаимодействия с Другим, – развивается последовательно и аргументированно на основе анализа огромного материала – более 4000 текстовых фрагментов, взятых из разнообразных жанров XIX–XX вв.: это и письма П.Я. Чаадаева, и философские труды В.В. Розанова, и культурологические работы Д.С. Лихачева, и эссе И. Бродского и Л. Гинзбург, и художественные тексты И.С. Тургенева, А.П. Чехова, М.М. Зощенко, Л. Петрушевской, и записные книжки С. Довлатова; и научные тексты по философии религии, стихосложению, лингвистике; и воспоминания, дневники. В этих текстах автор умеет найти цитаты, служащие выразительными аргументами в доказательстве положений работы.

Остановимся на основных особенностях научного метода автора и наиболее ценных в теоретическом отношении итогах анализа.

Основное достоинство монографии – ее целостный концептуальный характер. Феномен «чужой речи» автор подвергает тщательному многоаспектному изучению, исходя из ее диалогичности – оппозиции «свое-чужое», которая рассматривается как семантическая основа ЧР. Предметом анализа избираются формы, ранее не подвергавшиеся специальному исследованию, – текстовые формы (ТФ), характеризующиеся логико-смысловым наполнением, так называемые *тексты-ментативы*. Именно эти формы рассматриваются как основы функционирования ЧР. Их главными характеристиками, в отличие от простого употребления ЧР в тексте, являются ядерность отношений «свое» / «чужое» для целостного семантического единства, создание специфической для ТФ ЧР коммуникативной структуры, соотнесенность с одной из единиц текстообразования – главным образом, со сложным синтак-

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

сическим целым. Эти формы концентрируют в себе коммуникативные процессы диалогического взаимодействия. Тексты-ментативы – это тексты, опирающиеся на ментальный тип ситуации (их аналоги – «тексты-рассуждения» (О.А. Нечаева), тексты, отражающие «сентенционный тип речи» (С.Г. Ильенко) и т.д.).

Приведем примеры текстовых форм чужой речи, подвергаемых анализу:

Все нынче толкуют у нас про направление: не направление нам надобно, а правление. Грамотка без учителей не водится. Самодельных властей у нас развелось много, но лиц с настоящим значением в просвещенном слое общества пока еще не завелось (П.Я. Чаадаев. Письма).

«Поэзия – это не «лучшие слова в лучшем порядке», это – высшая форма существования языка. Чисто технически, конечно, она сводится к размещению слов с наибольшим удельным весом в наиболее эффективной и внешне неизбежной последовательности. В идеале же – это именно отрицание языком своей массы и законов тяготения, это устремление языка вверх – или в сторону – к тому началу, в котором было Слово. Во всяком случае, это – движение языка в до (над) жанровые области, т.е. в те сферы, откуда он взялся (И. Бродский. Поэт и проза).

Ахматова говорит, что Олейников пишет, как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал превосходные стихи. Вкус Анны Андреевны имеет предметом Мандельштама, Пастернака. Обернуть уже за пределом. Она думает, что Олейников – шутка, что вообще так шутят (Л.Я. Гинзбург. Человек за письменным столом. Записи).

Интерпретация диалогизма текстов-ментативов и всех форм ЧР вообще строится на основе новой концепции соотношения языка-речи-текста и соответственно – дифференциации форм ЧР в каждой из ипостасей этой триады, между которыми автор устанавливает не иерархические, а взаимодействующие отношения.

Методологически важен и плодотворен принцип подхода автора к категории универсальности в ЧР. Глубоко проникая в реальные процессы функционирования ЧР, вычленив в них черты универсальности, Н.В. Максимова никогда не ограничивает свой научный кругозор типологически однообразным материалом, удобным для концептуальных выводов, но самое пристальное внимание обращает на те языковые, содержательные, коммуникативные явления, которые не укладываются в эти общие закономерности, показывая их своеобразие, уточняя степень жесткости закономерностей и определяя их способность служить исходным моментом дальнейших обобщений.

Показательными примерами такого подхода служат два введенные в анализ понятия системы: *полевая структура* ЧР и особый тип значений, который кладется в основу классификации коммуникативных стратегий, – *интерпретативное значение*.

Ведущим структурным принципом в организации способов передачи ЧР автором избирается не грамматическая характеристика, как это свойственно многим исследованиям, а реальная степень маркированности границ и различная степень обособленности/проницаемости «своего» и «чужого». С опорой на этот принцип автор применяет методику *полевого структурирования*, позволяющую описывать разнородные по своему лингвистическому статусу виды ЧР: ядерная зона поля рассматривается как конструкции прямой речи, по степени же маркированности границ «своего» и «чужого» выделяются ближняя (ККР) и дальняя (текстовая) периферии.

Содержательную же сторону различной степени маркированности/немаркированности, обособленности/проницаемости «своего» и «чужого» автор раскрывает посредством опоры на *особые интерпретативные типы значения*.

Природа интерпретативных значений – в незакрепленности их за определенными формами ЧР, в соотношении с тем или иным фрагментом ЧР. Они проявляют тенденции тех областей системы, где нет «одно-однозначного соответствия функция-средство» (М.Я. Дымарский). Это понятие стратегического, а не структурного типа. Поэтому их лингвистическое описание отличается от описания лексической, морфологической и синтаксической семантики.

Типовые интерпретативные значения ЧР передают способы экспликации и функции чужой речи и выступают в виде *интерпретант – прагматической, референциальной и рецептивной*. Система интерпретативных значений строится на основе динамики «своего» и «чужого» (вводящего и вводимого).

Монография обогащает теорию коммуникации новым пониманием *коммуникативной стратегии* (КС) как значимой для речевого поведения языковой личности *соотнесенности типа позиции (по отношению к чужому/Другому) и типа выражающей эту позицию текстовой формы* (ее коммуникативной структуры).

Понятие коммуникативной структуры рассматривается Н.В. Максимовой по отношению к когнитивной категории «концепция текста» (М.Я. Дымарский). Каждая из категорий – и коммуникативная стратегия, и когнитивная составляющая – имеют специфические наборы компонентов: для коммуникативной стратегии – это оппозиции («чужое-его отрицание», «чужое-его развитие» и т.д.) для концептуальной структуры – это набор компонентов, описывающих семантические первоэлементы этих бинарных типов (*субъектно-предикатные отношения: группа субъекта – группа предиката, объект* и т.д.). Коммуникативная стратегия и текстовая концепция представляют способы концептуализации действительности.

Новое понимание КС Н.В. Максимова реализует в систематизации ее разновидностей, что,

как и всякая аргументированная классификация, служит важнейшей составляющей развиваемой теории. Типология КС строится с учетом параметров репликовости/текстовости, нарративности/ментативности и инициальности/ответности, которые выступают основаниями для определения **ответного текста-ментатива**.

Автор выделяет на основе ответного текста-ментатива 5 базовых КС: *развитие, применение, отрицание, толкование, переоформление* – и 3 пограничных: *оценивание, комментирование, переопределение*.

Приведем текстовые иллюстрации некоторых моделей коммуникативных стратегий.

КС-отрицание:

Разговоры о том, что такие-то стихи плохи, потому что литературны... Но литература и есть литература, в то же время она одна из истиннейших жизни.

Притом мы знаем, что литературные модели обладали в жизни человека страшной реальностью, даже смертельной. Они формировали идеал, они деформировали, они губили (Л.Я. Гинзбург. Человек за письменным столом. Записи).

КС-применение:

Говорят, что у слепых недостаток зрения вознаграждается усилением других чувств. Не от того ли и мысли зрячего делаются сильнее ночью, когда он не видит обыкновенными и должен смотреть душевными глазами? Многие предприятия обдумываются ночью. Это, может быть, не плохо не только для тайны, но и для того, что человек, в темноте, лучше размышлять может (Н.И. Тургенев – П.Я. Чаадаеву).

Варианты тактик и контаминация форм коммуникативных стратегий рассматриваются как отражение логической структуры позиции и коммуникативных предпочтений личности. В результате коммуникативная стратегия предстает как содержательная макроструктура, в которой реализуется коммуникативный способ концептуализации действительности.

В общелингвистическом плане важен вывод о том, что коммуникативная стратегия и текстовая концепция как когнитивный способ концептуализации действительности находятся в глубоком внутреннем взаимодействии, представляя соположенные, равноправные и взаимосвязанные содержательные макроструктуры, соотносительность которых служит отражением языковой картины мира личности.

Для развития предложенного направления большое значение имеет тщательная разработка автором методики анализа. В основе ее лежит особая роль сложного синтаксического целого и его отражение в матричной форме, которая образована по горизонтали коммуникативно-синтаксическими позициями тем и рем высказываний, а по вертикали – собственно рядом высказываний. Ценным является выделение параметров описания текстовых моделей: композиционного, тема-рематического и логико-смыслового, представленного медиаторами

(на поверхностном уровне – разнообразными вариантами связочных и метатекстовых средств).

Теоретическая значимость исследования Н.В. Максимовой заключается, таким образом, в развитии нового понимания коммуникативной стратегии как соотносительности типа позиции в коммуникации и ее текстовой формы, в новаторской концептуальной разработке всех форм ЧР как коммуникативной стратегии и создания модели ее анализа.

Концепция чужой речи как коммуникативно-лингвистической категории позволила осмыслить все разнообразие форм реализации отношений «свое-чужое». Благодаря выделению особого типа интерпретативных значений получила новое подтверждение и развитие идея возможности описания явлений, не имеющих типологических отношений «функция-средство».

Замечания по тексту монографии носят частный характер. Одно из них касается базовых стратегий оценки и отрицания применительно к политическому дискурсу в связи с его особой прагматической природой. В политической полемике, кроме двойки направленности – на оппонента и возможного читателя или слушателя, существует еще одна направленность – на власть, на действующие в социуме законы государства. Последняя реализуется имплицитно, в подтексте. Чаще всего базовые стратегии *оценки и отрицания* в соответствующих коммуникативных актах осложнены имплицитными компонентами критики, спора, оппозиционности и т.д., и представляется, что они должны учитываться при характеристике названных стратегий.

Ряд замечаний связан с разделом библиографии. В теоретически обобщающем исследовании читатель ожидает найти относительную исчерпанность литературы вопроса, т.е. отражение работ, не только близких автору, но и традиционных. Последние же не всегда приводятся автором. Не указаны, например, такие важные для развития точек зрения на ЧР исследования, как статья Н.Ю. Шведовой «К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя», построенная на материале несобственно-прямой речи (ВЯ, 1952, № 2), монография Н.А. Кожевниковой «Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв.» (1994), на которую, кстати, автор неоднократно ссылается, монография Е.А. Иванчиковой «Язык художественной литературы: Синтаксическая изобразительность» (1992). Отсутствуют в списке литературы работы В.В. Виноградова, и теоретические, и посвященные языку отдельных писателей – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Ахматовой и др. В этих работах сквозь призму отношения речи автора и персонажей в несобственно-прямой речи рассматривается эволюция языка художественной литературы и шире – литературного языка вообще, а само обращение к проблеме чужой речи, в ее субъектно-экспрессивной форме, знаменует, по справедливой оценке Г.Н. Акимовой, начало нового направления

в синтаксисе – экспрессивного синтаксиса. Все эти работы – стилистические, но в современной науке и собственно лингвистические отрасли, и теория коммуникации, как и другие сферы филологии: риторика, культура речи, теория текста, – переживают процесс интеграции со стилистикой, и это как нельзя более выразительно демонстрируется самой Н.В. Максимовой и проявляется не только в ее тонких стилистических комментариях, рассеянных по всему тексту монографии, но и в постоянном обращении к таким вопросам, как литературные традиции, способы индивидуализации коммуникативных стратегий ЧР, связь ЧР с эволюцией литературных направлений, зависимость коммуникативных стратегий от жанра, идиостиля; в использовании стилистического эксперимента и т.д. Поэтому в библиографии (а отчасти и в обзоре теорий ЧР (с. 6–21) хотелось бы видеть стилистический подход к проблеме более широким.

Значительны перспективы представленного в монографии исследования. Помимо направлений, которые намечены самим автором (уточнение типологии коммуникативной стратегии, ее жанрового компонента, применение предложенного подхода к целостному речевому поведению языковой личности и др.), нам кажутся интересными еще два пути развития идей монографии в пределах художественной речи.

Таково применение новой теории ЧР к изучению внутренней речи, роль которой особенно возрастает в модернистских текстах XX в. (В. Набоков, А. Битов, С. Соколов и др.). Система коммуникативных стратегий, разработанная автором, позволит точнее определить специфику ЧР в «потоке сознания» как приметы этого направления, характер метатекстовых структур, особую интертекстуальность.

Другая сфера, в которой может быть плодотворным использование теории и методики анализа Н.В. Максимовой, – это изучение языка поэзии, который только начинает исследоваться в аспекте диалогизма. Принципы анализа, развиваемые автором, помогут выявить специфику коммуникативных стратегий ЧР в поэтическом диалоге, с его недосказанностью, лиризмом, интеллектуальным напряжением воспринимающего субъекта.

Монография имеет широкий спектр адресатов: это исследователи разных областей гуманитарного знания (лингвистики, теории текста, философии, теории коммуникации, риторики, психолингвистики), специалисты лингвоактивных профессий (политики, журналисты, преподаватели, юристы, деятели культуры и т.д.).

Следует отметить значимость полученных автором результатов для решения прагматических задач, стоящих перед нашей наукой о русском языке и связанных с совершенствованием его роли в социальной и культурной жизни страны, повышением общей речевой культуры, задачами обучения стратегии и тактике в разных типах речевой коммуникации.

М.Б. Борисова

Зюзин А.В. Краеведческие музеи Саратовской области: библиография изданий / Ст. М.В. Провоторова; Отв. ред. Н.С. Кикалова. – Саратов: Научная книга, 2008. 120 с. (Библиография Саратовской области, вып. 18).

ISBN 978-5-9758-0707-6

Одним из направлений работы Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского госуниверситета (ЗНБ СГУ) является создание библиографических картотек и баз данных по краеведческой тематике. Роспись журналов, библиография библиографии – все это облегчает читателям информационный поиск. Данный вид деятельности библиотеки отражен в издающихся специализированных сериях, например, в серии «Библиография Саратовской области».

Выпуск серии посвящен печатным работам, которые готовят краеведческие музеи Саратовской области и которые поступили в фонд ЗНБ СГУ. Библиографические записи включают порядковый номер (как для монографических работ, так и для сборников) и библиографические описания (сборники расписаны по статьям с указанием страниц, на которых размещается публикация). Описания расположены в алфавитном порядке, серийные и продолжающиеся издания – в алфавитно-порядково-хронологическом. Все публикации просмотрены *de visu* и сверены с краеведческой картотекой ЗНБ СГУ. Учитывались издания, где было отмечено коллективное авторство музея или присутствовала ссылка на музей в выходных данных. Хронологический охват изданий – с 1912 г. по июль 2007 г. Географический – Балашов, Вольск, Саратов, Хвалынский, Энгельс. В издание не вошла роспись материалов, помещенных в Трудах Саратовской учёной архивной комиссии, так как она представлена, к сожалению, без указания страниц к статьям, в работе В.Г. Миронова «Указатель статей и заметок, опубликованных в трудах СУАК, вып. 1-33» (см. № 1430 настоящего издания).

Книга снабжена двумя вспомогательными указателями. Именной указатель содержит сведения обо всех лицах, отраженных в библиографических записях (авторы, соавторы, составители, редакторы и т. д.). Хронологический указатель включает номера изданий (монографий или сборников) по году их выхода в свет.

Автор выражает глубокую и искреннюю благодарность директору Балашовского краеведческого музея Л.П. Ивановой за переданные в фонд ЗНБ СГУ публикации музея и старшему научному сотруднику Саратовского областного музея краеведения М.В. Провоторовой за предоставление своей статьи «Краеведческие музеи Саратовской области» для настоящей работы.

Данная библиография изданий не претендует на исчерпывающую полноту, поэтому автор будет признателен всем специалистам за отзывы, замечания, уточнения, возможные дополнения и пожелания.

в синтаксисе – экспрессивного синтаксиса. Все эти работы – стилистические, но в современной науке и собственно лингвистические отрасли, и теория коммуникации, как и другие сферы филологии: риторика, культура речи, теория текста, – переживают процесс интеграции со стилистикой, и это как нельзя более выразительно демонстрируется самой Н.В. Максимовой и проявляется не только в ее тонких стилистических комментариях, рассеянных по всему тексту монографии, но и в постоянном обращении к таким вопросам, как литературные традиции, способы индивидуализации коммуникативных стратегий ЧР, связь ЧР с эволюцией литературных направлений, зависимость коммуникативных стратегий от жанра, идиостиля; в использовании стилистического эксперимента и т.д. Поэтому в библиографии (а отчасти и в обзоре теорий ЧР (с. 6–21) хотелось бы видеть стилистический подход к проблеме более широким.

Значительны перспективы представленного в монографии исследования. Помимо направлений, которые намечены самим автором (уточнение типологии коммуникативной стратегии, ее жанрового компонента, применение предложенного подхода к целостному речевому поведению языковой личности и др.), нам кажутся интересными еще два пути развития идей монографии в пределах художественной речи.

Таково применение новой теории ЧР к изучению внутренней речи, роль которой особенно возрастает в модернистских текстах XX в. (В. Набоков, А. Битов, С. Соколов и др.). Система коммуникативных стратегий, разработанная автором, позволит точнее определить специфику ЧР в «потоке сознания» как приметы этого направления, характер метатекстовых структур, особую интертекстуальность.

Другая сфера, в которой может быть плодотворным использование теории и методики анализа Н.В. Максимовой, – это изучение языка поэзии, который только начинает исследоваться в аспекте диалогизма. Принципы анализа, развиваемые автором, помогут выявить специфику коммуникативных стратегий ЧР в поэтическом диалоге, с его недосказанностью, лиризмом, интеллектуальным напряжением воспринимающего субъекта.

Монография имеет широкий спектр адресатов: это исследователи разных областей гуманитарного знания (лингвистики, теории текста, философии, теории коммуникации, риторики, психолингвистики), специалисты лингвоактивных профессий (политики, журналисты, преподаватели, юристы, деятели культуры и т.д.).

Следует отметить значимость полученных автором результатов для решения прагматических задач, стоящих перед нашей наукой о русском языке и связанных с совершенствованием его роли в социальной и культурной жизни страны, повышением общей речевой культуры, задачами обучения стратегии и тактике в разных типах речевой коммуникации.

М.Б. Борисова

Зюзин А.В. Краеведческие музеи Саратовской области: библиография изданий / Ст. М.В. Провоторова; Отв. ред. Н.С. Кикалова. – Саратов: Научная книга, 2008. 120 с. (Библиография Саратовской области, вып. 18).

ISBN 978-5-9758-0707-6

Одним из направлений работы Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского госуниверситета (ЗНБ СГУ) является создание библиографических картотек и баз данных по краеведческой тематике. Роспись журналов, библиография библиографии – все это облегчает читателям информационный поиск. Данный вид деятельности библиотеки отражен в издающихся специализированных сериях, например, в серии «Библиография Саратовской области».

Выпуск серии посвящен печатным работам, которые готовят краеведческие музеи Саратовской области и которые поступили в фонд ЗНБ СГУ. Библиографические записи включают порядковый номер (как для монографических работ, так и для сборников) и библиографические описания (сборники расписаны по статьям с указанием страниц, на которых размещается публикация). Описания расположены в алфавитном порядке, серийные и продолжающиеся издания – в алфавитно-порядково-хронологическом. Все публикации просмотрены *de visu* и сверены с краеведческой картотекой ЗНБ СГУ. Учитывались издания, где было отмечено коллективное авторство музея или присутствовала ссылка на музей в выходных данных. Хронологический охват изданий – с 1912 г. по июль 2007 г. Географический – Балашов, Вольск, Саратов, Хвалынский, Энгельс. В издание не вошла роспись материалов, помещенных в Трудах Саратовской учёной архивной комиссии, так как она представлена, к сожалению, без указания страниц к статьям, в работе В.Г. Миронова «Указатель статей и заметок, опубликованных в трудах СУАК, вып. 1-33» (см. № 1430 настоящего издания).

Книга снабжена двумя вспомогательными указателями. Именной указатель содержит сведения обо всех лицах, отраженных в библиографических записях (авторы, соавторы, составители, редакторы и т. д.). Хронологический указатель включает номера изданий (монографий или сборников) по году их выхода в свет.

Автор выражает глубокую и искреннюю благодарность директору Балашовского краеведческого музея Л.П. Ивановой за переданные в фонд ЗНБ СГУ публикации музея и старшему научному сотруднику Саратовского областного музея краеведения М.В. Провоторовой за предоставление своей статьи «Краеведческие музеи Саратовской области» для настоящей работы.

Данная библиография изданий не претендует на исчерпывающую полноту, поэтому автор будет признателен всем специалистам за отзывы, замечания, уточнения, возможные дополнения и пожелания.

Издание призвано помочь преподавателям, студентам и сотрудникам при работе с публикациями краеведческого характера.

Для сотрудников библиотек, студентов и преподавателей вузов, учащихся и учителей колледжей, гимназий и лицеев, всех интересующихся краеведческими изданиями Саратовской области.

Литературно-критические выступления

Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология» / Сост. Н.В. Новикова; Под ред. Е.П. Никитиной, И.А. Книгина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – 268 с.: 6 ил.

ISBN 978-5-292-03714-9

Цель настоящего пособия – познакомить читателя со статьями Р.В. Иванова-Разумника (1878–1946), литературного редактора и ведущего критика журнала «Заветы». Выступления Р.В. Иванова-Разумника в этом общественно-литературном ежемесячнике, переиздаваемые впервые после более чем восьмидесятилетнего перерыва, не утрачивают актуальности, содержат ростки современного осмысления литературного движения начала 1910-х гг. «Героями» статей Иванова-Разумника являются писатели и критики XIX в. (В.Г. Белинский, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин) и современники (Ю. Айхенвальд, М. Горький, И. Бунин, А. Ремизов, М. Пришвин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Ропшин (Б. Савинков), П. Карпов, Б. Зайцев, С. Сергеев-Ценский, А. Андреев, В. Вольнов, Е. Замятин, Ф. Сологуб, А. Блок, Ю. Верховский, В. Пяст, А. Ахматова, М. Моравская, И. Северянин, Н. Клюев, К. Эрберг). Статьи расположены по жанрово-тематическому принципу (годовые обзоры, теоретико-литературные работы, рецензии, творческие портреты, монографические очерки и т. д.), предварены вступительной статьей, сопровождаются примечаниями, вопросами для самостоятельной работы и списком справочной литературы. Пособие призвано служить подспорьем в изучении истории русской литературы и критики XIX–XX вв., истории журналистики и теории литературы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей факультетов филологии и журналистики, а также всех, кто стремится к воссозданию объективной картины литературного процесса вековой давности.

Биткинова В.В. Предромантические повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» и «Сьерра-Морена»: Просеминарий: Учеб. пособие / Отв. ред. Ю.Н. Борисов. – Саратов: Научная книга, 2008. – 60 с.

ISBN 978-5-9758-0705-2

В центре внимания предлагаемого просеминара две повести Н.М. Карамзина. Небольшой объем, относительная простота, «прозрачность» и при этом разнообразие художественных приемов делают их благодатным материалом для формирования навыков анализа художественного текста. В учебном пособии приводятся планы занятий, в том числе лекций обзорного и теоретического характера, практических занятий по анализу повестей, коллоквиумов, на которых обсуждаются научные труды по историко-литературной и теоретической проблематике просеминара. Темы курсовых работ предполагают разнообразие исследовательских подходов: историко-литературного, сопоставительного и сравнительно-типологического, сопровождаются системой вопросов или кратким описанием, а также списком основной литературы. В разделе «Материалы к лекциям» даются сведения об истории изучения предромантизма, особенностях предромантизма как мировоззренческой и эстетической системы, западноевропейских и русских писателей-предромантиков, месте творчества Н.М. Карамзина в этом литературном течении.

Для преподавателей и студентов вузов, учащихся гуманитарных колледжей и лицеев, всех интересующихся историей русской литературы XVIII века.

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. I–II. – 300 с.

ISSN 1997-3098

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. III. – 288 с.

ISSN 1997-3098

Сборник статей молодых ученых «Филологические этюды» составлен по материалам Всероссийской конференции «Филология и журналистика в начале XXI века», проходившей в апреле 2007 г.

Конференция была посвящена 90-летию гуманитарного образования в Саратовском университете, что определило проблематику статей, открывших первый том сборника: статьи проф. А.А. Гапоненкова «Диалог ученых – создателей факультета (В.М. Жирмунский – С.Л. Франк)», проф. М.Б. Борисовой «Эстетика слова как одно из направлений Саратовской лингвистической школы» и ст. преп. А.В. Зюзина «Спецкурсы А.П. Скафтымова».

Традиционно сборник состоит из трех частей: литературоведческой, журналистской и лингвистической.

Часть I включает три раздела: «Поэтика и проблематика художественного текста: образы, мотивы, идеи», «Проблемы литературного диалога», «Теория. Эстетика. Критика».

Исследования молодых ученых-филологов построены как на фольклорном материале, так и

Издание призвано помочь преподавателям, студентам и сотрудникам при работе с публикациями краеведческого характера.

Для сотрудников библиотек, студентов и преподавателей вузов, учащихся и учителей колледжей, гимназий и лицеев, всех интересующихся краеведческими изданиями Саратовской области.

Литературно-критические выступления

Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология» / Сост. Н.В. Новикова; Под ред. Е.П. Никитиной, И.А. Книгина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – 268 с.: 6 ил.

ISBN 978-5-292-03714-9

Цель настоящего пособия – познакомить читателя со статьями Р.В. Иванова-Разумника (1878–1946), литературного редактора и ведущего критика журнала «Заветы». Выступления Р.В. Иванова-Разумника в этом общественно-литературном ежемесячнике, переиздаваемые впервые после более чем восьмидесятилетнего перерыва, не утрачивают актуальности, содержат ростки современного осмысления литературного движения начала 1910-х гг. «Героями» статей Иванова-Разумника являются писатели и критики XIX в. (В.Г. Белинский, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин) и современники (Ю. Айхенвальд, М. Горький, И. Бунин, А. Ремизов, М. Пришвин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Ропшин (Б. Савинков), П. Карпов, Б. Зайцев, С. Сергеев-Ценский, А. Андреев, В. Вольнов, Е. Замятин, Ф. Сологуб, А. Блок, Ю. Верховский, В. Пяст, А. Ахматова, М. Моравская, И. Северянин, Н. Клюев, К. Эрберг). Статьи расположены по жанрово-тематическому принципу (годовые обзоры, теоретико-литературные работы, рецензии, творческие портреты, монографические очерки и т. д.), предварены вступительной статьей, сопровождаются примечаниями, вопросами для самостоятельной работы и списком справочной литературы. Пособие призвано служить подспорьем в изучении истории русской литературы и критики XIX–XX вв., истории журналистики и теории литературы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей факультетов филологии и журналистики, а также всех, кто стремится к воссозданию объективной картины литературного процесса вековой давности.

Биткинова В.В. Предромантические повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» и «Сьерра-Морена»: Просеминарий: Учеб. пособие / Отв. ред. Ю.Н. Борисов. – Саратов: Научная книга, 2008. – 60 с.

ISBN 978-5-9758-0705-2

В центре внимания предлагаемого просеминара две повести Н.М. Карамзина. Небольшой объем, относительная простота, «прозрачность» и при этом разнообразие художественных приемов делают их благодатным материалом для формирования навыков анализа художественного текста. В учебном пособии приводятся планы занятий, в том числе лекций обзорного и теоретического характера, практических занятий по анализу повестей, коллоквиумов, на которых обсуждаются научные труды по историко-литературной и теоретической проблематике просеминара. Темы курсовых работ предполагают разнообразие исследовательских подходов: историко-литературного, сопоставительного и сравнительно-типологического, сопровождаются системой вопросов или кратким описанием, а также списком основной литературы. В разделе «Материалы к лекциям» даются сведения об истории изучения предромантизма, особенностях предромантизма как мировоззренческой и эстетической системы, западноевропейских и русских писателей-предромантиков, месте творчества Н.М. Карамзина в этом литературном течении.

Для преподавателей и студентов вузов, учащихся гуманитарных колледжей и лицеев, всех интересующихся историей русской литературы XVIII века.

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. I–II. – 300 с.

ISSN 1997-3098

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. III. – 288 с.

ISSN 1997-3098

Сборник статей молодых ученых «Филологические этюды» составлен по материалам Всероссийской конференции «Филология и журналистика в начале XXI века», проходившей в апреле 2007 г.

Конференция была посвящена 90-летию гуманитарного образования в Саратовском университете, что определило проблематику статей, открывших первый том сборника: статьи проф. А.А. Гапоненкова «Диалог ученых – создателей факультета (В.М. Жирмунский – С.Л. Франк)», проф. М.Б. Борисовой «Эстетика слова как одно из направлений Саратовской лингвистической школы» и ст. преп. А.В. Зюзина «Спецкурсы А.П. Скафтымова».

Традиционно сборник состоит из трех частей: литературоведческой, журналистской и лингвистической.

Часть I включает три раздела: «Поэтика и проблематика художественного текста: образы, мотивы, идеи», «Проблемы литературного диалога», «Теория. Эстетика. Критика».

Исследования молодых ученых-филологов построены как на фольклорном материале, так и

Издание призвано помочь преподавателям, студентам и сотрудникам при работе с публикациями краеведческого характера.

Для сотрудников библиотек, студентов и преподавателей вузов, учащихся и учителей колледжей, гимназий и лицеев, всех интересующихся краеведческими изданиями Саратовской области.

Литературно-критические выступления

Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология» / Сост. Н.В. Новикова; Под ред. Е.П. Никитиной, И.А. Книгина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – 268 с.: 6 ил.

ISBN 978-5-292-03714-9

Цель настоящего пособия – познакомить читателя со статьями Р.В. Иванова-Разумника (1878–1946), литературного редактора и ведущего критика журнала «Заветы». Выступления Р.В. Иванова-Разумника в этом общественно-литературном ежемесячнике, переиздаваемые впервые после более чем восьмидесятилетнего перерыва, не утрачивают актуальности, содержат ростки современного осмысления литературного движения начала 1910-х гг. «Героями» статей Иванова-Разумника являются писатели и критики XIX в. (В.Г. Белинский, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин) и современники (Ю. Айхенвальд, М. Горький, И. Бунин, А. Ремизов, М. Пришвин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Ропшин (Б. Савинков), П. Карпов, Б. Зайцев, С. Сергеев-Ценский, А. Андреев, В. Вольнов, Е. Замятин, Ф. Сологуб, А. Блок, Ю. Верховский, В. Пяст, А. Ахматова, М. Моравская, И. Северянин, Н. Клюев, К. Эрберг). Статьи расположены по жанрово-тематическому принципу (годовые обзоры, теоретико-литературные работы, рецензии, творческие портреты, монографические очерки и т. д.), предварены вступительной статьей, сопровождаются примечаниями, вопросами для самостоятельной работы и списком справочной литературы. Пособие призвано служить подспорьем в изучении истории русской литературы и критики XIX–XX вв., истории журналистики и теории литературы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей факультетов филологии и журналистики, а также всех, кто стремится к воссозданию объективной картины литературного процесса вековой давности.

Биткинова В.В. Предромантические повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» и «Сьерра-Морена»: Просеминарий: Учеб. пособие / Отв. ред. Ю.Н. Борисов. – Саратов: Научная книга, 2008. – 60 с.

ISBN 978-5-9758-0705-2

В центре внимания предлагаемого просеминара две повести Н.М. Карамзина. Небольшой объем, относительная простота, «прозрачность» и при этом разнообразие художественных приемов делают их благодатным материалом для формирования навыков анализа художественного текста. В учебном пособии приводятся планы занятий, в том числе лекций обзорного и теоретического характера, практических занятий по анализу повестей, коллоквиумов, на которых обсуждаются научные труды по историко-литературной и теоретической проблематике просеминара. Темы курсовых работ предполагают разнообразие исследовательских подходов: историко-литературного, сопоставительного и сравнительно-типологического, сопровождаются системой вопросов или кратким описанием, а также списком основной литературы. В разделе «Материалы к лекциям» даются сведения об истории изучения предромантизма, особенностях предромантизма как мировоззренческой и эстетической системы, западноевропейских и русских писателей-предромантиков, месте творчества Н.М. Карамзина в этом литературном течении.

Для преподавателей и студентов вузов, учащихся гуманитарных колледжей и лицеев, всех интересующихся историей русской литературы XVIII века.

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. I–II. – 300 с.

ISSN 1997-3098

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. III. – 288 с.

ISSN 1997-3098

Сборник статей молодых ученых «Филологические этюды» составлен по материалам Всероссийской конференции «Филология и журналистика в начале XXI века», проходившей в апреле 2007 г.

Конференция была посвящена 90-летию гуманитарного образования в Саратовском университете, что определило проблематику статей, открывших первый том сборника: статьи проф. А.А. Гапоненкова «Диалог ученых – создателей факультета (В.М. Жирмунский – С.Л. Франк)», проф. М.Б. Борисовой «Эстетика слова как одно из направлений Саратовской лингвистической школы» и ст. преп. А.В. Зюзина «Спецкурсы А.П. Скафтымова».

Традиционно сборник состоит из трех частей: литературоведческой, журналистской и лингвистической.

Часть I включает три раздела: «Поэтика и проблематика художественного текста: образы, мотивы, идеи», «Проблемы литературного диалога», «Теория. Эстетика. Критика».

Исследования молодых ученых-филологов построены как на фольклорном материале, так и

Издание призвано помочь преподавателям, студентам и сотрудникам при работе с публикациями краеведческого характера.

Для сотрудников библиотек, студентов и преподавателей вузов, учащихся и учителей колледжей, гимназий и лицеев, всех интересующихся краеведческими изданиями Саратовской области.

Литературно-критические выступления

Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология» / Сост. Н.В. Новикова; Под ред. Е.П. Никитиной, И.А. Книгина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – 268 с.: 6 ил.

ISBN 978-5-292-03714-9

Цель настоящего пособия – познакомить читателя со статьями Р.В. Иванова-Разумника (1878–1946), литературного редактора и ведущего критика журнала «Заветы». Выступления Р.В. Иванова-Разумника в этом общественно-литературном ежемесячнике, переиздаваемые впервые после более чем восьмидесятилетнего перерыва, не утрачивают актуальности, содержат ростки современного осмысления литературного движения начала 1910-х гг. «Героями» статей Иванова-Разумника являются писатели и критики XIX в. (В.Г. Белинский, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин) и современники (Ю. Айхенвальд, М. Горький, И. Бунин, А. Ремизов, М. Пришвин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Ропшин (Б. Савинков), П. Карпов, Б. Зайцев, С. Сергеев-Ценский, А. Андреев, В. Вольнов, Е. Замятин, Ф. Сологуб, А. Блок, Ю. Верховский, В. Пяст, А. Ахматова, М. Моравская, И. Северянин, Н. Клюев, К. Эрберг). Статьи расположены по жанрово-тематическому принципу (годовые обзоры, теоретико-литературные работы, рецензии, творческие портреты, монографические очерки и т. д.), предварены вступительной статьей, сопровождаются примечаниями, вопросами для самостоятельной работы и списком справочной литературы. Пособие призвано служить подспорьем в изучении истории русской литературы и критики XIX–XX вв., истории журналистики и теории литературы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей факультетов филологии и журналистики, а также всех, кто стремится к воссозданию объективной картины литературного процесса вековой давности.

Биткинова В.В. Предромантические повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» и «Сьерра-Морена»: Просеминарий: Учеб. пособие / Отв. ред. Ю.Н. Борисов. – Саратов: Научная книга, 2008. – 60 с.

ISBN 978-5-9758-0705-2

В центре внимания предлагаемого просеминара две повести Н.М. Карамзина. Небольшой объем, относительная простота, «прозрачность» и при этом разнообразие художественных приемов делают их благодатным материалом для формирования навыков анализа художественного текста. В учебном пособии приводятся планы занятий, в том числе лекций обзорного и теоретического характера, практических занятий по анализу повестей, коллоквиумов, на которых обсуждаются научные труды по историко-литературной и теоретической проблематике просеминара. Темы курсовых работ предполагают разнообразие исследовательских подходов: историко-литературного, сопоставительного и сравнительно-типологического, сопровождаются системой вопросов или кратким описанием, а также списком основной литературы. В разделе «Материалы к лекциям» даются сведения об истории изучения предромантизма, особенностях предромантизма как мировоззренческой и эстетической системы, западноевропейских и русских писателей-предромантиков, месте творчества Н.М. Карамзина в этом литературном течении.

Для преподавателей и студентов вузов, учащихся гуманитарных колледжей и лицеев, всех интересующихся историей русской литературы XVIII века.

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. I–II. – 300 с.

ISSN 1997-3098

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11, ч. III. – 288 с.

ISSN 1997-3098

Сборник статей молодых ученых «Филологические этюды» составлен по материалам Всероссийской конференции «Филология и журналистика в начале XXI века», проходившей в апреле 2007 г.

Конференция была посвящена 90-летию гуманитарного образования в Саратовском университете, что определило проблематику статей, открывших первый том сборника: статьи проф. А.А. Гапоненкова «Диалог ученых – создателей факультета (В.М. Жирмунский – С.Л. Франк)», проф. М.Б. Борисовой «Эстетика слова как одно из направлений Саратовской лингвистической школы» и ст. преп. А.В. Зюзина «Спецкурсы А.П. Скафтымова».

Традиционно сборник состоит из трех частей: литературоведческой, журналистской и лингвистической.

Часть I включает три раздела: «Поэтика и проблематика художественного текста: образы, мотивы, идеи», «Проблемы литературного диалога», «Теория. Эстетика. Критика».

Исследования молодых ученых-филологов построены как на фольклорном материале, так и

на произведениях русской и мировой литературы XVIII-XXI вв. в области эпоса, лирики, драмы, литературной критики, публицистики. Стоит также отметить, во-первых, то, что возобновился интерес к филологическому анализу театральные постановок и кинематографических экранизаций художественных произведений, во-вторых, при работе с зарубежными (не переведенными на русский язык) источниками авторы статей предложили свои переводы художественных текстов и научной литературы.

Часть II обращена к истории, теории и практике журналистики. Второй раздел этой части включает статьи, авторы которых занимаются изучением языка СМИ.

Часть III посвящена актуальным вопросам лингвистики. В нее вошли такие разделы, как «Лексика и семантика», «Языковая картина мира», «Язык писателя», «Стилистика художественного текста», «психолингвистика, социоллингвистика», «Дискурс», «Коммуникативные жанры», «Речевое общение». Работы выполнены на материале русского, английского, немецкого, французского и турецкого языков. Наряду с традиционными аспектами стилистических и грамматических исследований в сборнике широко представлены статьи, рассматривающие новые, активно развивающиеся аспекты языка: анализ ассоциатив-

ных реакций, речевых жанров, языка СМИ и Интернета; национальная языковая картина мира анализируется с точки зрения отдельных лингвокультурных концептов (Пространство, Время, Небо и др.).

По сравнению с предыдущими сборниками следует отметить увеличение количества статей в разделах «Лексика и семантика», «Языковая картина мира».

Исследования строятся на материале рок-поэзии, текстов художественной литературы, СМИ и Интернета, устной разговорной речи, словарей, данных ассоциативных экспериментов.

Ученые-филологи Саратовского университета постоянно находятся в диалоге с коллегами других российских вузов. Об этом свидетельствует число иногородних участников и конференции, и сборника статей.

Начиная с данного выпуска сборнику «Филологические этюды» присвоен статус серийного издания.

Издание подготовлено Советом молодых ученых Института филологии и журналистики. Рекомендуются для специалистов-филологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

Г. Алтынбаева, Т. Бердникова

ХРОНИКА

ПЕРВЫЕ В МИРЕ ХЛЕСТАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

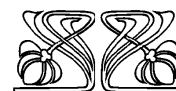
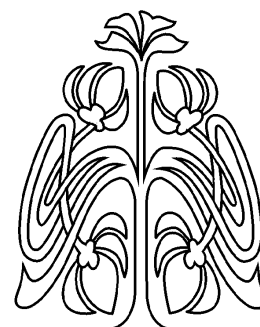
Свершилось! 31 марта – 1 апреля 2008 г. в Саратове состоялись Первые в мире Хлестаковские чтения, посвященные блистательному Ивану Александровичу Хлестакову, его жизни, его литературной, театральной и читательской славе. Досточтимые господа и дамы, участвовавшие в конференции, обсудили также проблемы мистификаторства, функционирования мотивов обмана, подлога, вранья, околпачивания в литературе и журналистике. Чтения проводились кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского императорского университета и ее друзьями. Двухдневные научные и околонучные штудии закончились традиционным Хлестаковским фестивалем. А начинались они так...

На пленарном чтении были внесены исторические уточнения в известный всем маршрут И.А. Хлестакова: Петербург – деревня Подкатиловка Саратовской губернии. Автор идеи чтений профессор В.В. Прозоров объяснил, как в связи с историческими и социальными изменениями Подкатиловка территориально вошла в состав нашего города. Так, с первой минуты чтений началось создание/воссоздание топоса Подкатиловки. Почтенный гость из Петербурга профессор Б.Ф. Егоров в своем выступлении обратился к «обману с положительным знаком в искусстве». Профессор Ю.Н. Борисов определил еще одну черту чтений – интертекстуальность, взаимопроникновение реальностей.

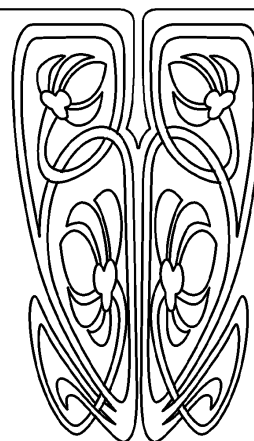
Итак, Петербург и Подкатиловка – между этими двумя точками пролегает путь Хлестакова – Россия, представленная на чтениях гостями из Москвы, Балашова, Волгограда, Липецка, Самары. На дневном чтении А.Ф. Седов (Балашов) предложил свой ответ на заданный В.В. Прозоровым вопрос: Куда держит путь Иван Хлестаков? Исследователь обозначил Саратов и Саратовскую губернию «как запредельное там». Следующие выступления были посвящены вопросам типологического родства и традиции в русской литературе. Так, К.М. Захаров в докладе «Глумов и Хлестаков: К вопросу о традициях русской комедиографии» проследил развитие гоголевского образа в пьесе А.Н. Островского, а В.С. Расторгуева (Липецк) обнаружила отсылки к тексту гоголевской комедии в романе Т.Н. Толстой «Кысь». О влиянии балаганной культуры на русскую литературу от Гоголя до авангарда рассказала Н.В. Сарфанова (Москва), тему воздействия низовой народной культуры на литературу продолжил А.Н. Зорин в докладе «Свадебная травестия: реальное сватовство и «невероятные события» «Женитьбы» Н.В. Гоголя». Своеобразным завершением обсуждения этой проблемы стало обращение Л.А. Давыденко к костюму как орудию обмана в сюжетах Гоголя.

Первый день завершился литературно-карнавальным шествием, устроенным М.С. Савенковой, Е.В. Изотовой и К.М. Захаровым. «Хлестаковцы» шли по главным улицам Подкатиловки, по ходу переименовывавая памятники (так появился монумент «Петрам Ивановичам Добчинскому и Бобчинскому»), скульптура «Лабардан») и срывая цветы удовольствия. Закончилось шествие чаепитием в гостеприимном Доме-музее Павла Кузнецова, во дворе которого торжественно были посажены арбузы – по семьсот рублей каждый!!!

Второй день был посвящен проблеме мистификации. Т.И. Печерская (Новосибирск) определила «странное» поведение Н.Г. Чернышевского как мистификацию. К мотиву обмана в литературе этого периода обратилась О.В. Тимашова. Мистификация также была рассмотрена как повествовательная стратегия (Э.Ф. Тугушева), как способ выражения эпатажной прагматики авангарда (А.В. Раева) и как вид авторской само-

ПРИЛОЖЕНИЯ

рефлексии (Е.А. Иванова). Манипулятивные технологии и игровую эстетику современных СМИ исследовали молодые ученые П.С. Ключникова (Самара) и Р.В. Мерзляков (Волгоград). Участники чтений обратились к сюжетам и образам русской литературы от Фонвизина (М.С. Савенкова) до Фигля Мигля (Е.М. Мамонтова, Балашов), и в каждом из них сквозила бессмертная история, так верно и удивительно изображенная Н.В. Гоголем. Мистификация смещает, размывает границы тек-

ста и реальности, создавая новую реальность. И в этой другой реальности, как через увеличительное стекло, яснее видна наша. И в конце концов становится непонятно, какая же из них – другая. И нельзя не согласиться с Гоголем в том, что «всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым». Тем более если ты родом из Подкатиловки...

А.В. Раева

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ФИЛОЛОГИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА»

23–25 апреля 2008 г. в СГУ прошла ежегодная Всероссийская конференция молодых учёных «Филология и журналистика в начале XXI века», организованная Советом молодых учёных Института филологии и журналистики при поддержке директората Института.

Конференция была приурочена к 100-летию профессора Павла Андреевича Бугаенко, основателя кафедры советской литературы (ныне – русской литературы XX века).

Пленарное заседание открыл директор Института филологии и журналистики, д-р филол. наук, профессор В.В. Прозоров. Студенты второго курса отделения журналистики подготовили видеоролик «Очерк жизни П.А. Бугаенко». Начиная тележурналистам удалось в пятиминутный фильм вместить не только основные вехи жизни и деятельности учёного и педагога, но и воспоминания коллег и учеников Павла Андреевича.

Доклад Л.Е. Герасимовой «Павел Андреевич Бугаенко – учёный, литературный критик, педагог» включал и рассказ о сложном жизненном пути учёного, и размышления о его профессиональной деятельности.

Проблематика научных интересов П.А. Бугаенко была поддержана докладами преподавателей И.С. Похазниковой и А.В. Зюзина. Ассистент кафедры общего литературоведения и журналистики И.С. Похазникова выступила с докладом «Жанр романа в журнальном контексте “Молодой гвардии” 1920-х годов», материалом для которого послужили тексты 1920-х гг., периода в истории русской литературы и критики, которым активно занимался профессор П.А. Бугаенко. На пленарном заседании прозвучало также выступление старшего преподавателя кафедры истории

русской литературы и фольклора А.А. Зюзина «Литературно-краеведческие персоналии». В центре внимания А.В. Зюзина была история литературного краеведения в Саратовском университете, творчество писателей-земляков и воспоминания о лекциях А.В. Луначарского в Саратове в 1920-х гг. В докладе была обозначена ещё одна грань интересов П.А. Бугаенко – литературная жизнь Поволжья.

Таким образом, сообщения, прозвучавшие на пленарном заседании, представили многогранность и многосложность жизни и профессиональной деятельности П.А. Бугаенко. Они задали тон работе 27 секций конференции. Традиционно конференция работала в трёх научных направлениях – литературоведческом, лингвистическом и журналистском. В течение трёх дней прозвучало более 160 докладов студентов 3–5 курсов всех специальностей, аспирантов, соискателей и молодых преподавателей. Среди участников были и гости из Балашова, Волгограда, Москвы, Самары, Ставрополя. Кроме того, был представлен ряд стендовых докладов заочных участников из многих вузов России.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций. Завершилась конференция награждением 35 победителей и их научных руководителей почётными грамотами и цветами. Лучшие работы были рекомендованы на общеуниверситетскую студенческую конференцию СГУ.

Итогом конференции традиционно станет издание сборника статей молодых учёных «Филологические этюды» (вып. 12), работа над которым уже началась.

Г. Алтынбаева

рефлексии (Е.А. Иванова). Манипулятивные технологии и игровую эстетику современных СМИ исследовали молодые ученые П.С. Ключникова (Самара) и Р.В. Мерзляков (Волгоград). Участники чтений обратились к сюжетам и образам русской литературы от Фонвизина (М.С. Савенкова) до Фигля Мигля (Е.М. Мамонтова, Балашов), и в каждом из них сквозила бессмертная история, так верно и удивительно изображенная Н.В. Гоголем. Мистификация смещает, размывает границы тек-

ста и реальности, создавая новую реальность. И в этой другой реальности, как через увеличительное стекло, яснее видна наша. И в конце концов становится непонятно, какая же из них – другая. И нельзя не согласиться с Гоголем в том, что «всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым». Тем более если ты родом из Подкатиловки...

А.В. Раева

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ФИЛОЛОГИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА»

23–25 апреля 2008 г. в СГУ прошла ежегодная Всероссийская конференция молодых учёных «Филология и журналистика в начале XXI века», организованная Советом молодых учёных Института филологии и журналистики при поддержке директората Института.

Конференция была приурочена к 100-летию профессора Павла Андреевича Бугаенко, основателя кафедры советской литературы (ныне – русской литературы XX века).

Пленарное заседание открыл директор Института филологии и журналистики, д-р филол. наук, профессор В.В. Прозоров. Студенты второго курса отделения журналистики подготовили видеоролик «Очерк жизни П.А. Бугаенко». Начинаящим тележурналистам удалось в пятиминутный фильм вместить не только основные вехи жизни и деятельности учёного и педагога, но и воспоминания коллег и учеников Павла Андреевича.

Доклад Л.Е. Герасимовой «Павел Андреевич Бугаенко – учёный, литературный критик, педагог» включал и рассказ о сложном жизненном пути учёного, и размышления о его профессиональной деятельности.

Проблематика научных интересов П.А. Бугаенко была поддержана докладами преподавателей И.С. Похазниковой и А.В. Зюзина. Ассистент кафедры общего литературоведения и журналистики И.С. Похазникова выступила с докладом «Жанр романа в журнальном контексте “Молодой гвардии” 1920-х годов», материалом для которого послужили тексты 1920-х гг., периода в истории русской литературы и критики, которым активно занимался профессор П.А. Бугаенко. На пленарном заседании прозвучало также выступление старшего преподавателя кафедры истории

русской литературы и фольклора А.А. Зюзина «Литературно-краеведческие персоналии». В центре внимания А.В. Зюзина была история литературного краеведения в Саратовском университете, творчество писателей-земляков и воспоминания о лекциях А.В. Луначарского в Саратове в 1920-х гг. В докладе была обозначена ещё одна грань интересов П.А. Бугаенко – литературная жизнь Поволжья.

Таким образом, сообщения, прозвучавшие на пленарном заседании, представили многогранность и многосложность жизни и профессиональной деятельности П.А. Бугаенко. Они задали тон работе 27 секций конференции. Традиционно конференция работала в трёх научных направлениях – литературоведческом, лингвистическом и журналистском. В течение трёх дней прозвучало более 160 докладов студентов 3–5 курсов всех специальностей, аспирантов, соискателей и молодых преподавателей. Среди участников были и гости из Балашова, Волгограда, Москвы, Самары, Ставрополя. Кроме того, был представлен ряд стендовых докладов заочных участников из многих вузов России.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций. Завершилась конференция награждением 35 победителей и их научных руководителей почётными грамотами и цветами. Лучшие работы были рекомендованы на общеуниверситетскую студенческую конференцию СГУ.

Итогом конференции традиционно станет издание сборника статей молодых учёных «Филологические этюды» (вып. 12), работа над которым уже началась.

Г. Алтынбаева

П.А. БУГАЕНКО – УЧЁНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК, ПЕДАГОГ

Мысль А.С. Пушкина о том, что нет истины, где нет любви, применима ко всем сферам человеческой жизни. К гуманитарной науке тоже. Благодарная память, любовь к нашим учителям позволяет ближе подойти к истине их жизни, их трудов.

25 июня 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Павла Андреевича Бугаенко, основателя и бессменного в течение четверти века руководителя кафедры советской литературы.

Судьба Павла Андреевича вобрала в себя три четверти XX века – утопического, трагического, но и, как все века, повседневно-жизненного. Павел Андреевич прожил свою жизнь честно, достойно и созидательно. Делом всей жизни, как он сам говорил, стала литература. Учёный, педагог, литературный критик, он хотел «чувствовать себя содеятелем» своего времени. В этом была и радость и источник мучительных сомнений: героическое, как вначале казалось, время всё больше ощущалось как трагическое, диктат совести всё чаще противостоял диктату эпохи. Только сейчас по-настоящему можно понять (да и то лишь в какой-то части) драму многих «рядовых участников литературной жизни», к которым причислял себя П.А. Бугаенко.

Он родился 25 июня 1908 г. в Петербурге в семье морского офицера, но почти вся его дальнейшая жизнь была связана в Волгой. В 1925 г. он окончил педагогическое училище в городе Николаевске Сталинградской области; в 1926 г. поступил на педагогический факультет Саратовского университета. Студента увлекали лекции А.П. Скафтымова, его филигранный анализ произведений Чехова, Толстого, Чернышевского; фактичность, обилие материала в лекциях В.В. Буша, знатока 60-х гг. XIX в., народничества; яростная полемика по проблемам литературной современности на лекциях Л.Г. Лелевича. Притягивало многообразие форм, направлений литературной жизни. Большое впечатление произвели на студенчество выступления в Саратове А.В. Луначарского в апреле 1927 г. Павел Андреевич вспоминает о них в своей книге «Дело моей жизни». Много спорили филологи и о выступлениях В.В. Маяковского в Саратове в январе 1927 г.¹

В 1930 г., еще до окончания университета, П.А. Бугаенко был отозван для работы директором педучилища в Балашове, потом работал директором средней школы в Саратове, заместителем заведующего Саратовским облоно и гороно. (Сдать экстерном экзамены за университет Павлу Андреевичу удалось только после войны, в 1946 г.) Он был отличным организатором, но главное, он был талантливым педагогом. Ученики были покорены не только знаниями учителя, но и его влюблённостью в литературу, его дружеским расположением к ним. Профессор В.В. Пугачёв (ученик 16-й школы) вспоминал, как заворожил

Павел Андреевич их, шестиклассников, романом Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Внимание к школе Павел Андреевич пронёс через всю жизнь, строго требовал его и от вузовских преподавателей. И в школе, и в университете он был не педагогом-инженером, конструирующим ученика, но педагогом-садовником, бережно выращивающим его.

До войны начал П.А. Бугаенко и литературно-критическую деятельность – и тоже на всю жизнь. Начинать он рецензиями в журнале «На культурном фронте», который издавался тогда в Саратове.

Всё оборвала война. Вначале – «незначимая», как писал Твардовский, финская, а затем Великая Отечественная. П.А. Бугаенко был заместителем начальника штаба 47-й танковой дивизии, помощником начальника 5-й гвардейской танковой бригады. При выходе из окружения под Харьковом в мае 1942 г. попал в плен, был в лагерях для военнопленных, в марте 1945 г. бежал из плена, в апреле перешёл линию фронта, претерпел «госпроверку» и до конца жизни ощущал след недоверия со стороны «инстанций». Гвардии майор Бугаенко, награждённый орденом Красной Звезды, полной мерой познал и героизм и трагизм войны.

После войны, работая (по рекомендации А.П. Скафтымова) с 1946 по 1949 г. заместителем директора Дома-музея Н.Г. Чернышевского, Павел Андреевич окунулся в богатые архивные материалы, основательно изучил пласт русской культуры, связанный с именем Чернышевского, защитил в 1952 г. кандидатскую диссертацию «Проблема общественно-преобразующего значения литературы в эстетической теории Чернышевского». Очень важна была для учёного встреча с Ю.Г. Оксманом, работа под его руководством над двухтомником «Воспоминания о Чернышевском».

Размышляя о работе Ю.Г. Оксмана в Саратове, М.О. Чудакова и Е.А. Тоддес высказывают очень перспективную мысль: «Было бы интересно проследить по записям лекций, воспоминаниям слушателей, как учёный согласовывал свои колоссальные знания русского XIX века, революционного движения и общественной борьбы с официальными схемами, – и сравнить, что здесь было сходного с 30-ми годами и в чём заключались различия. (Более сложный вопрос – какую роль в таком согласовании и в 30-е и в 40-е годы играла дореволюционная либерально-демократическая традиция “общественнического” понимания литературы и как она ассимилировалась новой идеологией.)»².

Думается, дело не только в ассимиляции традиции идеологией. Серьёзные учёные-гуманитарии стремились понять отечественную историю, историю литературы на основании богатых, проверенных фактов, неизвестных архивных

материалов, а не конъюнктурных схем. Но сама методология советской историографии и истории литературы была заложена ещё до революции – в той самой «общественнической» парадигме. Разница между советской и «подсоветской» гуманитарной наукой определялась не принципиальным различием в подходах, а масштабом таланта, уровнем профессионализма и, прежде всего, личной исследовательской честностью каждого учёного. П.А. Бугаенко был из числа тех, кто стремился к научной добросовестности, честности. Но он, как и его учителя, был человеком своего времени.

В Саратовском университете П.А. Бугаенко работал с 1949 г. и до конца жизни в 1983 г. Не раз он говорил и писал об определяющей роли в его творческой биографии саратовской филологической школы и 20-х–30-х и 50-х гг., А.П. Скафтымова, сотрудников кафедры русской литературы. В 1958 г. в СГУ была открыта кафедра советской литературы. Её первым и бессменным в течение 25 лет заведующим был Павел Андреевич. Приоткрывшиеся в годы «оттепели» возможности исследования литературы 20-х гг. учёные кафедры использовали так активно, что нередко шли по краю «допустимого». Многоцветная картина литературной жизни 20-х гг. увлекала и студентов, и аспирантов. Сам П.А. Бугаенко, как только стало возможно заниматься Луначарским, работать в архивах, окунулся в эту работу со всей исследовательской страстью. С юности находился он под обаянием встреч с Луначарским, его статей, видел в нём продолжателя традиций революционно-демократической критики. Книги П.А. Бугаенко «А.В. Луначарский и литературное движение 20-х годов» (1967), «А.В. Луначарский и советская литературная критика» (1972), насыщенные богатым фактическим материалом, вызвали интерес и в нашей стране, и в Англии, Германии, Чехословакии. В 1967 г. в Киеве Павел Андреевич защитил докторскую диссертацию «А.В. Луначарский и литературное движение 1920-х годов». Многое сейчас и в деятельности Луначарского, и в литературе 20-х–30-х гг. XX в. видится нам иначе, чем виделось П.А. Бугаенко в 60-е–70-е гг. Прежде всего, конечно, в силу движения времени, новых возможностей знания, но, в какой-то мере, и в силу заложенной учителем устремлённости к научной истине.

Но и в те годы приоткрылось ему принципиально важное. Помню, как потрясён он был письмами Короленко к Луначарскому, прочитанными в архиве (до официальной публикации оставались годы), как только самым близким ученикам мог рассказать о них.

И в середине XX в., и позже учёные-гуманитарии, честно работавшие с материалом, в той или иной мере переживали драму, о которой ещё будет написано.

П.А. Бугаенко было присуще острое чувство современности. Он обращался к ней и как учёный, и как литературный критик, член Союза писателей

СССР, и как лектор. Долгие годы шёл он через современность, становящуюся постепенно историей, вглядываясь зорко в плодотворное, живое в ней. Много писал Павел Андреевич о творчестве волжан. Особенно интересовался творчеством К.А. Федина, его саратовскими истоками. С Федеиным связывали Бугаенко десятилетия дружбы, переписка, литературные споры. Творчество Федина посвящены книги: «Мастерство Константина Федина» (Саратов, 1959), «Константин Федин и Саратовская земля» (Саратов, 1977, 1982), «Константин Федин. Личность. Творчество» (Саратов, 1980), «Романическая трилогия К.А. Федина» (Москва, 1981). По инициативе П.А. Бугаенко в Саратове был создан Музей К.А. Федина. Время выверило масштабы. «Советский классик» ныне открылся как одарённый писатель 20-х гг., деформированный советскостью, но всё-таки писатель, а не литературный чиновник; высветились иные, чем раньше, культурные контексты его произведений. Богатейший архив Федина, переданный Музеем дочерью писателя, Н.К. Феединой, даёт всё новые возможности понимания литературной жизни XX в., культуры Саратова. Чем больше стирается идеологический налёт, тем виднее человеческие отношения, «факультативные» черты и 20–30-х и 60–70-х гг. XX в. Ценимое Павлом Андреевичем взаимодействие литературоведения и краеведения стало направлением исследований и его учеников.

Университет был главным делом П.А. Бугаенко, профессора, заведующего кафедрой, проректора по учебной работе (1963–1971), исполняющего обязанности ректора (с 20.11.1969 по 11.12.1970). На филологическом факультете Павел Андреевич читал курсы «История советской литературы», «История литературной критики», «Теория литературы», спецкурсы по литературе и журналистике. Именно он и профессор Я.И. Явчуновский были инициаторами подготовки журналистов на факультете. Результаты интенсивного изучения литературы и критики 20-х гг., современной литературы сотрудниками кафедры публиковались в серийном издании «Проблемы развития советской литературы», известном далеко за пределами Саратова, в книгах, сборниках, отражались в докторских и кандидатских диссертациях. Другим учебным и научным направлением деятельности кафедры была теория литературы. И тут заведующий кафедрой давал свободу молодым сотрудникам, осваивающим новые тогда методы структурального, семиотического анализа. Даже далёкие ему идеи учеников, если они были серьёзно аргументированы, вызывали не протест, а уважение, даже порой восхищение учителя. Помню, как радовался Павел Андреевич после моей лекции по структуральному анализу. На конференциях в Москве, Ленинграде, поволжских городах выступали почти все члены кафедры. Павел Андреевич умел в каждом сотруднике найти сильную исследовательскую черту, каждому

дать возможность участвовать в коллективных проектах.

П.А. Бугаенко был талантливым организатором науки. С 1970 г. он руководил Главным советом по филологическим наукам, координирующим исследовательскую работу филологических факультетов всех российских университетов. Многие учёные по всей России благодарны П.А. Бугаенко за конференции, издания, коллективные труды, которые объединяли умы, выдвигали новые литературоведческие проблемы.

Много сил отдавал Павел Андреевич работе со студентами; из его семинара вышли талантливые литературоведы, преподаватели вузов, известные журналисты, музейные работники, педагоги. Имя Павла Андреевича объединяет сотни людей, благодаря ему определивших свою судьбу. В трудные минуты студенты шли к нему за помощью. Порой – неожиданной. В 1981 г. студенты-филологи решили провести большой вечер, посвящённый творчеству Высоцкого. Партком не давал разрешения. Тогда профессор Бугаенко взял ответственность на себя – и вечер состоялся. Было невероятно много народа, но всё прошло «благополучно».

Человек острой, быстрой реакции на новое в литературе, Павел Андреевич любил сопоставлять свои взгляды с эстетическими реакциями молодых. «Как Вам новый роман Трифонова?» – вдруг перебивал он разговор о текущих учебных делах. Подробно расспрашивал руководителей научных студенческих кружков «Новинки современной прозы» и «Новая современная поэзия»: «Ну, что думают ваши первокурсники, чем больше всего интересуются?». Он любил молодёжь, радовался всему смелому, талантливому в ней.

Искренне, деятельно интересовался П.А. Бугаенко жизнью Саратовской писательской организации, творческим ростом журнала «Волга». Он был благородный человек – принципиальный и великодушный. Н.Е. Палькин вспоминал, как поддержал его в трудные дни Бугаенко, хотя и не был согласен с ним в оценке статьи М. Лобанова «Освобождение», вызвавшей «организационные меры», как тогда говорили, по отношению к журналу и его главному редактору Палькину. Многие писатели помнят дружески-требовательные, доказательные статьи, рецензии, устные выступления Бугаенко, помнят, как любил он организовывать встречи студентов с саратовскими поэтами и прозаиками, как «спасал» порой гостя от максималистски настроенных юных филологов.

Литературно-критические статьи П.А. Бугаенко публиковались в «Литературной газете», журналах «Русская литература», «Октябрь», «Волга», «Филологические науки».

«Дело моей жизни» – так назвал П.А. Бугаенко свою последнюю книгу, вышедшую уже

после его смерти, в 1985 г., в Приволжском книжном издательстве. Автор 10 монографий, более 100 статей и рецензий, в последней книге он выступил и как мемуарист, запечатлевший своё время, встречи с писателями, черты литературной жизни за 50 лет. Современный читатель книги заметит, может быть, с досадой или сочувствием автору, как сильна автоцензура, как много выражено намёком или вообще опущено. (В эти же годы Ю. Трифонов назвал свой роман «Время и место» романом-пунктиром.) Но если бы знал этот читатель, как мы, ученики Павла Андреевича (редактор Л.Н. Сабурова, директор издательства П.И. Ефимов и я), готовили книгу к печати, он сильно бы удивился. Пришлось отбить около двадцати цензурных придинок – иногда опасных («Как мог Луначарский спорить с Лениным?»), иногда смешных («Как это автор пишет, что ограду с могилы Чернышевского задвинули в кусты? На что он намекает?»).

Павел Андреевич жил и умер в страшное, по существу, время. Многое изнутри этого времени казалось ему иным, чем было на самом деле. Только самые близкие люди знали, с какой силой переживал он крушение иллюзий, как давалось ему самостояние. Сюжет для большого романа: русский интеллигент, стремящийся «быть содеятелем грандиозного дела», лично честный, лишённый цинизма, упорно отыскивающий в трясине лжи и фальши островки твёрдой земли, на которой можно строить, можно сеять семена живого, потому что по природе он не скептик, не отрицатель, а труженик. С годами всё больше убеждаешься, как важен не скорый суд, а медленное понимание. Хотя порой и очень горько видеть в коллективном заблуждении долю своей вины, вины своих учителей.

Павел Андреевич Бугаенко – учёный, литератор, педагог – много содействовал развитию культуры, формированию творческих умов, росту уважения к науке. Дело *его* жизни влилось в созидательное дело жизни общей.

Примечания

- 1 См. подр.: Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / Под ред. Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой. Саратов, 2003.
- 2 Из переписки Ю.Г. Оксмана / Вступ. статья и примеч. М.О. Чудаковой и Е.А. Тоддеса // Четвёртые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига, 1988. С. 110.

Л.Е. Герасимова

ВСТРЕЧИ С КАНАДЦАМИ И КАНАДОВЕДАМИ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ СГУ

На протяжении нескольких лет филологический факультет (ныне Институт филологии и журналистики) Саратовского государственного университета активно поддерживает и развивает связи с научно-образовательными учреждениями, преподавателями, учеными, журналистами и писателями Канады. Многие из этих контактов были налажены кафедрой романской филологии. Преподаватели и студенты кафедры занимаются научными исследованиями по темам, связанным с Канадой, являются членами Российского общества изучения Канады, публикуют в России научные работы по канадской тематике, выступают с лекциями о Канаде в российских вузах, высказывают свое мнение о российско-канадском сотрудничестве в канадских университетах, лицеях и колледжах. Большое значение имеет проведение в Институте филологии и журналистики научно-практического семинара под эгидой Российского общества изучения Канады, в котором принимают участие студенты, преподаватели и профессора многих городов нашей страны. На семинарах широко обсуждаются вопросы истории Канады, особенности французского, английского и испанского языков в Канаде, анализируются произведения канадской художественной литературы, актуальные проблемы журналистики. Преподаватели Института выезжают на стажировки в канадские университеты, развивают связи с канадскими коллегами, стремятся к установлению партнерских отношений с университетами Канады. При поддержке сотрудников посольства Канады в России преподаватели кафедр романской филологии организуют в Саратове российско-канадские культурные мероприятия: фестивали канадского кино, концерты канадских артистов.

Научно-практический семинар «Квебек в системе Канадской Федерации», 30–31 января 2008 г.

30–31 января 2008 г. в Институте филологии и журналистики Саратовского государственного университета состоялся научно-практический семинар «Квебек в системе Канадской Федерации». Руководил семинаром профессор СГУ В.Т. Клоков. Это вторая встреча канадологов России в Саратове (первая состоялась в 2006 г.). В отличие от подобных встреч в других вузах страны, саратовский семинар имеет филолого-языковедческую направленность. Семинар поддерживается Посольством Канады в России, Российским обществом изучения Канады, Институтом США и Канады РАН и Институтом языкознания РАН. В семинаре участвовало 26 канадологов России: доктора и кандидаты наук, преподаватели и студенты из вузов Саратова, Ульяновска, Самары,

Магнитогорска, Москвы. В качестве гостей присутствовали второй секретарь Посольства Канады в России Николя Бруссо и директор «Альянс франсез в Саратове» Жан-Мари Пьери.

Тематика некоторых выступлений выходила за филологические рамки, так как нынешний семинар был приурочен к четырехсотлетию основания Квебека на американском континенте.

Участников семинара приветствовал директор Института филологии и журналистики СГУ профессор **В.В. Прозоров**. В своем выступлении он специально отметил важность научно-образовательных контактов СГУ с вузами Канады, в установлении которых особую роль играет кафедра романской филологии СГУ. В.В. Прозоров выразил надежду на то, что в будущем плодотворно будут развиваться образовательные контакты в области журналистики между СГУ и Квебекским университетом в Монреале.

Николя Бруссо приветствовал семинар от имени Посольства Канады в России. Он рассказал о работе возглавляемого им культурного отдела Посольства и отметил, что в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Саратова, Волгограда посольство поддерживает проведение важных научно-образовательных мероприятий. Министерство международных связей и внешней торговли Канады через Посольство в России помогает российским исследователям стажироваться в канадских университетах, вести исследования в гуманитарных областях знаний в Канаде.

Первое заседание семинара было посвящено проблемам государственной политики, экономики и культуры в Канаде.

В.И. Соколов, заведующий отделом Канады института США и Канады РАН, исполнительный директор Российского общества изучения Канады, свое выступление посвятил истории Квебека в составе Канадской федерации.

Л.А. Немова, заведующая отделом экономики института США и Канады РАН, познакомила участников семинара с достижениями Квебека в области экономики и социальной политики, отметив, что на современном этапе экономический рост этой канадской провинции особенно заметен.

А.Н. Учаев, доцент института истории и международных отношений СГУ, рассказал о принятых недавно муниципалитетом Эрувилля в Квебеке «норм поведения», которые в контексте общей ситуации в этноконфессиональном поле Канады позволяют судить об эффективности проводимой в Канаде политики «мультикультурализма».

Л. Михайлова, студентка ГУ ВШЭ, выступила с докладом о миграционной политике в Канаде.

Т.А. Суходоева, кандидат филологических наук, ассистент Ульяновского государственного университета, свое выступление посвятила роли языка в национальной идентификации франко-канадцев и франко-американцев. Она обратила внимание на то, что люди, объединенные каким-либо территориальным вариантом полинационального языка, нередко идентифицируют себя как представители отдельных этносов и наций. На основе анализа национально-специфической лексики, выражающей отношение жителей Квебека, Новой Англии и Луизианы к своему языку и культуре, а также к «прародине» их языка – Франции, автор показал значимость этого лексического пласта для понимания менталитета франко-канадцев и франко-американцев.

Второе заседание было посвящено особенностям французского языка Квебека.

Л.Ю. Михайлова, доцент Саратовской государственной академии права, остановилась на вопросах нормы в области терминологии квебекского варианта французского языка. Автор определил место и статус французского языка Канады, раскрыл особенности нормализации его терминологических систем, их специфику относительно французского языка Франции.

Н.В. Дружина, профессор пединститута СГУ, рассказала о результатах своего исследования «грамматических правил феминизма» во французском языке Квебека. На материале газеты Ultimatum (орган Ассоциации за солидарность студентов и коллегий провинции Квебек) она показала возможности формального воплощения на практике основных принципов «языковой политики феминизации», продемонстрировала возможности широкого использования грамматической категории согласования при создании так называемого текста «обоюдного рода».

В.Т. Клоков, профессор СГУ, рассказал о своих наблюдениях за качеством речи на франкоязычном телевидении Квебека. По поводу французского языка на телевидении в Квебека ведутся жаркие дебаты. Многие считают, что низкое качество французского языка на местном телевидении отрицательно сказывается на становлении местной нормы, которая в большей степени ориентируется на всеобщий стандарт с допуском в нее лишь незначительного количества местных элементов.

Е.Е. Кругляк, доцент СГУ, выявил семантические англицизмы в печатных СМИ франкоязычной Канады. Язык франкоязычной прессы Канады представляет собой, с одной стороны, воплощение языковой нормы, ориентирующейся на французский язык Франции, а с другой – отражение того уровня языка, который существует в Канаде. Постоянный контакт с английским языком приводит к появлению в прессе Канады английских заимствований, среди которых довольно часто встречаются семантические заимствования.

Н.А. Слобожанина, старший преподаватель Самарского государственного университета, познакомила аудиторию с особенностями импорта англо-американских концептов во французский язык Квебека. За английскими словами в квебекском варианте французского языка нередко скрываются специфические англоязычные концепты с их особой ценностной значимостью. Аккумуляция импортированных концептов ведет к изменению системы ценностей во франко-канадской лингвокультуре.

В. Синичкин, студент СГУ, рассказал о нормативности французского языка в текстах, зарегистрированных на квебекских сайтах Интернета.

Ю.В. Гуськова, ассистент СГУ, поделилась своими наблюдениями за особенностями выражения языковой оценки в спортивных чатах на франко-канадских сайтах Интернета.

О. Долгова, студентка пединститута СГУ, привела данные своего анализа имен собственных в структуре урбанонимов г. Монреаля. Собранные ею факты свидетельствуют о том, что в г. Монреале имеется большое число наименований, включающих имена собственные лиц – представителей разных социальных групп. В связи с тем что Монреаль известен как «город святых», особенно много здесь наименований с компонентом – именем святого.

М. Шатяева, студентка пединститута СГУ, сообщила о своих исследованиях, касающихся происхождения урбанонимов столицы Канады Оттавы, особенно тех из них, которые имеют французское происхождение. Сравнение последних с урбанонимами городов Франции позволило автору обнаружить их семантическое и структурное своеобразие. Выступающая обратила также внимание на тенденцию, связанную с английским влиянием на формирование французских урбанонимов в двуязычной Оттаве.

Е.А. Привалова, ассистент Ульяновского государственного университета, свое выступление посвятила особенностям системы грамматических и лексических форм лица во франко-квебекском просторечии. Ею выявлены семантические признаки, лежащие в основе данной системы форм, а также порядок взаимодействия грамматической категории лица с другими категориями – числа, рода, времени.

А. Кулаков, студент СГУ, посвятил свое сообщение особенностям инвективной лексики в квебекском просторечии. Свои наблюдения он подтверждал результатами анализа словарей особенностей французского языка в Квебеке, а также пьес квебекского драматурга Мишеля Трамбле.

На третьем заседании выступающие говорили о языках и культурах коренных народов Канады, об особенностях канадского варианта английского языка и латиноамериканского варианта испанского языка.

В.А. Кожемякина, старший научный сотрудник института языкознания РАН, остано-

вилась на судьбе языков коренных жителей Канады. В настоящее время коренными народами Канады признаются индейцы, инуиты и метисы. Канада входит в число стран, которые первыми осуществили регулирование статуса коренных народов на конституционном уровне. В выступлении языки коренного населения Канады рассмотрены с точки зрения их витальности и демографической мощности. 58 языков, принадлежащих одиннадцати не связанным друг с другом языковым группам условно распределяются на пять групп: 1) языки, имеющие шансы на выживание; 2) языки, имеющие шансы на выживание, но имеющие ограниченное число носителей; 3) языки, находящиеся под угрозой исчезновения; 4) языки, находящиеся на грани исчезновения; 5) практически мертвые языки.

В. Талахадзе, студентка СГУ (в соавторстве с доцентом СГУ Г.В. Лашковой), докладывала о путях развития английского языка в Ньюфаундленде. Специфика этой формы речи связана с наличием большого количества отклонений от нормативного канадского английского на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Низкий социальный статус данного варианта может привести к тому, что в ближайшем будущем он будет полностью вытеснен литературной нормой.

С.А. Селезнева, ассистент Магнитогорского государственного университета, рассказала о музыкальном творчестве представителей коренного населения в Квебеке «Kashtin» в конце 80–90-х гг.

Е.А. Миронова, ассистент Ульяновского государственного университета, остановилась на вопросах противостояния двух языков – английского и французского – в условиях современной глобализации. Особое внимание докладчик обратил на историческую роль Канады, в особенности Квебека, в развитии вариантов полинациональных языков.

Е.А. Юдина, ассистент СГУ, затронула тему миграции латиноамериканских народов в Испанию и США, осветив судьбу переселенцев, взаимное культурное и языковое влияние коренного населения США и Европы на иммигрантов из Латинской Америки, особенности адаптации при отсутствии языкового барьера. В докладе была проанализирована разница в позиции стран, принимающих иммигрантов.

Н.В. Красовская, ассистент СГУ, докладывала об особенностях образного содержания концепта «дождь» в испаноязычной художественной литературе. Ею установлено, что концепт «дождь» входит в категорию культурных концептов, будучи «константой» испаноязычной культуры и результатом многовекового познания и практического использования испаноязычным этносом реально существующего в природе явления. Концепт «дождь» сочетает в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие специфические признаки испаноязычной лингвокультуры.

Вербализованный в текстах художественных произведений, он приобретает некоторые особенности, выделяющие его из совокупности культурных концептов и представляющие большой интерес для исследования.

Беседы с канадским журналистом

С 4 по 14 мая 2008 г. в Институте филологии и журналистики с визитом находился декан факультета журналистики Квебекского университета в Монреале, профессор Антуан Шар. Цель его визита состояла в обсуждении перспектив сотрудничества между факультетом журналистики Квебекского университета в Монреале и Институтом филологии и журналистики СГУ.

Визит Антуана Шара явился ответом на посещение в прошлом году Квебекского университета в Монреале заместителем директора по международным связям, доцентом И.В. Бибиной и заведующим кафедрой романской филологии, профессором В.Т. Клоковым. В их задачу также входило уточнение условий возможного сотрудничества между вузами.

6 мая в 213 аудитории XI корпуса СГУ Антуан Шар провел лекцию, посвященную канадской прессе. Профессор обозначил основные проблемы развития прессы в Канаде. Наиболее актуальна из них, по его мнению, – отсутствие конкуренции между газетами и журналами разных направлений, что ведёт к снижению в канадском обществе критического отношения к средствам массовой информации. В ходе лекции господин Шар представил обзор канадских печатных СМИ и продемонстрировал наглядные печатные материалы.

Лекция проходила на французском языке без перевода главным образом для студентов и преподавателей кафедры романской филологии. Это дало возможность студентам проверить свои практические навыки и знания изучаемого языка. Они задавали профессору вопросы, на которые тот отвечал с удовольствием. Антуан Шар был приятно удивлён высоким уровнем знаний французского языка у наших студентов. «Я был бы счастлив однажды оказаться среди французов, которые говорили бы по-русски так же хорошо, как сегодня изъяснялись ваши студенты по-французски», – отметил профессор.

Подобные встречи у профессора Шара состоялись на кафедре зарубежной литературы и журналистики и на кафедре современной отечественной литературы. Кроме преподавателей на этих встречах присутствовали журналисты города Саратова. Литературоведы и журналисты с интересом обсуждали вопросы журналистики, свободы слова в России и Канаде, этические нормы и принципы работы журналистов в современных средствах массовой информации.

Мастер-класс с канадской писательницей

21 мая 2008 г. франкоязычная академическая писательница Мартин Жако, приехавшая в Саратов по приглашению Педагогического института СГУ из Канады, провела встречу со студентами-филологами Института филологии и журналистики. Встреча прошла в формате мастер-класса, посвящённого проблемам перевода художественного текста.

Открыл семинар профессор, заведующий кафедрой романской филологии В.Т. Клоков. Он представил собравшимся канадскую писательницу и сообщил, что студенты кафедры предварительно перевели на русский язык с французского несколько новелл госпожи М. Жако. Писательница, со своей стороны, подробно рассказала о своей жизни во Франции и в Канаде, о своем литературном творчестве, о том, как были написаны ею два романа, несколько новелл и стихов, о переводах ее произведений, которые уже осуществлены в мире.

Студенты 5 курса Артем Кулаков и Екатерина Шишова представили автору, студентам и преподавателям свои переводы новелл М. Жако. Последовавшее затем обсуждение переводов сопровождалось анализом произведений со стороны переводчиков, писательницы и аудитории. В ходе встречи прозвучали ответы госпожи Жако на многочисленные вопросы, касавшиеся особенностей ее творчества и художественности ее произведений. Присутствующим интересовала история создания новелл и романов канадской писательницы, специфика ее творческого процесса, литературные предпочтения писательницы.

Беседа, проходившая на французском языке, получилась весьма интересной для всех её участников. В завершение встречи Мартин Жако поблагодарила сотрудников и студентов Института за тёплый приём и удостоилась, в свою очередь, благодарностей от собравшихся.

В.Т. Клоков

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ РЕЧИ: ЭВОЛЮЦИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗЫ»

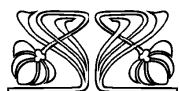
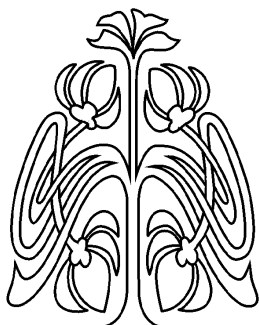
24–26 сентября 2008 г. Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета проводит Международную научную конференцию «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». В ходе конференции планируется обсудить следующие проблемы:

- состояние русской речи в разных сферах общения: повседневная сфера, профессиональная сфера, СМИ и др.;
- речевое поведение в различных речевых ситуациях;

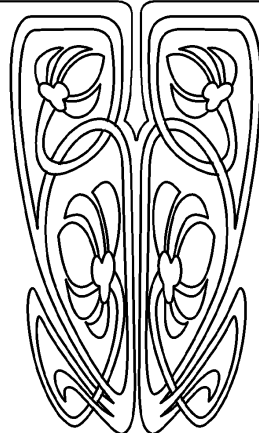
- влияние на состояние речи прагмалингвистических характеристик участников общения; гендерная специфика;
- культура современной речи;
- эволюционные процессы, тенденции, прогнозы.

Доклады будут опубликованы в 9 выпуске сборника «Проблемы речевой коммуникации».

Адрес оргкомитета: 410012, г. Саратов, Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики.
E-mail: rusyazsgu@mail.ru/.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на 2009 год

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 275 руб.